

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ISSN 2500-2112
Эн № ФС77-77602

2024
1(46)

ISSN 2500-2112

Эл № ФС77-77602

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ № 1 (46)' 2024

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Парфёнова Мария Яковлевна

Заместитель главного редактора:

Горбунова Юлия Александровна

Редакционный совет

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Соколов И.А., *д-р техн. наук, академик РАН, директор Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (ФИЦ ИУ РАН);*

Бородин В.А., *д-р техн. наук, чл.-корр. РАН, зав. лабораторией, генеральный директор ФГУП «Экспериментальный завод научно-приборостроения со Специальным конструкторским бюро РАН»;*

Зацаринный А.А., *д-р техн. наук, проф., действительный член Российской академии инженерных наук им. А.М. Прохорова, Академии военных наук, Международной академии связи, заместитель директора Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (ФИЦ ИУ РАН);*

Курейчик В.М., *д-р техн. наук, проф. Южного федерального университета (филиал в г. Таганроге), академик РАЕН, Академии инженерных наук Российской Федерации, Международной академии информатизации, Нью-Йоркской академии наук, заместитель руководителя по научной и инновационной деятельности;*

Колонтаевская И.Ф., *д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой гражданского права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Сухомлин В.А., *д-р техн. наук, проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, проф. МИПЭА, академик Академии информатизации образования, член общественного совета ЦФО, председатель Международного Союза славянских журналистов, зав. лабораторией открытых информационных технологий;*

Yatskiv Irina, *Dr. sc. ing., Professor, Vice-Rector for Science and Development Affairs, Transport and Telecommunication Institute, Riga, Latvia;*

Galya Hristozova, *Dr. sc., Professor, Rector of Burgas Free University, Burgas, Republic of Bulgaria;*

Joksimović Aleksandar, *PhD, Head of Laboratory of Ichthyology and Marine Fisheries, University of Montenegro, Institute of Marine Biology, Kotor, Montenegro.*

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

ПОДГОТОВКА ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	7
<i>Варавва Маргарита Юрьевна</i>	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	17
<i>Головина Ирина Витальевна, Александрова Татьяна Яковлевна</i>	

МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

DIGITAL TRANSLATION METHODS IN THE CONTEXT OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: CORPORA APPROACH	23
<i>Mikhaylova A.G., Kobzeva N.A.</i>	
О ПРИНЦИПАХ ПРАКТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КОМПЕТЕНЦИЯМ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА.....	31
<i>Беленко Екатерина Леонтьевна, Проценко Юлия Валерьевна, Луканова Наталья Александровна</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ	41
<i>Быков Анатолий Карпович</i>	
ДИАЛОГ КАК ФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕПРОФИЛЬНОМ ВУЗЕ	48
<i>Екимова Наталья Викторовна</i>	
SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY FORMATION IN M. ŞERIF AND D. CAMPBELL'S RESEARCH.....	54
<i>Zakiryanova I.A.</i>	
ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ-НЕЛИНГВИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	63
<i>Кузнецова Екатерина Вячеславовна, Маталова Светлана Валерьевна, Смирнова Мария Владимовна</i>	
РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА	72
<i>Прибылова Наталья Геннадьевна, Фролова Светлана Валериевна</i>	

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

НЕЯВНЫЕ ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОИСКЕ	80
<i>Курдюков Никита Сергеевич</i>	
РЕГЕНЕРАЦИЯ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ.....	88
<i>Цветков Виктор Яковлевич, Матчин Василий Тимофеевич</i>	

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЕНЕЗИС НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (ОТ ПЕРВОБЫТНОГО МИРА ДО ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ)	95
<i>Флеров Олег Владиславович</i>	

CONTENTS

EDUCATIONAL ENVIRONMENT

IT TRAINING: KEY LIMITATIONS OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM.....	7
<i>Varavva M. Yu.</i>	
DIGITALIZATION OF EDUCATION: RISKS AND CONSEQUENCES	17
<i>Golovina I.V., Alexandrova T.Ya.</i>	

METHODS AND TECHNOLOGIES OF TRAINING AND UPBRINGING

DIGITAL TRANSLATION METHODS IN THE CONTEXT OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: CORPORA APPROACH	23
<i>Mikhaylova A.G., Kobzeva N.A.</i>	
ON THE PRINCIPLES OF PRACTICAL TRAINING OF STUDENTS IN PROFESSIONAL COMPETENCIES OF TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY	31
<i>Belenko E. L., Protsenko Y.V., Lukanova N.A.</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE PATRIOTIC EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS	41
<i>Bykov A.K.</i>	
DIALOGUE AS A FORM OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A NON-CORE UNIVERSITY.....	48
<i>Yekimova N.V.</i>	
SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY FORMATION IN M. ŞERIF AND D. CAMPBELL'S RESEARCH.....	54
<i>Zakiryanova I.A.</i>	
THE PRACTICE OF TEACHING ENGLISH PHONETICS TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC MAJORS IN MODERN CONDITIONS.....	63
<i>Kuznetsova E.V., Matalova S.V., Smirnova M.V.</i>	
NATIONAL IDENTITY DEVELOPMENT OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN A MULTICULTURAL SPACE OF A LINGUISTIC UNIVERSITY.....	72
<i>Pribylova N.G., Frolova S.V.</i>	

INFORMATION TECHNOLOGY

IMPLICIT KNOWLEDGE IN INFORMATION RETRIEVAL.....	80
<i>Kurdyukov N.S.</i>	
REGENERATION OF COMPLEX SYSTEMS.....	88
<i>Tsvetkov V.Ya., Matchin V.T.</i>	

METHODOLOGICAL RESEARCHES

THE GENESIS OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL IDEAS ON INFORMATION CULTURE (FROM THE PRIMEVAL WORLD TO DIGITAL PLATFORMS).....	95
<i>Flerov O.V.</i>	

УДК 37.01+331.54

ПОДГОТОВКА ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Варавва Маргарита Юрьевна¹,

канд. экон. наук,

e-mail: margur2010@mail.ru,

¹Оренбургский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Россия

Важнейшая стратегическая задача российской системы высшего образования – подготовка кадров для нужд цифрового этапа развития. Несмотря на популярность информационных профессий и растущий спрос на ИТ-образование, Россия испытывает значительный дефицит ИТ-специалистов различного уровня подготовки. В исследовании определены основные институционально-компетентностные дисбалансы в системе подготовки ИТ-специалистов, позволившие выявить комплекс факторов, обладающих кумулятивным эффектом, накопившемся за ряд предшествующих лет и доказывающих негибкость и низкую отзывчивость российских академических институтов образования к настоящим требованиям системной цифровизации. Сделан вывод о том, что неиспользование потенциала российских вузов, неспособность системы образования максимально быстро адаптироваться к новой цифровой реальности в плане наращивания подготовки востребованных ИТ-специалистов, отрыв от потребностей реальной практики ведет к затормаживанию процессов информационной трансформации и объективно ставит под сомнение достижение цифровой зрелости России в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: ригидность системы высшего образования, цифровая трансформация, дефицит ИТ-специалистов

IT TRAINING: KEY LIMITATIONS OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM

Varavva M. Yu.¹,

candidate of economic sciences,

e-mail: margur2010@mail.ru,

¹Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg, Russia

The most important strategic task of the Russian higher education system is to train personnel for the needs of the digital stage of development. Despite the popularity of information professions and the growing demand for IT education, Russia is experiencing a significant shortage of IT specialists of various levels of training. The study identified the main institutional and competent imbalances in the IT training system, which made it possible to identify a set of factors that have a cumulative effect that has accumulated over a number of previous years and prove the inflexibility and low responsiveness of Russian academic educational institutions to the urgent requirements of systemic digitalization. It is concluded that the non-use of the potential of Russian universities, the inability of the education system to adapt as quickly as possible to the new digital reality in terms of increasing the training of demanded IT specialists, the separation from the needs of real practice leads to a deceleration in the processes of information transformation and objectively casts doubt on the achievement of Russia's digital maturity in the medium term.

Keywords: rigidity of the higher education system, digital transformation, shortage of IT specialists

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-7-16

Введение

Достижение «цифровой зрелости» предполагает наличие достаточной ресурсной базы для ускоренного внедрения и распространения новейших цифровых продуктов и решений в национальной экономике и социуме. В профессиональном разрезе ресурсная база цифровой парадигмы – это подготовленные квалифицированные ИТ-кадры, спрос на компетенции которых со стороны высокотехнологического бизнеса и промышленности за последние несколько лет вырос экспоненциально. Вполне закономерно, что основная нагрузка в подготовке востребованных ИТ-специалистов ложится на «плечи» российских вузов.

Необходимо отметить, что российская система высшего образования обладает рядом неоспоримых преимуществ и условий, определенным заделом и потенциалом роста в области подготовки профессионалов для информационно-технологических секторов: наличием образовательного ядра в лице ведущих вузов с фундаментальным техническим образованием мирового уровня, сохранёнными традиционно сильными инженерными и физико-математическими научными школами, вузовской практикой поиска и отбора одарённых школьников в области точных наук через предметные конкурсы и олимпиады, действующими в средней школе узкопрофильными классами по физике, информатике, математике.

Однако сегодняшняя действительность высвечивает значительный образовательный пробел – колоссальный разрыв между запросом на специалистов различного уровня ИТ-подготовки со стороны государства и корпоративного сектора и слабым предложением таких специалистов со стороны системы высшего образования. Целью данного исследования выступает анализ и систематизация ключевых ограничений системы высшего образования России, приведших к ощутимому дисбалансу и отставанию в подготовке необходимого количества специалистов с технической, научно-математической и инженерной базой, которые являются основным квалификационным ресурсом для всех отраслей новой цифровой экономики.

В целях расширения рамок институционального подхода применен ретроспективный метод, позволивший рассмотреть институт высшего образования с точки зрения новых реалий и тенденций цифровой парадигмы развития, определить степень научного интереса и изученности заявленной проблемы. Методы контент-анализа, статистико-социологического сравнения и экспертной оценки позволили выявить причины отставания высшей школы от настоятельных потребностей национальной экономики в высокоподготовленных ИТ-профессионалах. Соединение исследовательского инструментария научных дисциплин социологии образования и экономики труда способствовало более широкому рассмотрению обозначенной темы – с точки зрения системно-синергийного и междисциплинарного подходов.

1. Ретроспективный обзор публикаций по проблемам подготовки ИТ-специалистов российской высшей школой

Оценивая публикации периода 2010–2023 годов, анализирующие вопросы подготовки ИТ-специалистов высшей школой, необходимо отметить, что фокус исследовательского интереса в них сосредоточен в основном на общих аспектах формирования информационной ИТ-парадигмы. Это означает, что многие проблемы кадрового наполнения цифровых отраслей будущего находились вне поля зрения научного сообщества, игнорировалась системная оценка причин и факторов, обусловивших масштабный кадровый дисбаланс в секторах новой экономики и, соответственно, популяризации профессий, связанных с информ-интеллект-технологиями как таковой не было. В отдельных работах отмечается, что за последние пять лет в авторитетных научных изданиях, индексируемых в международных базах данных, имеется свыше 2,5 тыс. публикаций, связанных с информтехнологиями, но отсутствуют наработки, касающиеся подготовки специалистов с компетенциями для сфер цифровых инноваций и искусственного интеллекта [1; 2].

Заметное оживление научного интереса к данной проблематике наблюдается в связи с принятием комплекса правительственных инициатив (федеральные проекты «Кадры для цифровой экономики», «Развитие кадрового потенциала в ИТ-отрасли», «Цифровые профессии», национальные программы «Цифровая экономика РФ», «Приоритет-2030» и др.), направленных на подготовку высококвали-

фицированных ИТ-кадров и популяризации ИТ-профессий. Так, в монографическом исследовании под редакцией И.Н. Шапкина сформулированы причины ригидности (низкой адаптивности и «неповоротливости») национальной образовательной системы к настоятельным требованиям нарастающей и всеохватывающей информатизации. Авторы отмечают, что источники такой низкой отзывчивости образовательных институтов необходимо искать не только в современных реалиях, но и в «лихих девяностых», когда «пробег по бездорожью» российского образовательного пространства привел к тому, что на место традиционного вставало online обучение, «полосатые шлагбаумы» все глубже разделяли не только предметные области, но и отрасли знания одних и тех же дисциплин [3]. Поэтому дисбаланс между предложением ИТ-кадров сферой образования и растущим спросом на них со стороны трансформирующейся практики сегодня оценивается как вызов технологической безопасности, поскольку индустриальным экономикам угрожает не технологический прогресс Индустрии 4.0 как таковой. Они могут проиграть от цифровой трансформации в силу нехватки человеческого капитала в сочетании с ригидностью образовательной системы [4], которая значительно отстает в «гонке с технологиями» и не может адаптироваться к меняющемуся спросу на знания [5]. В ряде совместных исследований Г. Абдрахмановой, К. Вишневецкого, Л. Гохберга [6] обращено внимание на возникновение в системе подготовки ИТ-профессионалов двойной «воронки», которая усугубляет проблему нехватки нужных (точечных) специалистов: учитывая инертность системы формального образования и динамичную смену технологий, серьезным барьером выступает недостаток специалистов, способных обучать актуальным навыкам в сфере цифровых технологий. В аспекте данного тезиса Т. Аагаард и А. Лунд отмечают, что системные процессы цифровизации меняют весь ландшафт традиционной системы преподавания, требуя помимо общей, предметной, профессиональной компетенции – трансформационные (*transformative*) компетенции как способности преподавателей непрерывно реформировать и обновлять свою педагогическую практику [7]. В связи с этим кардинально изменяется компетентностный портфель преподавателя, дополняясь цифровой компетентностью, требующей постоянной практики, учитывая непривычную виртуальную среду, в которую погружен преподаватель и студент [8], где простая передача знаний посредством привычного «аналогового» или цифрового канала опосредована факторами личного педагогического мастерства [9].

Очевидно, что новые задачи высшего образования должны отвечать ожиданиям высокотехнологичного бизнеса и промышленности, со стороны которых по-прежнему остается востребованным заказ на наиболее продвинутых специалистов с современным ИТ-образованием. Однако российская система высшего образования пока не в состоянии подготовить нужное количество кадров, способных разрабатывать сквозные цифровые субтехнологии по наиболее наукоёмким, востребованным направлениям, имеющих высокий научный задел и потенциал коммерциализации [10].

2. Нехватка ИТ-специалистов: ограничители и дисбалансы российской системы высшего образования

По оценкам экспертов и аналитиков, за период 2013–2023 годов спрос на ИТ-специальности в России вырос в 25 раз. Так, в настоящее время в стране имеется около 1,8 млн ИТ-кадров различной квалификации, из которых 1 млн 450 тыс. заняты непосредственно в ИТ-отраслях и 350 тыс. человек – в сфере коммуникаций и связи¹. Суммарная годовая потребность в кадрах, связанных с разработкой и производством аппаратного обеспечения и электроники, оценивается в 222 тыс. человек; необходимость в ИТ-специалистах средней квалификации – в 76 тыс. человек. К 2030 году на фоне беспрецедентного роста информационных технологий и индустрий, отставание будет нарастать и составит порядка 2 млн человек². Таким образом, предъявляется колоссальный спрос не только на работников массовых «классических» ИТ-специальностей, но и на компетенции новых цифровых профессий. Следует отметить,

¹ ИТ-кадры для цифровой экономики в России. – URL: <https://apkit.ru> (дата обращения: 09.02.2024). – Текст: электронный.

² Имеющиеся статистические данные Минтруда, Минцифры, Росстата, АПКИТ по оценке дефицита ИТ-специалистов в РФ содержат существенный разброс в зависимости от используемой методологии подсчета.

что кадровый разрыв³ характеризуется не только количественными индикаторами, сигнализирующими об отсутствии на рынке труда достаточного числа ИТ-специалистов для нужд определенных отраслей, но и нехваткой кадров, обладающих необходимыми компетенциями, опытом и навыками, соответствующими требованиям работодателей.

Проведенный анализ позволил определить ключевые институциональные ограничения и дисбалансы, выступающие на стороне российской системы высшего образования, приведшие к так называемому кадровому разрыву и серьезным пробелам в подготовке ИТ-специалистов.

Институциональные ловушки реформирования системы образования и недооценка важности подготовки специалистов для будущих российских цифровых секторов. Начиная с 2010 года, на фоне резкого демографического спада, нарушение баланса между численностью выпускников ИТ-направлений и суммарной потребностью в них новых секторов экономики стало закономерным итогом игнорирования явных трендов усиления информатизации, быстрой диффузии ИКТ-технологий, неизбежности масштабирования процессов цифровизации. О возникающей необходимости в кадрах для формирующихся информационных отраслей России начали говорить ещё в 2010 году, однако действенных и решительных мер в этом направлении так и не предпринималось ни на одном институциональном уровне. Потерянное время и стихийные трансформации в сфере образования показали, что наиболее влиятельным социальным институтом, способным создавать институциональные ловушки, явилось государство: именно государственная политика в сфере высшего образования в период 1995–2004 годов привела к перекосам на рынке образовательных услуг, к перепроизводству кадров с гуманитарным образованием. Неэффективные и противоречивые реформы образования середины 90-х – начала 2000-х годов, сопровождающиеся «броуновским движением» от крайнего консерватизма до крайнего либерализма и обратно в различных формах их проявления [11, с. 74], имели итогом девальвацию, «тривилизацию, упрощение, обезличивание (обесмысливание) образования» [12, с. 26]. Следует отметить, что уже на стадии школьного обучения возникает блокиратор, выступающий как эффект «бутылочного (узкого) горлышка», когда пропускная способность определенного критического элемента ограничивает пропускную способность всей системы. Так, достаточно длительное время крайне низкая доля российских школьников выбирали специальности по ИТ-направлениям. Высшая школа ежегодно «приводит» в экономику около 40–43 тыс. выпускников по ИТ-направлениям: за 2017–2022 годы вузами подготовлено порядка 220 тыс. ИТ-специалистов, но для целей цифровизации этого крайне недостаточно, поскольку такое количество требуется в год. В среднем из 727 тысяч выпускников 9–11-х классов лишь 125 тыс. человек или 17 % выбирают ИТ-специальности: 59 % – в вузах, 41 % – в СПО; из получивших высшее образование работу по профессии находят 61 %, закончившие ссузы – 31 %; около 37 % учащихся СПО продолжают обучение в вузах и не идут работать по специальности⁴. В итоге сроки обучения необходимого специалиста удлиняются, а приток ИТ-кадров в экономику затормаживается. Причины этого кроются не только в неэффективном реформировании и недалёковидности политиков, но и в упущенных возможностях более раннего ознакомления школьников с актуальными цифровыми профессиями (формальной и недостаточной популяризационной работой в школах), отсутствии формирования индивидуальной образовательной траектории у старшеклассников, низкой вовлеченности школьников и студентов СПО в новаторскую и проектную деятельность.

Ригидность российского высшего образования: теоретическая направленность и оторванность от практики. В настоящее время в национальной системе высшего образования, помимо вузов-лидеров, достаточно университетов с мощной фундаментальной базой, исследовательской и технологической инфраструктурой. Однако они оперативно так и не включились в трансформацию научно-образовательных процессов и не адаптировались к быстро меняющемуся запросу экономики в новых кадрах Индустрии 4.0.

Характерным признаком ригидности российской высшей школы является высокая степень теоретизации и трансляции образовательного контента. Традиционный, отработанный и реплицируемый по

³ Кадровый разрыв (дисбаланс между спросом на труд со стороны экономики и предложением рынка труда) нами рассматривается как ограничение или невозможность обеспечения целевой занятости специалистов при имеющихся темпах прироста ИТ-кадров в национальную экономику.

⁴ Исследование: привлекать к ИТ-специальностям нужно уже со школы. Иначе наступит кадровый голод. – URL: <https://pedsovet.org/article> (дата обращения: 15.02.2024). – Текст: электронный.

шаблону и заданному алгоритму набор знаний закономерно привёл к отстранённости от практической направленности образовательного процесса, существенному разрыву между содержанием подготовки будущих специалистов и реальной профессиональной деятельностью. Отличительной характеристикой российского образования, особенно технического, является фундаментальность, а не прикладной характер [13]. Так, в 2021 году Россия заняла 4-е место в мире по уровню компетенций в Data Science, что подтверждает высокий уровень фундаментального и невысокий уровень прикладного образования, требующего практических навыков⁵. Вполне объяснимо понимание важности получения теоретических фундаментальных знаний как базы для дальнейшего профессионального развития. Но речь идёт не о флагманах инженерно-технического образования – МФТИ, МГТУ, МИФИ, МГУ, СПбПУ, которые выпускают уникальных специалистов, уже готовых заниматься наукой и инновационными разработками для практики. В большинстве других вузов теоретическое образование дистанцировано от реальной практики, у обучающихся нет опыта работы в информационной среде современного предприятия, не хватает знаний для решения сложных практических задач и, в первую очередь, в сфере сверхновых технологий. Высшая школа оказалась не готовой к вызовам нового информационного этапа как институт, выполняющий социальный заказ государства и общества. Новые условия и требования цифровизации приводят инерционную, устоявшуюся традиционную систему образования к существенным противоречиям («зависимость от траектории предшествующего развития»), происходит её временная деинституционализация [14, с. 2006], поскольку существующая инфраструктура и институциональные ограничения, регулирующие образовательную сферу, не позволяют ей гибко реагировать и приспосабливаться к новым требованиям цифровой экономики, в результате чего возникает конфликт между старыми устойчивыми правилами и новыми нормами, идеями, продвигающими цифровые трансформации в образовании [15].

Оппортунистическое поведение участников образовательного процесса. Специфическим институционально-компетентностным ограничителем выступает и модель оппортунистического поведения (стремление к личной выгоде одной из сторон отношений) участников, вовлеченных в образовательный процесс. Носителями оппортунистического поведения являются и вузы, и сообщества практиков (работодатели). На фоне увеличивающегося набора абитуриентов и растущем спросе на информационно-цифровые специальности вузы пытаются форсировать количественную составляющую в ущерб качеству подготовки, а предлагаемые ими учебные программы не успевают за темпами развития и усложнения ИТ-отраслей. Институциональные риски такого оппортунистического поведения в данном случае несут работодатели, поскольку базовых знаний, получаемых студентами в высшей школе, часто бывает недостаточно для выполнения задач на рабочих местах. Зачастую организаторы ИТ-бизнесов открывают новые вакансии под конкретные проекты, и основная проблема, с которой сталкиваются компании, принимающие на работу выпускников вузов с «пакетом компетенций» (многие из которых к окончанию учёбы безнадежно теряют свою актуальность) – это отсутствие важных навыков и необходимость затратить время и ресурсы на их дообучение. Но при этом игнорируется тот аспект, что готовить такого «точечного» специалиста необходимо с начального этапа обучения и освоения профессии, в рамках модели раннего рекрутинга, в тесном сотрудничестве с производственной средой. Таким образом, имеет место встречная модель оппортунистического поведения, когда нежелание промышленных партнеров взять на себя практическую подготовку студентов («заточить» кадры «под себя»), отсутствие достоверной и актуальной информации от работодателей о необходимых специалистах с нужными компетенциями приводит к кадровому разрыву, т.е. избытку одних специалистов и дефициту других [16, с. 1059–1060].

Разрыв в цепочке «вход-выход»: *выбытие контингента обучающихся цифровым специальностям.* В рамках исследуемой проблемы, «вход-выход» выступает как несоответствие между численностью принятых в вузы и количеством выпускников по ИКТ-направлениям. Наивысший процент российских студентов, не завершающих обучение в вузе, наблюдается на направлениях подготовки инженерно-технического профиля. В 2020 году из российских вузов выпустилось 34,9 тыс. дипломи-

⁵ Искусственный интеллект // Индекс 2021. Альманах, апрель 2022. – URL: <https://letaibe.media/wp-content/uploads/2022/04/indeks> (дата обращения: 11.02.2024). – Текст: электронный.

рованных специалистов в области компьютерных наук; в 2022 году планировалось выдать дипломы 58,7 тыс. выпускникам образовательных программ в ИТ-сфере (по данным НИУ ВШЭ, эта цифра составила 39,5 тыс. чел.)⁶. По практике предыдущих лет, фактический выпуск (конечные потери) отстаёт от ожидаемого почти на 20 %, и в реальности вузы могут выпустить примерно на 10 тыс. выпускников меньше, чем запланировано⁷. Однако статистика, приведенная за 2021 год, иллюстрирует значительно большие конечные потери – от 80 до 84 %, например, по направлениям подготовки «Компьютерные и информационные науки», «Информатика и вычислительная техника» и «Информационная безопасность» (таблица 1).

Таблица 1 – Подготовка ИТ-кадров: бакалавриат, специалитет, магистратура, 2021 г. (тыс. чел.)⁸

Ключевые укрупненные группы направлений подготовки и специальностей	Численность студентов на начало 2021 г., тыс. чел.	Выпуск бакалавров, специалистов, магистров, 2021 г., тыс. чел.
Всего	443,8	75,6
Математика и механика	33,8	6,4
Компьютерные и информационные науки	19,4	3,4
Информатика и вычислительная техника	195,3	30,3
Информационная безопасность	36,7	4,6
Электроника, радиотехника и системы связи, фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии	64,1	12,5
Ядерная энергетика и технологии	1,0	0,2
Машиностроение	35,5	6,6
Физико-технические науки и технологии	0,2	0,0
Оружие и системы вооружения	2,1	0,3
Экономика и управление	18,7	4,0
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	4,6	0,5
Культуроведение и социокультурные проекты	3,9	0,8
Экранные искусства	5,6	0,9

По статистике Министерства науки и высшего образования РФ, 21 % студентов университетов на пути от первокурсника до молодого специалиста в процессе учебы «теряется», «не дотягивает» до получения диплома и прерывает обучение. В 7 % случаев инициируют отчисление сами обучающиеся, 14 % – по академической задолженности (принудительное выбытие). Как отмечает ректор МГУ В.А. Садовничий, в среднем 5 % студентов ежегодно не справляются с программой и их отчисляют⁹. В МГТУ имени Н.Э. Баумана 12 % студентов покидают учебное заведение в течение первого курса, в ВШЭ – 15–20 % отсева происходит и на втором, и на третьем курсах. Данную тенденцию вполне можно экстраполировать и на ИТ-обучение в профильных российских вузах, где имеются факультеты и кафедры информационных технологий. Источники такого дисбаланса требуют дополнительного исследования. Здесь имеет место комплекс причин: трудности в освоении математизированных и технически нагруженных учебных дисциплин, осознание неверно выбранной специальности, неправильное распределение студентами своего времени и сил, невозможность продолжать учебу по коммерческим основаниям, отсутствие подготовки инженерных кадров и ИТ-специалистов по целевому набору и пр.

⁶ Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 132 с. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/856367924.pdf> (дата обращения: 05.03.2024). – Текст: электронный.

⁷ В России растет доля выпускников вузов по ИТ-профилю. Российский союз ректоров. – URL: <https://rsr-online.ru/news> (дата обращения: 17.02.2024). – Текст: электронный.

⁸ Источник: Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – С. 83.

⁹ Обратная сторона золотой медали. – URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/843> (дата обращения: 11.02.2024). – Текст: электронный.

Низкий уровень сохранения профориентации и целевого трудоустройства ИТ-выпускников вузов. Российские профильные вузы, которые готовят «точечных» ИТ-специалистов для нужд цифровой трансформации, сегодня выпускают около 20 тыс. узкопрофильных кадров в год, из них 5 % остаются в профессии, остальные уходят в другие сферы и профессиональные ниши, не связанные с полученным базовым образованием, в поисках более привлекательных условий труда, карьерных лифтов и высокого дохода. Среди специалистов с востребованными компетенциями только около 44 % от числа ИТ-выпускников сохраняют профориентацию¹⁰. Так, лишь 27 % выпускников МФТИ готовы трудиться в науке и образовании; около 10 % выпускников ВМиК МГУ и технических вузов работают менеджерами по продажам в ИТ-компаниях; 24 % – в сфере инвестиций и банках; 10 % – в системе управления предприятием; 7 % – в рекламе, консультировании и маркетинге¹¹.

Гендерная асимметрия на образовательных программах STEM-направлений. Спецификой естественно-научных и инженерно-математических образовательных программ (STEM) является наличие неоднородного гендерного распределения по категориям образовательных организаций и преобладание мужчин в общей совокупности студентов [17, с. 108]. В профессионально-гендерном разрезе технические, высокотехнологичные и ИТ-сектора экономики традиционно представлены мужчинами. Так, сугубо «мужскими» направлениями подготовки являются математические и компьютерные науки (63 %), инженерное дело (68 %) [18]. Отсюда и доля российских выпускников-девушек по STEM-направлениям крайне мала: в среднем 22,5 % женщин выбирают профессии, связанные с математикой, инженерией, высокими технологиями и ИТ, что свидетельствует об увеличении квалификационного пробела на технических направлениях подготовки (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение студентов образовательных программ STEM по гендерному признаку, 2021 г., в %¹²

Направления подготовки в рамках однопрофильного конкурса (программы бакалавриата, 2021 г.)	Доля мужчин в общем приёме, %	Доля женщин в общем приёме, %
Инфокоммуникационные технологии системы специальной связи	87,6	12,4
Информационная безопасность телекоммуникационных систем	84,4	15,6
Электроника и нанoeлектроника	84,0	16,0
Компьютерная безопасность	83,5	16,5
Информатика и вычислительная техника	82,4	17,6
Программная инженерия	82,0	18,0
Информационная безопасность	81,6	18,4
Фундаментальная информатика и информтехнологии	79,3	20,7
Информационные системы и технологии	77,2	22,8
Нанотехнологии и микросистемная техника	76,6	23,4
Математическое обеспечение информационных систем	76,3	23,7
Прикладные математика и физика	73,9	26,1
Математика и компьютерные науки	73,8	26,2
Фундаментальные математика и механика	73,4	26,6
Прикладная информатика	73,2	26,8
Прикладная математика и информатика	72,8	27,2
Информационно-аналитические системы безопасности	72,8	27,2

Как отмечают исследователи, причинами такого положения дел выступают устоявшиеся гендерные, поведенческие стереотипы и социальные роли, высокая конкуренция, когнитивные способности,

¹⁰ Доля выпускников ИТ-специальностей в России превысила европейский уровень. – URL: <https://vc.ru/education/539767> (дата обращения: 05.03.2024). – Текст: электронный.

¹¹ Составлен первый портрет итэшника. – URL: <https://www.cnews.ru> (дата обращения: 27.02.2024). – Текст: электронный.

¹² Источник: «Мужские» и «женские» профессии. На каких учебных программах нет гендерного баланса. – URL: <https://skillbox.ru/media/education> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный; Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, 2021 год. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed> (дата обращения: 27.03.2024). – Текст: электронный.

дискриминация и иные ненаблюдаемые характеристики [19]. Это означает, что женщины как потенциальный ресурс цифровой экономики недооценены и не используются в полной мере, что усугубляет дисбаланс на рынке ИТ-специальностей.

Заключение

Рассмотренные институционально-компетентностные и структурные дисбалансы высшей школы в подготовке остроостребованных ИТ-специалистов – явление полифакторное. По мнению автора, при анализе системных блокираторов и ограничений процессов подготовки ИТ-кадров высшей школой необходимо учитывать, что современные реалии делают многие процессы встречными и взаимоувязанными. Поэтому так важно установить баланс между федеральными государственными образовательными и профессиональными стандартами, между фундаментальным и прикладным ИТ-образованием. Промышленные партнеры вузов и организаторы ИТ-бизнесов, в конечном счете, должны осознать тот факт, что необходимо не только искать и «собрать» готовых ИТ-специалистов с рынка труда, но и наполнять его, обучая «под себя» перспективных студентов на этапе раннего рекрутинга. Особым вызовом становится не только подготовка, но и удержание в стране талантов, способных к исследованиям, генерации, разработке и внедрению перечня критически важных цифровых технологий. В связи с этим, проблема – «где брать» специалистов цифрового будущего – должна решаться совместными усилиями вузов, науки, представителей предпринимательской среды, сообщества практиков и государства. Выявленный комплекс ограничений и нерешенных вопросов в данной сфере – это не только сугубо образовательные, но и экономические, институциональные, инфраструктурные, геополитические, стратегические и идеологические проблемы сегодняшнего дня нашей страны. Важность для национальной экономики кадрового наполнения цифровых отраслей-локомотивов и актуализация данной проблемы обуславливают необходимость активизации исследовательского интереса и конкретизации малоисученных проблем данного предметного поля.

Список литературы

1. Рябко Т.В., Гуртов В.А., Степуть И.С. Анализ показателей подготовки кадров для сферы искусственного интеллекта по результатам мониторинга вузов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 7. – С. 9–24.
2. Аверьянов А.О., Степуть И.С., Гуртов В.А. Обеспечение потребности сферы искусственного интеллекта кадрами с высшим образованием // Университетский менеджмент: практика и анализ. – 2022. – № 26 (4). – С. 22–36.
3. Образование в России и мире: исторический опыт и перспективы развития: монография / под ред. И.Н. Шапкина. – Москва: Русайнс, 2019. – 252 с.
4. Szalavetz A. Industry 4.0 in “Factory Economies” // Condemned to be Left Behind? Can Central and Eastern Europe Emerge from its Low-Wage Model? – European Trade Union Institute (ETUI), Brüssel, 2017. – P. 133–152.
5. Goldin C., Katz L.F. The Race between Education and Technology. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2008. – 488 p.
6. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг [и др.]. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.
7. Aagaard T., Lund A. Digital Agency in Higher Education. Transforming Teaching and Learning. – New York: Routledge, 2020. – 132 p.
8. Gudmundsdottir G.B., Hatlevik O.E. Newly Qualified Teachers’ Professional Digital Competence: Implications for Teacher Education // European Journal of Teacher Education. – 2018. – Vol. 41, No 2. – P. 1–17.
9. Rogozin D.M., Солодовникова О.Б., Ипатов А.А. Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования // Вопросы образования. – 2022. – № 1. – С. 271–300.

10. *Галиханов М.Ф., Кондратьев В.В., Ахметов И.Г., Ганиева Г.Р.* Инженерное образование в условиях цифровизации и перехода к зелёной экономике – Синергия-2022 (обзор конференции) // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 12. – С. 130–149.
11. *Головчин М.А.* Спорные решения для «нового образования» // Журнал институциональных исследований. – 2022. – № 14 (4). – С. 70–82.
12. *Фортулатова В.А., Платонова Ю.А.* Тривиализация образования как модель социальной динамики в современных информационных условиях // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2015. – № 1. – С. 23–40.
13. *Механик А.* Учебная повинность // Эксперт. – 2009. – Т. 677, № 40. – С. 62–66.
14. *Молокова Е.Л.* Теоретические подходы к исследованию институциональных ловушек высшего образования // Креативная экономика. – 2018. – № 12 (12). – С. 2001–2016.
15. *Жук А.А., Фурса Е.В.* Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // Журнал институциональных исследований. – 2019. – № 11 (1). – С. 176–193.
16. *Коковихин А.Ю.* Исследование влияния институциональных барьеров на диспропорции системы формирования и реализации профессиональных компетенций // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 17 (6). – С. 1056–1082.
17. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н.К. Емелина [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 160 с.
18. *Малошонок Н.Г., Щеглова И.А.* Роль тендерных стереотипов в отсеке студентов инженерно-технического профиля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 2. – С. 273–292.
19. *Малошонок Н.Г., Щеглова И.А., Вилкова В.А., Абрамова М.О.* Как привлечь девушек в STEM и помочь им добиться успеха: обзор практик преодоления гендерных стереотипов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 11. – С. 63–89.

References

1. *Ryabko T.V., Gurtov V.A., Stepus' I.S.* Analiz pokazatelej podgotovki kadrov dlya sfery iskusstvennogo intellekta po rezul'tatam monitoringa vuzov // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2022. – Т. 31, № 7. – С. 9–24.
2. *Aver'yanov A.O., Stepus' I.S., Gurtov V.A.* Obespechenie potrebnosti sfery iskusstvennogo intellekta kadrami s vysshim obrazovaniem // Universitetskij menedzhment: praktika i analiz. – 2022. – № 26 (4). – С. 22–36.
3. *Образование в России и мире: исторический опыт и перспективы развития: монография / под ред. И.Н. Шапкина.* – Москва: Русайнс, 2019. – 252 с.
4. *Szalavetz A.* Industry 4.0 in “Factory Economies” // Condemned to be Left Behind? Can Central and Eastern Europe Emerge from its Low-Wage Model? – European Trade Union Institute (ETUI), Brüssel, 2017. – R. 133–152.
5. *Goldin C., Katz L.F.* The Race between Education and Technology. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2008. – 488 r.
6. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение / G.I. Abdrahmanova, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg [и др.].* – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.
7. *Aagaard T., Lund A.* Digital Agency in Higher Education. Transforming Teaching and Learning. – New York: Routledge, 2020. – 132 r.
8. *Gudmundsdottir G.B., Hatlevik O.E.* Newly Qualified Teachers' Professional Digital Competence: Implications for Teacher Education // European Journal of Teacher Education. – 2018. – Vol. 41, No 2. – P. 1–17.
9. *Rogozin D.M., Solodovnikova O.B., Ipatova A.A.* Kak prepodavateli vuzov vosprinimayut cifrovuyu transformatsiyu vysshego obrazovaniya // Voprosy obrazovaniya. – 2022. – № 1. – С. 271–300.
10. *Галиханов М.Ф., Кондратьев В.В., Ахметов И.Г., Ганиева Г.Р.* Инженерное образование в условиях цифровизации и перехода к зелёной экономике – Синергия-2022 (обзор конференции) // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 12. – С. 130–149.
11. *Головчин М.А.* Спорные решения для «нового образования» // Журнал институциональных исследований. – 2022. – № 14 (4). – С. 70–82.

12. Fortunatova V.A., Platonova Yu.A. Trivilizaciya obrazovaniya kak model' social'noj dinamiki v sovremennyh informacionnyh usloviyah // Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva. – 2015. – № 1. – S. 23–40.
13. Mekhanik A. Uchebnaya povinnost' // Ekspert. – 2009. – T. 677, № 40. – S. 62–66.
14. Molokova E.L. Teoreticheskie podhody k issledovaniyu institucional'nyh lovushek vysshego obrazovaniya // Kreativnaya ekonomika. – 2018. – № 12 (12). – S. 2001–2016.
15. Zhuk A.A., Fursa E.V. Narrativnyj analiz institucional'nyh lovushek sfery obrazovaniya i nauki Rossii // Zhurnal institucional'nyh issledovanij. – 2019. – № 11 (1). – S. 176–193.
16. Kokovihin A.Yu. Issledovanie vliyaniya institucional'nyh bar'erov na disproportcii sistemy formirovaniya i realizacii professional'nyh kompetencij // Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie. – 2018. – № 17 (6). – S. 1056–1082.
17. Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossijskom rynke truda: trendy i vyzovy: doklad k XXIII Yasin-skoj (Aprel'skoj) mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2022 g. / N.K. Emelina [i dr.]; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2022. – 160 s.
18. Maloshonok N.G., Shcheglova I.A. Rol' tendernyh stereotipov v otseve studentov inzhenerno-tekhnicheskogo profilya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. – 2020. – № 2. – S. 273–292.
19. Maloshonok N.G., Shcheglova I.A., Vilkova V.A., Abramova M.O. Kak privlech' devushek v STEM i pomoch' im dobit'sya uspekha: obzor praktik preodoleniya gendernyh stereotipov // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2022. – T. 31, № 11. – S. 63–89.

УДК 378.1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ**Головина Ирина Витальевна¹,**канд. экон. наук, доцент,
e-mail: golovina1953@gmail.com,**Александрова Татьяна Яковлевна^{2,3},**канд. экон. наук, доцент,
e-mail: talexand774@mail.ru,

¹Северо-Кавказский филиал ордена Трудового Красного Знамени федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский технический университет связи и информатики», г. Ростов-на-Дону, Россия

²Московский государственный университет спорта и туризма, г. Москва, Россия

³Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Применение цифровых инструментов, как показывает практика, вносит существенное разнообразие в методику преподавания и способно значительно повысить интерес студентов ко всем видам занятий. Тем не менее, в преподавательской среде сформировались ожидания неблагоприятных последствий цифровизации образования. В статье раскрываются преимущества и риски, связанные с цифровой трансформацией образовательной среды. В качестве наиболее важных выделяются когнитивные и этические риски, а также риски, связанные с конкуренцией со стороны образовательных платформ с онлайн-курсами. Авторы дифференцируют риски студентов, преподавателей и вузов как главных субъектов образовательной деятельности. Освещаются такие важные социальные проблемы в развитии образования, как социальное неравенство и «цифровой разрыв», «менеджерализация» вузовской структуры в ущерб творческой самоорганизации, усиление этических вопросов соблюдения стандартов академической честности в образовании. В статье сформулированы некоторые предложения по нейтрализации рисков, в том числе, необходимость разработки цифровой дидактики, обновления квалификационных требований к преподавателю высшей школы, развития информационной культуры у студентов. Реализация этих предложений может быть полезной для повышения эффективности образовательной деятельности в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация образования, риски цифровизации, когнитивная безопасность, цифровая дидактика, информационная культура, академическая культура

DIGITALIZATION OF EDUCATION: RISKS AND CONSEQUENCES**Golovina I.V.¹,**candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: golovina1953@gmail.com,**Alexandrova T.Ya.^{2,3},**candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: talexand774@mail.ru,

¹North Caucasian Branch of the Order of the Red Banner of Labor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow Technical University of Communications and Informatics”, Rostov-on-Don, Russia

²Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow, Russia

³Moscow Witte University, Moscow, Russia

The use of digital tools, as practice shows, brings significant diversity to teaching methods and can significantly increase students' interest in all types of classes. Nevertheless, expectations of the adverse effects of digitalization of education have been formed in the teaching environment. The article reveals the advantages and risks

associated with the digital transformation of the educational environment. The most important are cognitive and ethical risks, as well as risks associated with competition from educational platforms with online courses. The authors differentiate the risks of students, teachers and universities as the main subjects of educational activity. Such important social problems in the development of education as social inequality and the “digital divide”, the “managerialization” of the university structure to the detriment of creative self-organization, and the strengthening of ethical issues of compliance with standards of academic integrity in education are highlighted. The article formulates some proposals to neutralize risks, including the need to develop digital didactics, update the qualification requirements for a higher school teacher, and develop an information culture among students. The implementation of these proposals can be useful for improving the effectiveness of educational activities in the digital environment.

Keywords: digitalization of education, risks of digitalization, cognitive security, digital didactics, information culture, academic culture

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-17-22

Введение

Цифровизация образования – необратимый процесс, развивающийся поэтапно и постепенно охватывающий все его форматы и уровни. Однако, если федеральный проект «Цифровая образовательная среда», адресованный школам и вузам, близок к завершению, то для вузов подобная программа, разработанная Минобрнауки, находится в процессе реализации¹. Тем не менее, процесс цифровизации, набравший скорость в период пандемии, неуклонно развивается, демонстрируя, правда, довольно значительную дифференциацию вузов в плане реализации инновационных образовательных технологий. Дело не только в степени обеспеченности финансовыми и материальными ресурсами для создания необходимой инфраструктуры. Среди педагогического сообщества вот уже несколько лет идет процесс осмысления последствий цифровизации, которые уже дают о себе знать или только прогнозируются, но выглядят весьма неоднозначно [1]. Так, значительное число публикаций последнего времени посвящено проблеме рисков, с которыми сопряжено внедрение цифровых технологий в образовательный процесс [2]. Например, по мнению П.А. Кисляковой и Е.А. Шмелева, длительное онлайн-обучение создает угрозу психологической безопасности и вызывает коммуникативные трудности у студентов и преподавателей [3, с. 151]. М.В. Пашков и В.М. Пашкова выделяют среди возможных рисков угрозу чрезмерной коммерциализации образования и размывания академических ценностей [4, с. 44]. Другие авторы отмечают риски дегуманизации образования, деградации памяти у студентов, социального отчуждения и т.п., вплоть до экологических рисков, связанных с необходимостью утилизации электронных отходов.

Представляется, что обилие опасений по поводу внедрения новых цифровых инструментов в практику обучения лишь отчасти свидетельствует о неготовности преподавательского сообщества принять инновации в силу устоявшихся стереотипов, инерции, традиционных установок. Дело в том, что интеграция «цифры» в образовательный процесс осуществляется пока довольно не системно, неравномерно, а главное – в отсутствие разработанных и признанных высшей школой дидактических основ применения цифрового инструментария в организации и осуществлении учебного процесса.

О рисках главных участников образовательного процесса

Цифровая трансформация образования несет с собой целый ряд уже апробированных преимуществ, которые вполне осознаются и используются преподавателями. Обучение стало несравненно более гибким, мобильным, легко переходящим в онлайн-формат в случае необходимости. В то же время расширяются возможности коммуникации между преподавателями и студентами, повышается их опе-

¹ Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» (Утвержден проектным комитетом по национальному проекту «Образование» (протокол от 07 декабря 2018 г. № 3) (в редакции от 31.12.2020 № Е4-2020/026)).

ративность. Кстати, сами современные студенты, как свидетельствуют опросы, обычно поддерживают онлайн-обучение и цифровые технологии как наиболее органичные для них.

Использование систем управления обучения, таких, например, как LMS Moodle, LMS Master позволяет минимизировать рутинные задачи, обеспечивает обратную связь со студентами, позволяет эффективно контролировать ход усвоения учебного материала. При этом, что немаловажно, система может поддерживать не только онлайн-формат занятий, но и их очную форму.

Применение цифровых инструментов, как показывает практика, вносит существенное разнообразие в методику преподавания и способно значительно повысить интерес студентов ко всем видам занятий.

Тем не менее, как уже отмечалось, в преподавательской среде сформировались ожидания неблагоприятных последствий цифровизации образования. Некоторые ожидания уже оправдались и соответствующие риски идентифицированы. Вообще у разных авторов свой перечень рисков, свои подходы к их классификации. Но есть и совпадения, общие представления о минусах цифровизации сферы образования.

В частности, практически во всех публикациях упоминается о когнитивных рисках, которые несут студенты, обучающиеся в цифровой среде [5]. Так, обилие источников информации и ее доступность могут вызвать деградацию памяти ввиду отсутствия потребности в запоминании. Изменяется и характер мышления в сторону не критичности восприятия информации, снижения способности к ее анализу, структурированию, выделению главной идеи. В связи с этим небезосновательно ставится вопрос о когнитивной безопасности обучаемых на фоне информационной перегрузки, превышающей интеллектуальные ресурсы личности [6, с. 20].

Кроме того, размываются различия между информацией и подлинным знанием, собственными и чужими выводами, что приводит к распространению и укоренению различных форм академического обмана. Все более распространенной практикой становится использование искусственного интеллекта при выполнении письменных работ студентами, вследствие чего выявить личный вклад автора, объективно оценить его поисковые навыки и аналитические способности становится затруднительным. Идентификация и систематизация рисков подобного рода имеет принципиальное значение в нынешних условиях перехода высшей школы в новый цифровой формат, цели и перспективы которого очевидны, но движение к ним отнюдь не линейно и сопряжено с преодолением множества различных барьеров.

Важнейшим из них является недостаточная разработанность дидактических основ образования в цифровой среде. Практика использования цифровых инструментов в учебном процессе опережает педагогическое осмысление их целесообразности и эффективности. Отсутствие новой дидактической парадигмы приводит к тому, что многие преподаватели относятся к цифровым образовательным технологиям как к вспомогательному инструменту по отношению к традиционным, «доцифровым» методикам, ограничиваясь, например, презентациями и стандартным компьютерным тестированием.

Нерешенным в дидактическом отношении является и вопрос о роли преподавателя, лектора в цифровой образовательной среде. Понятно, что монополия на доступ к источникам информации им утрачена, да и объем контактной работы со студентами значительно сужается на фоне распространения онлайн-формата и дистанционного обучения. Характеристика роли преподавателя в качестве модератора, тьютора, организатора учебного процесса весьма расплывчаты и не дают четкого представления о новом содержании его деятельности и измерении ее результатов. Тем более, что в цифровой образовательной среде актуализируются такие необычные до недавнего времени компетенции, как подбор цифрового образовательного контента, проектирование онлайн-курсов, сбор данных и оценивание образовательных результатов студентов, аналитика и т.п. Отвечает ли подобным требованиям квалификация современного преподавателя или необходимо сотрудничество с узкими специалистами по указанной проблематике? В таком случае понадобятся серьезные изменения в организации учебного процесса, предусматривающие изменения форм и методов проведения занятий, оптимизацию пропорций между офлайн- и онлайн-обучением, индивидуализацию образовательных траекторий студентов, наконец, появление новых должностей в штатном расписании, т.е. потребуются перестройка всей образовательной инфраструктуры.

Безусловно, нельзя утверждать, что потребность в разработке новой цифровой дидактики не осознается педагогическим сообществом. Так, например, в монографии «Дидактическая концепция

цифрового профессионального образования» под редакцией В.И. Блинова сформулированы одиннадцать принципов цифрового образовательного процесса, которые определяют ряд важных ориентиров для любого преподавателя. Тем не менее, акценты здесь смещены в пользу собственно учебной деятельности и ее организации, в то время как образование, как известно, объединяет в себе обучение и воспитание. Выдвигается, в частности, принцип доминирования процесса учения, предполагающий фокусировку на собственной учебной деятельности обучающегося в цифровой среде. Функция преподавателя при этом – вспомогательная, поддерживающая [7, с. 40].

Представляется, что при таком подходе выхолащиваются ценностные компоненты образования: студент устремляется по своей индивидуальной образовательной траектории в бурный океан информации, не имея явных духовно-нравственных ориентиров, не приобщившись к традиционным академическим ценностям, располагая лишь цифровыми инструментами. Это создает почву для усугубления этических рисков, неизбежно возникающих на фоне активного использования генеративного искусственного интеллекта, такого, как ChatGPT [8]. Дело не только в плагиате, присвоении чужого интеллектуального труда, что противоречит академической честности. Некритичное восприятие информации, выдаваемой нейросетями в ответ на запросы, создает риски вредоносного идеологического влияния, так как машинное обучение могло осуществляться тенденциозно настроенными разработчиками, которые привнесли в процесс собственные установки.

В таких условиях возрастает ответственность преподавателя, который не должен находиться на периферии учебного процесса, выполняя вспомогательные функции. Не случайно многие преподаватели ратуют за смешанный формат учебного процесса, сочетающий цифровую методику с классическими формами и методами обучения. Эффективная реализация воспитательного компонента образования возможна главным образом при контактной работе, в условиях реального, а не виртуального взаимодействия преподавателя и студента. Поэтому необходимо всеми имеющимися организационными и педагогическими средствами поддерживать вовлеченность студента в академическую среду и академическую культуру, формировать у него ощущение причастности к делам вуза, факультета, своей студенческой группы.

Не менее важным и актуальным представляется еще один аспект обучения в цифровой среде, а именно, воспитание у студентов культуры поиска информации в интернете. Речь идет не только об умении четко сформулировать запрос поисковой системе и владении методами поиска. Работа с результатами запроса – это творческий процесс, требующий способности ранжировать информацию по степени важности и актуальности, оценивать ее достоверность, корректно использовать авторские тексты в собственных разработках. Владение информационной культурой – это не только неотъемлемое качество профессионала в любой области, но и важный фактор нейтрализации когнитивных и этических рисков цифровизации.

Баланс классических и инновационных методик еще предстоит найти, однако без обновления дидактической науки, разработки принципов работы педагога в цифровой образовательной среде это едва ли возможно.

Итак, риски цифровизации несут как студенты, так и преподаватели. Студенты несут риски деградации когнитивных способностей на фоне информационной и психологической перегрузки; преподаватели, роль которых низводится до уровня поставщиков цифрового контента, утрачивают возможность воспитывающего, ценностно-ориентированного обучения, и тем самым свои исконные профессиональные качества. Все вместе несут этические риски, связанные с размыванием академической культуры.

Чаще всего исследователи ограничиваются выявлением рисков именно этих участников образовательного процесса. Однако риски несут и вузы, функционирующие в условиях становления и развития цифровой образовательной среды.

Прежде всего, вузы вынуждены конкурировать с так называемыми EdTech-компаниями, которые уже начинают выдавать обучающимся в онлайн-формате документы государственного образца. Рынок онлайн-образования за последние несколько лет вырос в десятки раз. Среди наиболее известных онлайн-университетов – Skillbox, осуществляющий подготовку по нескольким сотням образовательных программ для высшего образования. Существенным преимуществом Skillbox является тесная связь с

потенциальными работодателями, что дает обучающимся гарантии трудоустройства. Другим примером может служить «Академия Softline», реализующая образовательные решения под конкретные задачи бизнеса. Академия позиционирует себя как образовательная экосистема, осуществляющая целевое корпоративное обучение. Речь идет о серьезном конкурентном преимуществе по сравнению с вузами, не решившими пока проблему практико-ориентированного обучения.

На этом фоне усиливаются риски коммерциализации традиционного высшего образования, сужения миссии и целей вузов до уровня подготовки узкопрофильных специалистов. Преподавательским сообществом уже неоднократно высказывались обоснованные опасения насчет трансформации вуза в предпринимательскую структуру, оказывающую образовательные услуги потребителям. Неизбежным следствием этого становится выхолащивание фундаментальной составляющей университетского образования; высшая школа может утратить важнейшие функции, связанные с развитием личности будущего профессионала.

Кроме того, есть риск углубления цифрового неравенства между столичными и региональными вузами, поскольку последние в ряде случаев не обладают достаточными возможностями для создания полноценной цифровой образовательной среды. При этом весьма вероятен рост стоимости получения высшего образования, что сделает его менее доступным. Предпочтения могут оказаться на стороне более экономичных онлайн-курсов.

Заключение

Анализ многочисленных публикаций и собственный опыт использования цифровых инструментов в образовательной деятельности убеждают в том, что в деле цифровизации прикладные аспекты опережают фундаментальные, методические. Преобладает по преимуществу метод проб и ошибок, поскольку дидактические основы интеграции «цифры» в процесс обучения пока разработаны слабо. Поэтому важнейшей задачей представляется продолжение работы над цифровой дидактикой и подготовка частных методик преподавания различных дисциплин в цифровом формате.

Очевидно, назрела необходимость обновления квалификационных требований к преподавателям высшей школы. Содержащиеся в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих квалификационные требования носят самый общий характер и ограничиваются такими параметрами, как ученая степень, педагогический стаж и т.п. Между тем в условиях цифровизации деятельность преподавателя существенно усложнилась, потребовалось владение принципиально новыми компетенциями, без которых невозможна эффективная работа в цифровой образовательной среде. Возможно, была бы целесообразна разработка профессионального стандарта для преподавателя высшей школы.

Не менее важна педагогическая подготовка преподавателя высшей школы, его способность формировать ценностные ориентиры у студента в ходе обучения, используя для этого потенциал соответствующих дисциплин. Вне контактной работы со студентами реализовать воспитывающие функции проблематично. Тем не менее, следует в полном объеме использовать все возможности диалоговых методов. Даже если занятия проводятся в онлайн-формате, следует отдавать предпочтение синхронным вариантам лекций и практических занятий, чтобы в режиме реального времени обеспечить диалог студентов с преподавателем. Образовательные платформы с онлайн-курсами, как правило, предлагают асинхронный формат обучения с заранее записанными видеоматериалами, что не позволяет создать полноценные каналы обратной связи со студентами.

Основным конкурентным преимуществом высшей школы, значение которого трудно переоценить, является академическая культура, которая десятилетиями формируется в любом университете [9]. Это, прежде всего, система ценностей, традиций, образцов поведения, основанных на доверии, взаимном уважении, честности, патриотизме, т.е. тех качеств, к которым обязательно должен приобщиться каждый студент. Безусловно, со временем академическая культура должна развиваться, наполняться новым содержанием, в том числе, за счет информационной культуры, однако не стоит подменять ее корпоративной культурой, имеющей иные ориентиры и ценности.

Список литературы

1. Андрюхина Л.М., Мирзаахмедов А.М., Садовникова Н.О., Уткина С.Н. Цифровизация профессионального образования: перспективы и незримые барьеры // Образование и наука. – 2020. – № 3. – С. 116–147.
2. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал “Homo Cyberus”. – 2019. – № 1 (6). – URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения: 20.02.2024). – Текст: электронный.
3. Кисляков П.А., Шмелева Е.А. Психологическая безопасность и коммуникативные трудности при длительном онлайн-обучении // Высшее образование в России. – 2023. – № 1. – С. 148–168.
4. Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования в России // Высшее образование в России. – 2022. – № 3. – С. 40–57.
5. Серкина Я.И. Социальные риски цифровизации образовательного пространства в региональных вузах: проблемы идентификации и институционализации // Цифровая социология. – 2022. – № 2. – С. 43–50.
6. Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 17–26.
7. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / под науч. ред. В.И. Блинова. – Москва: Перо, 2019. – 98 с.
8. Головина И.В., Александрова Т.Я. Искусственный интеллект в сфере образования: этический аспект // Труды Северо-Кавказского филиала Московского технического университета и информатизации. – 2023. – № 2. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55946016> (дата обращения: 20.02.2024). – Текст: электронный.
9. Попов Е.А. Академическая культура студентов в оценках профессоров классических университетов // Высшее образование в России. – 2023. – № 3. – С. 103–117.

References

1. Andryuhina L.M., Mirzaahmedov A.M., Sadovnikova N.O., Utkina S.N. Cifrovizaciya professional'nogo obrazovaniya: perspektivy i nezrimye bar'ery // Obrazovanie i nauka. – 2020. – № 3. – S. 116–147.
2. Verbitskiy A.A. Cifrovoe obuchenie: problemy, riski i perspektivy // Elektronnyj nauchno-publicisticheskij zhurnal “Homo Cyberus”. – 2019. – № 1 (6). – URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (data obrashcheniya: 20.02.2024). – Tekst: elektronnyj.
3. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A. Psihologicheskaya bezopasnost' i kommunikativnye trudnosti pri dlitel'nom onlajn-obuchenii // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2023. – № 1. – S. 148–168.
4. Pashkov M.V., Pashkova V.M. Problemy i riski cifrovizacii vysshego obrazovaniya v Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2022. – № 3. – S. 40–57.
5. Serkina Ya.I. Social'nye riski cifrovizacii obrazovatel'nogo prostranstva v regional'nyh vuzah: problemy identifikacii i institucionalizacii // Cifrovaya sociologiya. – 2022. – № 2. – S. 43–50.
6. Hrapov S.A., Baeva L.V. Filosofiya riskov cifrovizacii obrazovaniya: kognitivnye riski i puti sozdaniya bezopasnoj kommunikativno-obrazovatel'noj sredy // Voprosy filosofii. – 2021. – № 4. – S. 17–26.
7. Didakticheskaya koncepciya cifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya / pod nauch. red. V.I. Blinova. – Moskva: Pero, 2019. – 98 s.
8. Golovina I.V., Aleksandrova T.Ya. Iskusstvennyj intellekt v sfere obrazovaniya: eticheskij aspekt // Trudy Severo-Kavkazskogo filiala Moskovskogo tekhnicheskogo universiteta i informatizacii. – 2023. – № 2. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55946016> (data obrashcheniya: 20.02.2024). – Tekst: elektronnyj.
9. Popov E.A. Akademicheskaya kul'tura studentov v ocenках professorov klassicheskikh universitetov // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2023. – № 3. – S. 103–117.

УДК 373.167.1

DIGITAL TRANSLATION METHODS IN THE CONTEXT OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: CORPORA APPROACH

Mikhaylova A.G.¹,

e-mail: steba1971@mail.ru,

Kobzeva N.A.²,

candidate of pedagogical sciences, associate professor,

e-mail: nadiatom@mail.ru,

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

²National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

The article describes the use of corpora as promising translation methods in the context of foreign language education. Corpus-driven approaches is known to have become popular in lexicography following digital technological advances. This method have made it possible for computer programs to process vast amounts of data very rapidly. The purpose of the study: to identify the main role of corpora in teaching a foreign language. The following research methods are: content analysis of scientific literature on the research topic, interpretation, systematization, structuring. The following results are obtained: currently the problem of corpus approach use as digital means to solve foreign language education issues are relevant due to Foreign language study enhances human's opportunities in technologies. It is necessary to create a link between the digital society and humanitarian education, that is, digital culture. The use of corpus technologies can provide significant assistance in the professional activities of a foreign language teacher. The corpus approach is an important tool in organizing the learning process, finding the necessary content of educational tools, and its application can ensure the quality of teaching a foreign language. In conclusion it is noted that expanding the corpus capacity to translate texts contributes to the diversification of learning processes through digital technologies.

Keywords: digital technologies, corpora, lexicon, translation methods, foreign language, culture, genre, foreign language skills

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

Михайлова Алла Григорьевна¹,

e-mail: steba1971@mail.ru,

Кобзева Надежда Александровна²,

канд. пед. наук, доцент,

e-mail: nadiatom@mail.ru,

¹Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

²Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия

В данной статье исследуется использование корпусов как перспективных методов перевода в контексте обучения иностранным языкам. Известно, что подходы, основанные на корпусе, стали популярными в лексикографии после достижений цифровых технологий. Этот метод позволил компьютерным программам очень быстро обрабатывать огромные объемы данных. Цель исследования: выявить основную роль корпусов в обучении иностранному языку. Методами исследования являются: контент-анализ научной литературы по теме исследования, интерпретация, систематизация, структурирование. Результаты: в настоящее время проблема применения корпусного подхода как цифрового средства решения вопросов обучения иностранному языку актуальна, поскольку иноязычные умения расширяют возможности человека в сфере различных технологий. Необходимо создать связь между цифровым обществом и гуманитарным образованием, то есть цифровой культурой. Применение корпусных технологий может оказать существенную помощь в профессиональной деятельности преподавателя

иностранных языков. Корпусный подход – важный инструмент в организации процесса обучения, нахождении необходимого содержательного наполнения учебных средств, а применение может повысить качество преподавания иностранного языка. В заключении отмечено, что расширение возможностей корпуса по переводу текстов способствует диверсификации процессов обучения посредством цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, корпус, лексика, способы перевода, иностранный язык, культура, жанр, иноязычные умения

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-23-30

Introduction

The attention has been paid to corpus-based study in the sphere of applied linguistics in translation studies. Corpus-driven approaches is known to have become prevalent “in lexicography following recent technological advances, which have made it possible for computer programs to process vast amounts of data very rapidly”¹. Currently the issues of corpus approach use as digital means to solve problems of foreign language education are relevant due to Foreign language study enhances one’s opportunities in technology, military, business, government, medicine, law, industry, marketing, etc. [1, p. 462]. There are possibilities of using corpus technologies in the pedagogical process.

Foreign languages translation is founded on an interdisciplinary basis [2]. It is aimed at “communicative, cognitive, sociocultural, informational, professional and general cultural competencies forming” [3, p. 127]. The ability to translate professional texts is valuable for specialists [4]. The corpus approach is empirical and analyzes real word usage in the natural language environment; uses a fairly extensive, typical selection of texts. The task of educators is to teach students to translate texts taking into account the factor of cultural differences [5].

Today, “the concept of correspondence and/or equivalence has been a complex issue among translation experts and theorists due to the cultural dimension involved in the languages involved (source language and target language)” [6, p. 50]. A corpus gives lexicographers access to a wider context of use for a term compared to paper slips. A new corpora-based approach is used to cluster short texts, since they give rise to the problem of insufficient word matching and lack of contextual information.

Being a computer-based means, corpus linguistics is based on providing a ready resource of authentic texts. One can search for examples from authentic sources not only with whole words and phrases for study and vocabulary elaboration, but also examples of certain morphemes, articles, suffixes and endings for composing grammatical tasks by means of use of concordance.

Analysis of recent achievements and publications shows that advances in the area of both translation technology have highly facilitated the interpreters’ role and “enabled them to produce target texts that are clearer and more nuanced” [7, p. 2]. A recent phenomenon is corpora using in language teaching that mostly focused on English language. “When people communicate linguistically, they “talk to convey informational content – and we do this by means of words” [8, p. 417]. Concordance provides different possibilities for developing tasks for all levels of learners. That is, the corpus can be composed of texts that correspond to the level of students’ knowledge, which means that tasks developed on their basis can be effective. The corpus is a complete resource, and any tasks based on it have answers in the corpus itself.

Statements can be classified as various genres. The growth of corpus evidence have resulted in numerous kinds of dictionaries – corpus-based reference publications. Genres are infrequently investigated and highly influential such as corpus tools. They proved to be useful.

Methodological and theoretical basis

Corpus linguistics have been investigated by scientists S. Voelkel, F. Kretschmar. A corpus as a cross-cultural textual analysis was studied by I. Mel’cuk and A. Polguère. They consider theory and practical appli-

¹ The role of corpora in dictionary making. Future Learn. – URL: <https://clck.ru/38Dvjd> (date of application: 02.03.2024). – Text: electronic.

cation of lexicographic definition and present a vision on how to simulate term meanings in dictionaries or in lexicographic models [8].

Some scientists believed that the possible corpora were not universal solutions that could meet all the needs of a translator and translators would “be required to create their own corpora if they embark on a project for which few materials are available” [9, p. 2]. Tawfiek A.S. Mohammed proposed the main ways of word translation by means of Corpora approach [7]. He highlights the significance of applying various corpora in translation context and expresses the possibility of creating corpora of one’s own. A. Saricoban believes that content interpretation claims “awareness of native language (L1) and target language (L2) in both language structures and cultures exploring similarities and differences between them” [10, p. 4].

X. Li suggests that “the most in-demand competences are linguistic competence in working languages, psycho-physiological competence, interpersonal competence, extra-linguistic knowledge, and instrumental competence” [11, p. 4]. A. Negoescu writes about discourse aspects. According to his opinion the terms and expressions should be “very carefully chosen to create something unique, surprising and memorable in order to achieve the most impact upon the audience” [12, p. 3]. However, when considering language in use in real situations these boundaries between the levels of the language are blurred [12].

We perceive the world through our feelings, memories, the culture we belong to and the language we speak. Therefore, languages are considered to be a major part of our understanding of the world as they provide the interaction between representatives of different cultures. “Culture, religion and science depend on language” [13, p. 367] and language carries them all. Language is thus a prerequisite for the differentiation of worlds, and barriers between languages must be reduced by translation or interpretation.

A.C. Parlog proves that receptor response is usually challenged by the content, form and style of the ST and that it loses its importance if the translation has not previously been evaluated. The TT will be assessed in relation to the lexis used, phonetic transformations and translators’ personal interventions in the literary text. Translationese is under the pressure of the “language of Europe”, i.e. English; the translation of the EU documents in European languages has increasingly become a process of utter “translationese” [14].

In general, the problem can be defined as the following: what are the effective digital means of text interpretation? Its connection with main scientific and practical issues is in the fact that digital educational technologies are an innovative way of the educational process organization. It is based on the electronic systems application that provides visibility. The purpose of using digital technologies is to improve the quality and efficiency of the educational process.

Translators should identify factors which can affect the quality of interpreted text. The role of corpora approach is “to provide the most correct examples of the use of language units...” [13, p. 367]. A corpus as a set of texts processed is applied as a basis for the study of a language (confirmation of linguistic rules in a given language; testing of statistical hypotheses; statistical analysis).

A new corpora-based approach is used to cluster short texts, since they give rise to the problem of insufficient word matching and lack of contextual information. The features of the corpus are collection of texts available for translated material analysis.

We should identify unsolved parts of the general problem that the article is devoted to: the role of corpora in lexicographic practice to solve translation problem as well as corpus linguistic approaches to the quality of interpreted text.

The purpose

In this article we study the issues of the role of corpora in lexicographic practice to solve translation problem. Language can be considered as an essential part of understanding of the world. The barriers occurred have to be reduced by means of the translations “instrument”. The following tasks are to be solved: to define the role of electronic corpora in appropriate selection of vocabulary; to find a type of language corpora to process text information.

Results

Electronic corpora layout allows translators to find all occurrences of a particular word or expression and find examples of verbal intricacies [15; 16]. This provides the word selection depending on the text register (informal, formal, slang, etc), the author, the subject matter, the geographical location and so on”².

The corpus as a source of term examples can be taken as the starting point of the process the ‘corpus-based’ approach. Corpus-driven approaches is known to have become very essential in lexicography. The classification of language corpora is given in the table 1.

Undoubtedly, corpus technologies application can provide significant assistance in the professional activities of foreign language teachers, become an important tool in organizing the learning process, finding the necessary content for the course and learning aids. Corpus technologies influence the improvement of foreign language teaching quality.

Table 1 – Classification of Language Corpora³

Attribute	Types of Corpus
Type of language data	Oral, written, multimedia, mixed
Language of presentation of texts	Monolingual, bilingual, multilingual, mixed
Language norm	Literary, dialectal, mixed
Discursive and stylistic affiliation of texts	Literary, scientific (terminological), colloquial, journalistic, folklore, mixed
Genre-generic affiliation of texts	Prose, poetic, dramatic, mixed
Purpose of use Multi-purpose, specialized	Access method Freely available, commercial, closed, mixed
Purpose Research, illustrative, mixed	Chronological feature Synchronic, diachronic
The way of existence of the case is dynamic (replenished), static	Indexing marked up (annotated), unmarked
The nature of the markup is morphological, syntactic, semantic, prosodic, mixed	The volume of texts is full-text, fragmentary, mixed

There following possibilities of using corpus technologies in the pedagogical process are:

- the corpus approach is focused on the applied learning of language, its functioning in real situations and texts, which is important for a foreign language teacher;
- one of the main advantages of materials developed on the basis of corpora is the ability to increase the autonomy of teachers and students;
- the use of corpus technologies can accelerate the educational process significantly within the framework of autonomous educational activities of students;
- students can do various corpus studies in the field of morphology, phraseology, syntax that provide formation of their independence;
- using corpus technologies is a factor in improving the quality of teaching foreign languages.

Processing allows us to search for any necessary information in the case. In corpora, as a rule, the markup of texts is carried out by parts of speech, this allows us to find words in specified grammatical forms and in specified structures and combinations (collocates).

Special concordance programs are used to process information. They search for information in an array of texts and form a concordance – a list of all contexts in which a word or phrase occurs in the considered text. Here, for example, is a part of the concordancer for the verb crack (color markers show parts of speech in the immediate environment of the searched word) [13].

The size of corpora is a few billion words. One example of typical corpora is the Oxford English Corpus. Containing 21bn words, it is “used by lexicographers working on the OED and other Oxford dictionaries”⁴.

The presented example is from the Corpus of Contemporary American English (COCA) (figure 1, 2). Particular corpora contain different types of texts (written only, oral only, both types) and different sets of genres. COCA presents a wide range of genres.

² The role of corpora in dictionary making. Future Learn. – URL: <https://clck.ru/38Dvjd> (date of application: 02.03.2024). – Text: electronic.
³ Compiled by the authors.
⁴ The role of corpora in dictionary making. Future Learn. – URL: <https://clck.ru/38Dvjd> (date of application: 02.03.2024). – Text: electronic.

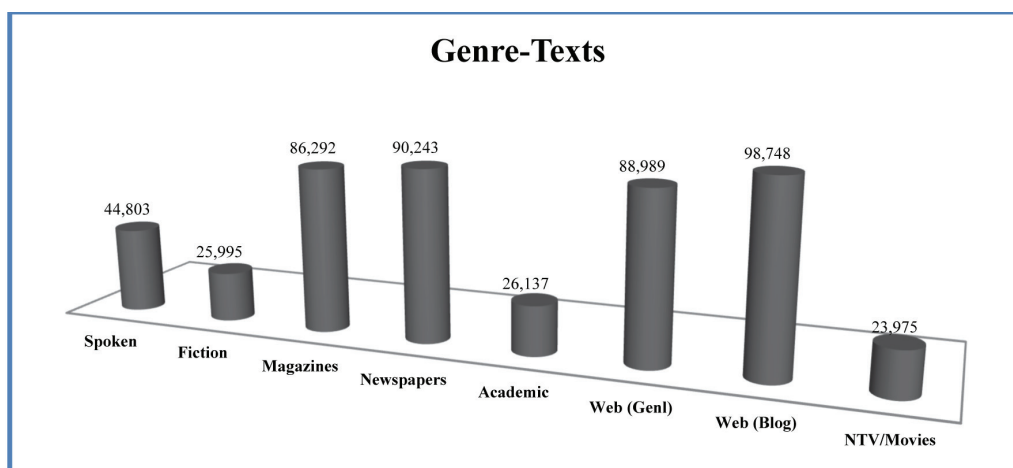

Figure 1 – Corpora contain different types of texts and sets of genres⁵

The table below present different types of genres and their explanation (figure 2).

Genre	# texts	# words	Explanation
Spoken	44,803	127,396,932	Transcripts of unscripted conversation from more than 150 different TV and radio programs (examples: All Things Considered (NPR), Newshour (PBS), Good Morning America (ABC), Oprah)
Fiction	25,992	119,505,305	Short stories and plays from literary magazines, children’s magazines, popular magazines, first chapters of first edition books 1990-present, and fan fiction.
Magazines	86,292	127,352,030	Nearly 100 different magazines, with a good mix between specific domains like news, health, home and gardening, women, financial, religion, sports, etc.
Newspapers	90,243	122,958,016	Newspapers from across the US, including: USA Today, New York Times, Atlanta Journal Constitution, San Francisco Chronicle, etc. Good mix between different sections of the newspaper, such as local news, opinion, sports, financial, etc.
Academic	26,137	120,988,361	More than 200 different peer-reviewed journals. These cover the full range of academic disciplines, with a good balance among education, social sciences, history, humanities, law, medicine, philosophy/religion, science/technology, and business
Web (Gen)	88,989	129,899,427	Classified into the web genres of academic, argument, fiction, info, instruction, legal, news, personal, promotion, review web pages (by Serge Sharoff). Taken from the US portion of the GloWbE corpus.
Web (Blog)	98,748	125,496,216	Texts that were classified by Google as being blogs. Further classified into the web genres of academic, argument, fiction, info, instruction, legal, news, personal, promotion, review web pages. Taken from the US portion of the GloWbE corpus.
TV/Movies	23,975	129,293,467	Subtitles from OpenSubtitles.org, and later the TV and Movies corpora. Studies have shown that the language from these shows and movies is even more colloquial / core than the data in actual "spoken corpora".
	485,179	1,002,889,754	

Figure 2 – Summary of Data on COCA⁶

The frequency of collocation “adj. + problem” in the SOS case corpus is shown in the figure 3.

A Specialized 8 Million Civil Engineering Research Paper Corpus in Tokyo is presented. “National linguistic corpora includes a variety of genres, such as Bank of English (200 million word usages), British National Corpus (100 million word usages)” [14, p. 23]. An English translation corpus is a linguistic one, which carries out transformation to text, filtering, and normalization. It can then be processed by usual tools of corpus linguistics and implemented in a search corpus system. Corpus-based lexicographic analysis clearly helps to reveal the contextual use of certain words, especially synonymous ones. The translator presents some options for certain word application in the original texts.

Scholars could use corpus data to analyze English as a Foreign Language (TEFL) curricula and facts. The textural organization of the corpus consists of a traditional content with reference to translations and a tabular form, which is more appropriate to comparison.

The following tasks of the corpus method can be highlighted:

⁵ Compiled by the authors.

⁶ Source: <https://www.english-corpora.org/coca/>.

- 1) the task of the student is to discover something new in a foreign language;
- 2) the task of the teacher is to provide a context in which these strategies can be implemented;
- 3) the corpus approach provides relevant aspects realization of foreign language proficiency.

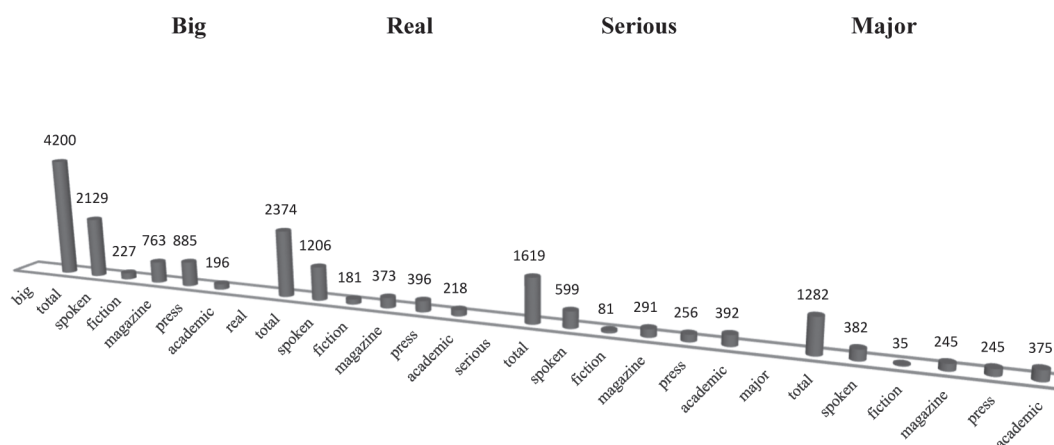

Figure 3 – The frequency of collocation “adj. + problem” in SOS case corpus⁷

Thus, the effective digital means of text interpretation is corpus-based lexicographic analysis. We based on the assumption that the purpose of using digital technologies is to improve the quality and efficiency of the educational process. A corpora-based approach is used to cluster short texts, since they give rise to the problem of insufficient word matching and lack of contextual information. It is applied as a basis for linguistic rules in a given language.

Translators can determine factors which affect the quality of interpreted text. The role of corpora approach is to provide the most correct examples of the use of language units. According to mentioned example the frequency of collocation “adj. + problem” may be over 4 thousand patterns that proved a great efficiency and quality of text interpretation and translation.

Conclusion

Language education as a process and result of cognitive activity offers a modern concept of teaching foreign languages. It is based on the forming of the ability and readiness to participate in oral, written, virtual, intercultural, organizational, corporate, scientific communication using foreign languages as a means. In the context of foreign language education high requirements for teaching practical skills of translating texts in the specialty and special terminology are put in. The analysis of different corpora types are the subjects of papers in machine translation, in which corpora are used to create hidden models.

Today, the issue of correct translation in the professional areas is the main one for higher education, since a modern specialist must be ready to work with professional foreign language literature. Hence, the relevance of special training of future specialists, regardless of the training profile, in the skills of translating special texts is obvious.

Corpora can be useful in teaching foreign languages. One of the major features of corpus-based learner dictionaries is their inclusion of quantitative data extracted from a corpus. The essential point is that dictionaries when defining the entry for a vocabulary select the terms and expressions used from a controlled set.

The following possible ways to use concordances in foreign language education: a) authentic examples demonstration of the use of certain lexical units, set phrases, grammatical structures, text structure; b) grammatical rules formulation and ones for the lexical units application; c) expanding the vocabulary (searching for new meanings of known words, correlating words and phrases with the context, compiling a dictionary entry inde-

⁷ Compiled by the authors.

pendently or with the help of an educator); d) texts comparison created by native and non-native speakers. These forms of work are quite traditional for the methodology of teaching foreign languages. The use of corpus technologies can significantly accelerate the educational process in the context of autonomous students' activities

There are no diagnostic and experimental data to confirm effectiveness of corpora approach, but our task is to prove that it is feasible and productive. Our universities should practise this technology.

References

1. *Mikhaylova A.G.* Corpus Approach to Professional Texts Translation in the Context of Digital Culture Possibilities for Foreign Language Education // Digital Transformation of Social and Economic Systems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 26, 2024. – Moscow: Moscow Witte University, 2024. – P. 462–474.
2. *Chroma M.* The Role of Translation in Professional Communication // The Routledge Handbook of language and Professional Communication. – Publisher: Routledge, 2014. – Chapter 11. – Edition 1. – P.147–164.
3. *Kobzeva N.A., Mikhaylova A.G.* Translation Peculiarities in Professional Communication of Non-Linguistic Universities // Yazyk. Obshchestvo. Obrazovanie [Language. Society. Education]. Collection of Scientific Papers of the III International Scientific and Practical Conference. Edited by Yu.V. Kobenko. – Tomsk, 2022. – P. 127–131.
4. *Mikhaylova A.G.* Organizational and Pedagogical Conditions for Increasing the Motivation of Students with Disabilities in the Context of Inclusive Education // Voprosy Metodiki Prepodavaniya v Vuze [Teaching Methodology in Higher Education]. – 2021. – Vol. 10, No. 39. – P. 67–77.
5. *Chu Tao Zheng, Cheng Liu, Hau San Wong.* Corpus-Based Topic Diffusion for Short Text Clustering // Neurocomputing. – 2018. – Vol. 27531. – P. 2444–2458. – DOI 10.1016/j.neucom.2017.11.019.
6. *Anthony N., Zayyanu Z.M.* Achieving Correspondence and/or Equivalence in Translation, An Evaluation of the Translation Ekwensi's Burning Grass into French as La Brousseardente by Francoise Balogun // Journal of Research in Humanities and Social Science. – 2021. – Vol. 9, Issue 5. – P. 50–55.
7. *TawffEEK A.S. Mohammed.* The Use of Corpora in Translation into the Second Language: A Project-Based Approach // Front. Educ. Sec. Higher Education. – 2022. – Vol. 7. – URL: <https://doi.org/10.3389/educ.2022.849056> (date of application: 12.03.2024). – Text: electronic.
8. *Mel'cuk I., Polguère A.* Theory and Practice of Lexicographic Definition // Journal of Cognitive Science. – 2018. – No. 19 (4). – P. 417–470. – DOI 10.17791/jcs.2018.19.4.417.
9. *Johansson S.* On the Role of Corpora in Cross-Linguistic Research. Corpora and Crosslinguistic Research. – Amsterdam, 1999. – P. 3–24.
10. *Saricoban A.* Translation to Test Language Areas and Skills // Professional Communication and Translation Studies. International Conference. – Politehnica University of Timisoara, Romania, 2011. – 7 edition. – URL: <https://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html> (date of application: 12.03.2024). – Text: electronic.
11. *Li X.* Identifying In-Demand Qualifications and Competences for Translation Curriculum Renewal: A Content Analysis of Translation Job Ads // The Interpreter and Translator Trainer. – 2022. – Vol. 16, Issue 2. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1750399X.2021.2017706> (date of application: 12.03.2024). – Text: electronic.
12. *Negoescu A.* Aspects of Advertising Discourse // Professional Communication and Translation Studies. International Conference. – Politehnica University of Timisoara, Romania, 2011. – 7 edition. – URL: <https://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html> (date of application: 12.03.2024). – Text: electronic.
13. *Mikhaylova A.G.* Korpusnyj Podhod k Perevodu Professional'nyh Tekstov [Corpus Approach to the Translation of Professional Texts] // Cifrovaya Gumanitaristika i Tekhnologii v Obrazovanii [Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2023)]: Collection. Articles of the IV International Scientific and Practical Conference. November 16–17, 2023 / ed. V.V. Rubtsova, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. – Moscow: Publishing house FSBEI HE MGPPU, 2023. – P. 367–380.
14. *Parlog A.C.* Recreating Meaning in Translation // Professional Communication and Translation Studies. International Conference. – Politehnica University of Timisoara, Romania, 2011. – 7 edition. – URL: <https://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html>

ps://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html (date of application: 12.03.2024). – Text: electronic.

15. *Gilmore A., Millar N.* The language of Civil Engineering Research Articles: A Corpus Based Approach // English for Specific Purposes. – 2018. – Vol. 51. – P. 1–17. – DOI 10.1016/j.esp.2018.02.002.

16. *Staples S.* Using Corpus-Based Discourse Analysis for Curriculum Development: Creating and Evaluating a Pronunciation Course for Internationally Educated Nurses // English for Specific Purposes. – 2019. – Vol. 53. – P. 13–29. – DOI 10.1016/j.esp.2018.08.005.

УДК 37.02

О ПРИНЦИПАХ ПРАКТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КОМПЕТЕНЦИЯМ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Беленко Екатерина Леонтьевна¹,

*д-р техн. наук, канд. биол. наук,
e-mail: belenkoek@gmail.com,*

Проценко Юлия Валерьевна²,

*канд. пед. наук, доцент,
e-mail: procenko@rosinstitut.ru,*

Луканова Наталья Александровна³,

e-mail: Nlukanova21827@synergyedy.ru,

¹Российская международная академия туризма, Московская область, г. Химки, Россия

²Институт экономики и управления в промышленности, г. Москва, Россия

³Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Россия

Статья посвящена исследованию принципов практического обучения в профессиональном туристском образовании. Представленные результаты методического исследования являются обзором опыта, полученного в результате практической педагогической деятельности в системе туристского образования в условиях компетентностного подхода. Локальные элементы новизны в работе содержатся в предпринимаемой попытке обобщения эмпирико-педагогического опыта апробации принципов практического обучения студентов профессиональным компетенциям: принцип аксиологический; принцип рекреационный; принцип индивидуализации; принцип интегративности; принцип коммуникативности; диалектический принцип; принцип континуальности; структурно-содержательный принцип; принцип иерархичности; принцип рыночной ориентации практического обучения. Авторы приходят к выводам, что профессиональное туристское образование в высшей школе должно строиться на основе системы связей основных компонентов содержания, организации различных форм, принципов и методов обучения, которые реализуются и усваиваются в ходе практической деятельности обучающихся.

Ключевые слова: профессиональное туристское образование, индустрия туризма и гостеприимства, принципы практического обучения

ON THE PRINCIPLES OF PRACTICAL TRAINING OF STUDENTS IN PROFESSIONAL COMPETENCIES OF TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY

Belenko E. L.¹,

*doctor of technical sciences, candidate of biological sciences,
e-mail: belenkoek@gmail.com,*

Protsenko Y.V.²,

*candidate of pedagogical sciences, associate professor,
e-mail: procenko@rosinstitut.ru,*

Lukanova N.A.³,

e-mail: Nlukanova21827@synergyedy.ru,

¹Russian International Academy for Tourism (RIAT), Moscow region, Khimki, Russia

²Institute of Economics and Management in Industry, Moscow, Russia

³Moscow University of Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia

The article is devoted to the study of the principles of practical training in professional tourism education. The presented results of the methodological research are an overview of the experience obtained as a result of practical pedagogical activity in the system of tourist education in the context of a competence-based approach. The local elements of novelty in the work are contained in an attempt to summarize the empirical and pedagogical experience of approbation of the principles of practical training of students in professional competencies: the axiological principle; the recreational principle; the principle of individualization; the principle of integrity; the principle of communication; dialectical principle; the principle of continuity; structural and substantive principle; the principle of hierarchy; the principle of market orientation of practical training. The authors conclude that professional tourism education in higher school should be based on a system of links between the main components of the content, the organization of various forms, principles and methods of teaching, which are implemented and assimilated in the course of practical activities of students.

Keywords: professional tourism education, tourism and hospitality industry, principles of practical training

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-31-40

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что новое качество высшего образования проявляется через комплексный, системный, междисциплинарный и интегральный характер на основе требований федеральных образовательных и профессиональных стандартов к уровню подготовленности выпускников вузов. В последние двадцать лет это нашло свое отражение в динамичном становлении компетентностного подхода к результатам высшего образования. При этом существует пробел в обосновании частнодидактических принципов обучения. В действительности большинство исследований до сих пор опираются на классические принципы, выдвинутые на заре становления научной дидактики. Однако, с тех пор появились абсолютно новые виды профессиональной деятельности, породившие, соответственно, новые образовательные программы и новые частные методики обучения. Так, в представленной работе предпринимается попытка восполнения данного пробела на обзорно-обобщающем эмпирическом уровне.

26 июля 2023 года на совещании по развитию туризма министр науки и высшего образования Валерий Фальков заявил, что «общая потребность российской туристической отрасли в квалифицированных кадрах составляет 30 % от общего количества профессиональных работников». Он назвал три основных направления – сервис, туризм и гостиничное дело, где в первую очередь готовятся квалифицированные специалисты для отрасли. «Кроме того, – отметил он, – теоретическое ядро в обучении должно быть минимальным и необходимым, а львиную долю обучения должна занимать практика¹».

Из общей педагогики известно, что принципы обучения как методологические единицы имеют дуальную природу: с одной стороны, они выступают наиболее общими теоретическими положениями, а с другой – практическими регулятивами директивного толка. Данный дуализм предполагает методологическую концепцию рассмотрения теоретической проблематики на уровне локальных эмпирических данных, полученных в результате авторской педагогической деятельности. Накопленный материал имеет признаки методологической системности, ввиду чего можно говорить о том, что исследуемые принципы в единстве обеспечивают эффективное обучение студентов дисциплинам, содержательный контекст которых предполагает ознакомление с туристскими дестинациями.

Цель исследования – представить обзор опыта практического обучения профессиональным компетенциям в рамках дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса» с выделением принципов как дидактических единиц на данной основе.

Объект исследования: практическое обучение студентов в рамках дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса».

¹ Минобрнауки оценило потребность туристической отрасли в сотрудниках с высшим образованием. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/913350> (дата обращения: 21.03.2024). – Текст: электронный.

Предмет исследования: принципы и условия их реализации при практическом обучении студентов профессиональным компетенциям по дисциплине «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса».

Задачи исследования:

1. Представить обзор принципов обучения студентов профессиональным компетенциям в рамках дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса».
2. Определить принципы практического обучения студентов профессиональным компетенциям в рамках дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса».
3. Экспериментально апробировать реализацию принципов практического обучения студентов профессиональным компетенциям в рамках дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса».

Ведущим методом исследования в работе выступает обзорный описательный педагогический анализ, реализующий представление эмпирических данных. Кроме этого, используется метод педагогического абстрагирования, предполагающий рассмотрение конкретного аспекта педагогического процесса с целью фокусировки исследовательского внимания на отдельном принципе, а также метод синтеза, предполагающий выделение принципов обучения как частнодидактических регулятивов.

Практическое обучение в профессиональном туристском образовании

Профессиональное образование в индустрии туризма и гостеприимства вошло в проблемное поле педагогических исследований в середине девяностых годов XX века, и уже к настоящему времени получены очевидные результаты. Среди них правомерно отметить следующие:

- содержание и процесс профессиональной подготовки в вузе (Е.Н. Богданов, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкина, И.А. Зимняя, И.Ф. Исаев, Н.В. Кузьмина, С.И. Маслов, Н.И. Симонова, В.А. Слостёнин, А.Э. Штеймец и др.);
- концепцию профессионального образования и содержания обучения на различных ступенях многоуровневой подготовки специалистов туризма и гостеприимства (В.А. Квартальнов, И.В. Зорин, В.А. Кальней, В.С. Леднев, А.М. Новиков, А.И. Сеселкин, С.Е. Шишов);
- концептуальные основы педагогической технологии (В.П. Беспалько, В.М. Коротов, В.Ю. Пятюков и др.);
- исследование уровней и ступеней профессионального туристского образования (Г.И. Зорина, С.И. Лукьянченко, Л.В. Ляшева и др.);
- изучение профессионально значимых качеств специалиста в сфере туризма (Е.А. Алилуйко, Г.И. Бабий, Е.Н. Гаранина и др.);
- систему подготовки кадров туризма на основе компетентностного подхода (Д.В. Ермилова, Т.Н. Ефремцева, А.В. Квартальнов, З.В. Киримова, Ю.В. Жилкова, Л.В. Курило и др.).

Одним из базовых концептов профессионального туристского образования является концепт туристской дестинации, под которым, согласно нашим представлениям, следует понимать систему социальных, экономических и культурных взаимоотношений, объективно возникающих в процессе туристической деятельности. Авторы статьи, Ю.В. Проценко, Н.А. Луканова, Е.Л. Беленко, с 2009 года проводили исследование концепта «дестинация». «Туристское пространство, как всякое общее, лишь приблизительно охватывает дестинацию, а дестинация, как всякое отдельное, не полностью входит в туристское пространство. Ни дестинация, ни туристское пространство не обладают самостоятельным существованием. Это иллюстрируется при анализе дестинаций, находящихся в различных уголках мира, где возникновение или исчезновение тех или иных свойств рекреационных объектов приносят новые функции дестинации, характеризуют сначала вид туризма, затем налагают отпечаток на весь туристский регион, а затем на туристское пространство в целом» [1, с. 119].

Туристская дестинация обладает «неповторимыми чертами и свойствами. Дестинация рождается во времени, как правило, через историческое событие, и при условиях ее «выживания» проявляется

в единой материи – пространстве, через привлечение туристов становится туристской дестинацией. Каждое усилие пространства направлено на формирование личности через созерцание наследия туристской дестинации» [2, с. 146].

С каждым годом возрастает значимость практико-ориентированной составляющей профессионального туристского образования для туристских дестинаций России. В Московском финансово-промышленном университете «Синергия» (Университет «Синергия») на кафедре «Менеджмент в гостиничном и ресторанном бизнесе» образовательный процесс подготовки кадров тесно связан с практической подготовкой. Действует и обновляется список партнеров, в том числе обеспечивающих средства размещения туристов (гостиницы, гостевые дома, хостелы и др.), а также предприятий общественного питания, туркомпаний и др. Организовываются выездные мероприятия на профильные выставки, международные и российские конференции. Для чтения лекций приглашаются работодатели индустрии туризма и гостеприимства. Кафедра также уделяет особое внимание организации стажировок студентов и процессу трудоустройства выпускников.

Ведущим условием формирования профессиональных компетенций является формирование практических навыков по реализации процессов обслуживания в гостиницах и ресторанах различных типов и категорий на основе дидактических и методических принципов.

Однако, анализ практического обучения в процессе освоения профильных дисциплин образовательной программы направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» профиля «Менеджмент в гостиничном и ресторанном бизнесе» показал, что дидактические и методические принципы, хотя и реализуются, всё же представлены недостаточно системно и не в полной мере дискретно. Это мотивирует необходимость уточнения принципов практического обучения дисциплинам с содержательным контекстом туристских дестинаций для повышения потенциального качества обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса.

Принципы практического обучения на примере дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса»

Под принципами обучения следует понимать как наиболее общие педагогические положения, так и конкретные методические регулятивы в практической педагогической деятельности. Данное исследование проходило с сентября 2022 года по апрель 2024 года в Университете «Синергия» на кафедре «Менеджмент в гостиничном и ресторанном бизнесе» в ходе преподавания дисциплины «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса».

Дисциплина «Управление процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса» включена в учебные планы 38.03.02 Менеджмент профиль «Менеджмент в гостиничном и ресторанном бизнесе», в часть, формируемую участниками образовательных отношений – Блок 1. Дисциплина изучается на очной форме обучения на втором курсе в четвертом семестре. Лекционные занятия составляют 32 часа, практические занятия – 48 часов и самостоятельная работа – 28 часов. Дисциплина заканчивается экзаменом.

Изыскания были направлены на выявление того, на каких принципах нужно строить практическое взаимодействие со студентами. В рамках дисциплины изучаются новые современные технологии организации управления процессами обслуживания с помощью стандартов сервиса, в том числе и цифровых технологий.

На основе системных эмпирических наблюдений авторами было выявлено, что в процессе обучения принципы представлены недостаточно системно и не в полной мере дискретно, что не содействует продуктивному построению практического обучения, которое способствует эффективному освоению профессиональных компетенций. Этим была мотивирована цель и методологический замысел представленного исследования.

Принцип аксиологический – принцип помогает обучаемым осознать основную задачу по организации обслуживания как проблему обеспечения доступности услуг на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса.

Данный принцип помогает обучаемому увидеть взаимосвязи между познавательным и практическим подходом к процессу обслуживания. Подчеркивает ценность личности гостя в триаде: ценности, общество и культура.

В процессе обслуживания аксиологический принцип говорит о критериях добра и зла, рассматривает то, что разрешено человеку, а что запрещено, устанавливает условия для моральных норм.

Для апробации принципа были использованы в процессе практического обучения кейсы по применению цифровых технологий при обслуживании гостя. В практических кейсах обучающиеся получают профессиональные компетенции по контролю над большинством устройств в номере гостиницы через смартфон. С помощью мобильного приложения обучаемые смогут научиться управлять кондиционером, контролировать освещение, переключать ТВ-программы, удаленно вызывать лифт, а также связываться с персоналом в режиме 24/7 и заказывать дополнительные услуги [3, с. 37].

Принцип рекреационный – принцип, изначально связанный с обобщенным практическим представлением о рекреационной деятельности как совокупности циклов рекреационных занятий для построения туристского продукта, а здесь преобразуется в семантическую образовательную задачу распознавания образов: мест, событий, паттерн поведения, ценностей, объектов наследия, сказок, историй, легенд, мифов, знаний, навыков, умений и других дидактических единиц, раскрывающих сущность дестинации – где находится объект, на котором происходит процесс обслуживания [4].

Для апробации принципа были разработаны практические кейсы по новым навыкам по управлению номером через смартфон. Например, программирование открытия и закрытия штор и др.

Принцип индивидуализации – принцип обеспечивает обучаемым сформировать личную траекторию по освоению профессиональных компетенций на практике. Данный принцип строится с учетом требований конкретного работодателя к должности на объекте в процессе обслуживания.

Важным условием в практическом обучении является то, что миллениалы родились и росли во времена активного развития интернета и практически не могут обходиться без мобильного телефона.

Поэтому важно развивать цифровые технологии в гостиничном бизнесе при предоставлении услуг, сообщении информации, решении вопросов по качеству обслуживания, предоставляя гостю продукты: робот-официант, мобильные ассистенты, чат-боты, электронные меню и др.

Автоматизация регистрации является «детищем» COVID-19, где функция автоматической регистрации помогает гостям избежать физического контакта с персоналом. Основные функции терминалов – самостоятельная регистрация при въезде/выезде, услуги виртуального консьержа, цифровая реклама и сопутствующие услуги.

На практических занятиях мы изучили кейс по первому в России цифровому отелю ApeironSpace (Москва, Раушская набережная). Сайт отеля <https://apeironspace.com/>.

Во время практических занятий обучаемые познакомились с различными сложными ситуациями при самостоятельном заселении гостя в цифровой отель. Был проведен тренинг по решению практических ситуаций. Например, как отель поможет гостю, если он получил сгенерированный код на мобильный телефон, но телефон разрядился, и гость не может воспользоваться кодом и зайти в отель.

Управление процессом обслуживания гостя производится на основе регламентов. Поэтому на практических занятиях обучающиеся разрабатывали регламенты, которые помогали персоналу контактировать с гостем через приложение на смартфоне.

Принцип интегративности – принцип предполагает развитие личности обучаемых во время практического обучения по четырем основным видам деятельности: познавательной, проектирующей, ценностно-ориентировочной, эстетической.

Бизнес-анализ и аналитика до недавнего времени рассматривались только как финансовые методы для решения задач финансового директора. Сейчас растет потребность в общедоступной финансовой, производственной и технической информации по всем процессам [5, с. 234–239].

Основными факторами, влияющими на рынок интегрированной аналитики, являются рост числа организаций, основанных на данных, более широкое внедрение аналитики самообслуживания и растущий спрос на интеграцию аналитики с бизнес-приложениями. Рынок встроенных аналитиков быстро растет из-за перехода от традиционных аналитических методов анализа бизнес-данных к передовым технологиям и массивного всплеска потоков структурированных и неструктурированных данных [6].

Принцип был апробирован на практическом кейсе по изучению роста спроса на инструменты, обеспечивающие ускоренную идентификацию гостя и автоматизацию рабочих процессов. Например, на онлайн-исследования, которые выявляют предпочтения гостей при выборе мест размещения. Такое ускоренное отслеживание потребительского поведения помогает вовремя исправить недостатки и провести более яркое промо достоинств гостиницы.

Рынок онлайн-бронирования ставится консолидированным, поэтому в будущем около 90 % броней будут приходиться через три-пять крупных каналов.

По данным Wpovo на ноябрь 2022 года, ТОП-5 эффективных ОТА сформировали такие российские компании, как Ostrovok.ru, 101Hotels.com, «Яндекс.Путешествия», МТС Travel (Bronevik.com) и «Суточно.ру²».

Принцип коммуникативности – принцип формирует образ туристской дестинации через призму культуры народов, населяющих территорию, через уровень их гостеприимности, помогает студенту в межкультурной коммуникации в процессе обслуживания в средствах размещения, объектах питания и др.

Принцип был апробирован в процессе изучения цифровых технологий в гостиницах Москвы, которые позволяют: применять мобильные приложения для обслуживания гостя (с встроенным переводчиком); применять специализированную технику в процессе заселения гостя; увеличить гибкость и скорость внедрения новых идей по обслуживанию гостя; снизить риск конфликтных ситуаций; повысить безопасность данных гостя и др.

Диалектический принцип – принцип построен на том, что практика становится одним из критериев истины, так как теоретические положения усложняются и становятся все более абстрактными. Важно, что на основе полученных выводов можно достичь поставленных целей.

«Среди главных стратегических целей, которых помогает достичь цифровая трансформация отеля, эксперты отмечают: рост доходов от прямых продаж и внедрения цифровых сервисов; снижение эксплуатационных расходов за счет оптимизации и ускорения бизнес-процессов; повышение качества гостиничных продуктов и развитие ассортимента услуг; рост уровня удовлетворенности и лояльности гостей» [7].

Современный человек испытывает колоссальный цифровой шум, который в любой момент грозит перерасти в какофонию. В этих условиях предприятиям индустрии гостеприимства нужно постараться облегчить пребывание. Для этого надо оказаться в подходящий момент с выгодным персонализированным предложением. Поэтому практическое обучение процессам обслуживания на основе данного принципа включает практические кейсы: использование цифровых технологий в индустрии гостеприимства, особенно бесконтактных сервисов – мобильных приложений, виртуальных ассистентов и чат-ботов, заселение в гостиницу через мобильное приложение.

Принцип непрерывности – принцип непрерывности современного профессионального образования.

Учитывая становление непрерывной системы профессионального туристского образования и формирования содержания профессионального туристского образования, теоретические основы ее становления разработаны в фундаментальных исследованиях В.А. Квартальнова и И.В. Зорина³.

С начала XXI века непрерывность системы профессионального туристского образования стала основываться на компетентностном подходе к результатам образования. Под компетенцией понимается готовность осуществлять профессиональную деятельность в определенной области. При формировании компетенции общие знания и умения должны объединяться, в комплексе образуя успешный результат. Их формирование осуществляется через теоретическое и практическое обучение [8, с. 124–127].

В 2010-х годах XXI века в профессиональном образовании из-за повышения роли личностно ориентированного обучения возрос интерес в научных исследованиях к модульному построению учебного процесса (А.М. Новиков, П.А. Юцявичене, В.А. Ермоленко, З.В. Киримова и др.).

² Трансформация индустрии гостеприимства 2022: новые решения и тренды. – URL: <https://www.trn-news.ru/analytics/106618> (дата обращения: 21.03.2024). – Текст: электронный.

³ Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма: справочник. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 364 с.

Структурно-содержательный принцип – принцип, включающий структуру непрерывного профессионального образования с постоянно уточняющимся содержанием образования.

Диверсификация профессионального туристского образования должна происходить с учетом потребностей рыночной экономики, социальных запросов населения и международных тенденций развития туризма и образования. Она вызвана необходимостью стандартизации (унификации) профессионального туристского образования и расширением спектра образовательных программ для модернизации профессионально-квалификационной структуры кадров в сфере туризма. Диверсификация также связана с обеспечением возможности выбрать свою образовательную траекторию с учетом своего потенциала и дальнейшего трудоустройства и возможности каждому профессиональному образовательному учреждению туристского профиля создать собственную систему подготовки и переподготовки профессиональных туристских кадров [9, с. 182].

Темпы обновления знаний и невероятный поток информации, которая устаревает быстрее, чем студенты окончат очередной курс обучения, невозможно отразить и «втиснуть» в учебные программы стандарта. В этих условиях необходимо обновлять оперативную часть своего практического опыта на основе современных требований туристского рынка, без которого студент не сможет считаться подготовленным к профессии. Когда речь идет о выживании в рыночной конкурентной среде, вопрос стоит не о жалком существовании фирмы. Выживание в перспективе предполагает, что фирма довольно успешно справляется со своими задачами [10, с. 86].

Принцип иерархичности – принцип подчиненности уровней практического обучения.

Данный принцип говорит о построении практического обучения на следующих уровнях и формах деятельности обучаемых:

- практическое обучение во время учебной деятельности аудиторного типа, например, тренинг «Конфликтные ситуации и их разрешение при обслуживании гостей». Содержание практического обучения на семинарском занятии зависит от соответствующего уровня сложности задания и работе обучаемых индивидуально, в парах или группами;

- практическое обучение во время учебной деятельности внеаудиторного типа, например, выездной учебно-практический семинар по изучению туристской дестинации «Культурно-познавательный и туристский потенциал города Ярославля». Содержание практического обучения на семинарском занятии зависит от соответствующего уровня сложности задания и работы обучаемых индивидуально, в парах или группами;

- практическое обучение на базе туроператорских и турагентских компаний, средствах размещения, предприятиях питания региона во время учебной или производственной (технологической) практик. Цель практического обучения – закрепить и углубить теоретические знания, приобрести общепрофессиональные компетенции и навыки самостоятельной практической работы;

- практическое обучение во время преддипломной практики с целью провести исследования, связанные с выполнением выпускной квалификационной работы в соответствии с выбранной темой и задачами исследования.

Принцип рыночной ориентации практического обучения – принцип построения практического обучения на основе запроса федеральных и региональных органов власти в сфере туризма и гостеприимства, отраслей, связанных с данной сферой, а также современных мировых тенденций экономического развития.

Новое содержание практического обучения по вопросам управления комплексными операциями в индустрии туризма и гостеприимства на основе цифровых технологий становится актуальным с 2019 года, когда по поручению Президента В.В. Путина Правительством Российской Федерации было разработано и утверждено Постановление Ф3-№ 234 от 2 марта 2019 года «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» [11, с. 65–73].

Цифровизация как одна из современных тенденций предлагает новое содержание практического обучения по вопросам управления комплексными операциями в индустрии туризма и гостеприимства.

Интегрированность базовых бизнес-процессов на основе цифровых технологий становится важным преимуществом для гостиничных и ресторанных предприятий в контексте обеспечения интеллектуальной автоматизации, повышения эффективности и мгновенного получения аналитической информации.

Системы планирования ресурсов предприятия (ERP), сетевых брендов в индустрии туризма и гостеприимства работают по всему миру. ERP-системы объединяют финансы, цепочки поставок, бизнес-процессы, коммерцию, отчетность, производство и управление персоналом на единой платформе.

Современные ERP-системы все эти процессы собирают в одну гибкую систему. Они делают данные доступными не только в самой ERP-системе, но также в офисных приложениях, интернет-магазинах и даже в решениях для взаимодействия с клиентами. Все данные сводятся воедино, чтобы улучшить аналитику и помочь вам оптимизировать процессы по всей компании.

Кроме того, современное ERP-решение предлагает гибкие варианты развертывания, повышенную безопасность и конфиденциальность, устойчивое развитие и настройку с минимумом программирования⁴.

Практические кейсы были разработаны в концепте заданий работы с облачной системой управления отелем “AutoPortye” (<https://autoportye.ru/>): при помощи цифровизации можно выстраивать диалог с гостем, начиная с момента бронирования; как можно увеличить продажи услуг; как выстроить диалог с гостем и сделать его лояльным к услугам отеля.

При практическом обучении был рассмотрен кейс компании “OpenGeeksLab”. Компания разработала блокчейн-решение для заказчика – платформу “GOeureka”. Цель данного кейса на основе блокчейна – сформировать будущее онлайн-бронирования отелей⁵.

Заключение

Современная система высшего профессионального образования отмечена большим количеством исследований, посвященных вопросам практического обучения. Практическое обучение в профессиональной подготовке специалистов занимает основополагающее место. Под практическим обучением стоит понимать воспроизведение отдельных фундаментальных компонентов профессиональной деятельности специалиста с целью их сознательного и прочного освоения со стороны обучающегося.

Создание практико-ориентированных образовательных программ по управлению процессами обслуживания на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса позволит обучаемым эффективно взаимодействовать с ведущими предприятиями туризма и гостеприимства и быть востребованными специалистами.

Практическое обучение обеспечивает интеграцию в действующие процессы обслуживания и выполнения ежедневных алгоритмов работы на предприятиях гостиничного и ресторанного бизнеса.

На основе исследования можно сделать следующие выводы:

1. Принципы практического обучения должны быть реализованы на основе интегративного характера процесса формирования компетенций, в ходе которого закрепляются и углубляются теоретические знания, а также соединяются в комплекс профессиональных навыков.

2. В ходе исследования был произведён уточняющий обзор принципов практического обучения.

3. Сложность проблемы изыскания принципов практического обучения профессиональным компетенциям связана с тем, что педагогу нужно сформулировать педагогические цели и вытекающие из них конкретные дидактические задачи практического обучения.

4. Для отбора наиболее эффективных методов практического обучения профессиональным компетенциям необходимо учитывать требования к формированию регламентированных федеральным государственным образовательным стандартом компетенций.

5. При разработке практических кейсов и заданий опираться на профессиональные стандарты, разработанные Советом по профессиональным квалификациям в сфере гостеприимства, а также на лучшие практики российских и зарубежных компаний.

Представленное исследование восполняет пробел в уточнении принципов обучения специфической частной дидактики, а именно преподавания дисциплин туристического контекста. С теоретиче-

⁴ Три сложности внедрения ERP для бизнеса. – URL: <https://dynamics.microsoft.com/ru-ru/erp/what-is-erp> (дата обращения: 23.03.2024). – Текст: электронный.

⁵ GOeureka Платформа на основе блокчейна формирует будущее онлайн-бронирования отелей. – URL: <https://opengeekslab.com/projects/goeureka/> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст: электронный.

ской точки зрения материалы данной статьи могут лечь в содержательную основу специализированных векторных исследований в рамках каждого отдельного принципа, с практической же – могут служить базой для углубления методического опыта работы со студентами в данных направлениях, с точки зрения совершенствования конкретных методов, форм и средств работы.

Таким образом, являясь обзорно-постановочным, исследование открывает перспективы для более глубоких разработок и формирования понимания профессионально-компетентностного развития обучения студентов туристических направлений подготовки.

Список литературы

1. Жилкова Ю.В., Киримова З.В. Дестинация как единичное явление туристского пространства // Развитие непрерывного образования: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 5-летию Института дополнительного образования и повышения квалификации, Красноярск, 25–26 марта 2010 года / ред. кол.; Е.Н. Белова (отв. ред.). – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2010. – С. 118–120.
2. Проценко Ю.В., Луканова Н.А. Туристская дестинация как отражение нравственного пути человека // Вестник РМАТ. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turistskaya-destinatsiya-kak-otrazhenie-nravstvennogo-puti-cheloveka> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст: электронный.
3. Богомазова И.В., Аноприева Е.В., Климова Т.Б. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – № 3 (85). – С. 34–45.
4. Зорин А.И. Рекреационное проектирование в системе педагогики туризма // Вестник РМАТ. – 2022. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekreatsionnoe-proektirovanie-v-sisteme-pedagogiki-turizma> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст: электронный.
5. Брускин С.Н. Методы и инструменты продвинутой бизнес-аналитики для корпоративных информационно-аналитических систем в эпоху цифровой трансформации // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2016. – Т. 12, № 3-1. – С. 234–239.
6. Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г. Бизнес-аналитика в условиях цифровой трансформации государственного и корпоративного управления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 9 (103).
7. Скорбенко С.В. Путь в цифровое будущее: как отелю стать более цифровым. – URL: <https://welcometimes.ru/opinions/put-v-cifrovoe-budushchee-kak-otelyu-stat-bolee-cifrovym> (дата обращения: 31.03.2024). – Текст: электронный.
8. Маркова С.М., Котенко Е.Ф., Григорян Н.М. Основные тенденции развития содержания профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62 (4). – С. 124–127.
9. Сеселкин А.И. Основные направления диверсификации профессионального туристского образования // Актуальные проблемы туризма – 2004–2005: сборник научных трудов / Российская международная академия туризма. – Москва: Советский спорт, 2005.
10. Киримова З.В. Модульное построение практического обучения студентов туристского вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Москва, 2010. – 24 с.
11. Данилова Н.Ф., Сараева И.В. Глобальное цифровое пространство: перспективы и угрозы для экономического развития стран // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 65–73.

References

1. Zhilkova Yu.V., Kirimova Z.V. Destinaciya kak edinichnoe yavlenie turistskogo prostranstva // Razvitie nepreryvnogo obrazovaniya: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 5-letiyu Instituta dopolnitel'nogo obrazovaniya i povysheniya kvalifikacii, Krasnoyarsk, 25–26 marta 2010 goda / red. kol.; E.N. Belova (otv. red.). – Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva, 2010. – S. 118–120.
2. Procenko Yu.V., Lukanova N.A. Turistskaya destinaciya kak otrazhenie нравstvennogo puti cheloveka // Vestnik RMAT. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turistskaya-destinatsiya-kak-otrazhenie-nravstvennogo-puti-cheloveka> (data obrashcheniya: 29.03.2024). – Tekst: elektronnyj.

3. *Bogomazova I.V., Anoprieva E.V., Klimova T.B.* Cifrovaya ekonomika v industrii turizma i gostepriimstva: tendencii i perspektivy // *Servis v Rossii i za rubezhom.* – 2019. – № 3 (85). – S. 34–45.
4. *Zorin A.I.* Rekreatsionnoe proektirovanie v sisteme pedagogiki turizma // *Vestnik RMAF.* – 2022. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekreatsionnoe-proektirovanie-v-sisteme-pedagogiki-turizma> (data obrashcheniya: 29.03.2024). – Tekst: elektronnyj.
5. *Bruskin S.N.* Metody i instrumenty prodvinutoj biznes-analitiki dlya korporativnyh informacionno-analiticheskikh sistem v epohu cifrovoj transformacii // *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie.* – 2016. – T. 12, № 3-1. – S. 234–239.
6. *Timofeev A.G., Lebedinskaya O.G.* Biznes-analitika v usloviyah cifrovoj transformacii gosudarstvennogo i korporativnogo upravleniya // *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal.* – 2017. – № 9 (103).
7. *Ckorbenko S.V.* Put' v cifrovoe budushchee: kak otelyu stat' bolee cifrovym. – URL: <https://welcometimes.ru/opinions/put-v-cifrovoe-budushchee-kak-otelyu-stat-bolee-cifrovym> (data obrashcheniya: 31.03.2024). – Tekst: elektronnyj.
8. *Markova S.M., Kotenko E.F., Grigoryan N.M.* Osnovnye tendencii razvitiya sodержaniya professional'nogo obrazovaniya // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* – 2019. – № 62 (4). – S. 124–127.
9. *Seselkin A.I.* Osnovnye napravleniya diversifikacii professional'nogo turistskogo obrazovaniya // *Aktual'nye problemy turizma – 2004–2005: sbornik nauchnyh trudov / Rossijskaya mezhdunarodnaya akademiya turizma.* – Moskva: Sovetskij sport, 2005.
10. *Kirimova Z.V.* Modul'noe postroenie prakticheskogo obucheniya studentov turistskogo vuza: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. – Moskva, 2010. – 24 s.
11. *Danilova N.F., Saraeva I.V.* Global'noe cifrovoe prostranstvo: perspektivy i ugrozy dlya ekonomicheskogo razvitiya stran // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo.* – 2019. – T. 19, № 1. – S. 65–73.

УДК 378

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Быков Анатолий Карпович¹,

д-р пед. наук, профессор,

e-mail: akbikov@mail.ru,

¹Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

В статье анализируются современные проблемы теории и практики патриотического воспитания студентов вузов. Раскрывается взаимосвязь научного осмысления патриотического воспитания студентов вузов с требованиями нормативных правовых документов, практикой его организации в вузах. Актуализируются вопросы развития исторического сознания, формирования общероссийской гражданской идентичности, военно-патриотического воспитания студентов вузов. Обосновывается развитие личностного патриотизма студентов в вузах в рамках универсальной компетенции «системное и критическое мышление». Обосновываются такие пути повышения эффективности патриотического воспитания студентов вузов, как качественное обновление содержания и методики преподавания учебных дисциплин в вузах, особенно гуманитарных и социально-экономических дисциплин, в плоскости патриотически ориентированного образования; развитие в учебной и внеучебной работе со студентами их личностной патриотически ориентированной активности в социально значимых делах; др. Выдвигается тезис о необходимости проблемной дифференциации научного знания по научно-педагогическим вопросам патриотического воспитания обучающихся в системе высшего образования.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, военно-патриотическое воспитание, студенческая молодежь, историческое сознание, общероссийская гражданская идентичность

ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE PATRIOTIC EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS

Bykov A.K.¹,

doctor of pedagogical sciences, professor,

e-mail: akbikov@mail.ru,

¹Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article analyzes the current problems of the theory and practice of patriotic education of university students. The interrelation of the scientific understanding of patriotic education of university students with the requirements of regulatory legal documents, the practice of its organization in universities is revealed. The issues of the development of historical consciousness, the forming of the all-Russian civil identity, military-patriotic education of university students are being updated. The development of personal patriotism of students in universities within the framework of the universal competence “systemic and critical thinking” is substantiated. The author substantiates such ways to increase the effectiveness of patriotic education of university students as: qualitative updating of the content and methods of teaching academic disciplines in universities, especially humanities and socio-economic disciplines in terms of patriotic education; the development of students personal patriotically driven activity in socially significant matters in academic and extracurricular work with them, etc. The thesis about the need for problematic differentiation of scientific knowledge on scientific and pedagogical issues of patriotic education of students in the higher education system is proposed.

Keywords: patriotism, patriotic education, military-patriotic education, student youth, historical consciousness, all-Russian civil identity

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-41-47

Введение

Патриотическое воспитание подрастающего поколения, к которому можно отнести и студенческую молодежь, является важным направлением как государственной политики России, так и педагогических исследований. В этом контексте особенностью научного осмысления проблемы патриотического воспитания выступает ее тесная корреляция с реальной ролью патриотизма в жизни российского общества в переживаемый исторический период, когда многие трактовки понятий в сфере патриотического воспитания в нормативных правовых актах одновременно становятся исходными установками их научного анализа. В соответствии с нормативной правовой трактовкой, патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины¹.

Следует отметить, что приоритеты в воспитании патриотизма у граждан Российской Федерации отражены во многих нормативных документах федерального уровня.

В Конституции Российской Федерации (в новой редакции) в ст. 67.1 говорится о том, что «государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»².

В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся»³ воспитание трактуется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴ в ст. 91 указывается, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Приоритеты патриотического воспитания молодежи как ведущего направления воспитания подрастающего поколения отражены в нормативных актах по государственной национальной, молодежной и культурной политике Российской Федерации.

В период с 2021 по 2024 год реализуется Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”». – URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAEttx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 12.02.2024). – Текст: электронный.

² Конституция Российской Федерации (в новой редакции). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 03.03.2024). – Текст: электронный.

³ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

Такой акцент в государственной политике не случаен, он вызван геополитической ситуацией в мире, высокой турбулентностью происходящих событий и их значимостью для исторического будущего России.

С учетом вышеизложенного актуальным является анализ современных проблем теории и практики патриотического воспитания студентов вузов.

Государственная политика в сфере патриотического воспитания в современных условиях

В постсоветские годы мы наивно верили, что с отказом от советского прошлого, с вступлением России в ряды капиталистических государств наступит эпоха мирного сотрудничества нашей страны и западных стран, что мы будем равными в этом взаимодействии. Однако, как показали события, для западного мира мы являемся историческими соперниками вне зависимости от того, социалистический или капиталистический строй в нашей стране. Главное для них, чтобы мы были зависимыми от западного мира, подчиненными ему, служили сырьевой базой для его процветания.

После развала Советского Союза и до начала 2020-х годов в философско-педагогическом дискурсе велась дискуссия о соотношении государственного и личного патриотизма, о том, что государству и гражданскому обществу на уровне общественного сознания нужно стремиться сохранять баланс между требованиями государственного и личного патриотизма. С позиций государственного патриотизма, виднейшими представителями которого в России были государственные деятели Ярослав Мудрый, Петр I, Екатерина II, Александр III, П.А. Столыпин, многие знаменитые полководцы, ученые, писатели, патриотизм означает стремление к общим целям и интересам государства, которые являются безусловно приоритетными по отношению к любым другим, будь то интересы личности, группы людей или общества в целом. Личностный патриотизм рассматривает патриотизм в неразрывной связи с личностью, которая выступает высшей ценностью (в том числе и по отношению к обществу, не говоря уже о государстве); установку человека с позиций личностного патриотизма можно обозначить так: «Мне комфортно жить в этой стране, поэтому я буду делать все необходимое для ее процветания» [1, с. 50, 51].

В настоящее время, когда проводится специальная военная операция на Украине, когда Россия вступила в долгий период борьбы за свой государственный суверенитет, необходимость развития государственного патриотизма становится очевидной.

В последние годы изменилось отношение государства к статусу воспитания в целом и воспитания (патриотического воспитания) в высших учебных заведениях. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся»⁵ в пункте 9 изменено определение образовательной программы, она стала трактоваться как «комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты) и организационно-педагогических условий, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, оценочных и методических материалов, а также в предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях в виде рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы, форм аттестации». Если до этого Федерального закона требование разработки рабочих программ (в форме программ воспитания и социализации обучающихся)⁶ предъявлялось к образовательным организациям основного общего образования (ФГОС основного общего образования 2010 года), то теперь это требование стало действовать и для вузов. Безусловно, такая работа в вузах проводится, ее актуальность проявляется в степени конкретности и воспитательной результативности проводимых мероприятий.

⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

⁶ См.: Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». – URL: <https://base.garant.ru/178405/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

Основные пути повышения эффективности патриотического воспитания студентов вузов

Особый характер в высшем образовании патриотизм занимает в рамках формирования компетенций. В вузах в условиях реализации ФГОС ВО 3++, универсальные компетенции, пришедшие на смену общекультурным в предыдущих стандартах, стали включать в себя категории (группы) компетенций: системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов, командная работа и лидерство, коммуникация, межкультурное взаимодействие, самоорганизация и саморазвитие. Патриотизм, как неотъемлемый компонент мировоззрения студента, относится к универсальной компетенции «системное и критическое мышление». Он формируется средствами всех учебных дисциплин, в первую очередь, конечно, гуманитарных и социально-экономических.

Проблема патриотического воспитания студентов вузов является предметом научных исследований многих ученых и практиков. Она получила, в частности, научное рассмотрение на концептуальном уровне [2–4], в контексте патриотически ориентированного обучения [5], опыта организации и технологий патриотического воспитания [6; 7], в том числе путем включения в проектную деятельность [8; 9].

Как показывает анализ указанных выше источников, другой научной литературы, выделяются несколько основных путей повышения эффективности патриотического воспитания студентов вузов.

К первому пути относится качественное обновление содержания и методики преподавания учебных дисциплин в вузах, особенно гуманитарных и социально-экономических дисциплин, в плоскости патриотически ориентированного образования. Значимость этого направления обусловлена его целевой ориентацией на формирование патриотического сознания, патриотически ориентированного мировоззрения.

Особого внимания заслуживают гуманитарные и социально-экономические дисциплины, в которых широко представлены знания о российском патриотизме. Они изучаются в курсах отечественной истории (патриотическое содержание и значение исторических событий; патриотические подвиги и поступки российских граждан; патриотическое наследие великих людей России; влияние патриотизма населения на революции и реформы; др.), русского языка и культуры речи (особенности речевого взаимодействия в отечественной культуре; культура речи и патриотическое самосознание человека; примеры патриотизма российских граждан как прием активизации познавательной деятельности обучаемых в ораторском искусстве; др.), политологии (место патриотизма в политической жизни страны; патриотизм и национальная безопасность страны; роль патриотизма в политических процессах; др.), социологии (социальные группы, общности и их патриотизм в современных условиях; влияние патриотизма граждан на их социальный статус, социальные отношения в обществе; социальная сфера жизни общества и патриотизм; отношение к патриотизму в общественном мнении как институте гражданского общества; др.), культурологии (место патриотической составляющей в культурных ценностях и нормах, культурных традициях, культурной картине мира; деятельность социальных институтов культуры по развитию патриотического сознания людей; патриотизм и культурная самоидентичность гражданина; др.), философии (место патриотизма в гражданском обществе и государстве; смысл человеческого бытия и его патриотическая составляющая; патриотические ценности человека; духовно-нравственный потенциал патриотизма; др.), правоведения (нормативно-правовые акты в сфере патриотического воспитания; патриотическая позиция и гражданские правоотношения; влияние патриотизма населения на законность и правопорядок в обществе; др.).

В патриотическом воспитании студентов при изучении исторических дисциплин видное место отводится развитию исторического сознания, решению задач сохранения исторической памяти и защиты исторической правды. В 2022 и 2023 годах в России проведена огромная работа по экспертизе и переработке школьных учебников по всеобщей истории и истории России. В результате этой работы: во главу угла поставлен принцип непрерывности, единства российской истории; изъяты европоцентризм и западоцентризм; устранено очернение российской истории; объективно рассмотрены достижения России; подробно рассмотрен подвиг советского народа в Великой Отечественной войне; разработаны новые разделы учебников о специальной военной операции и новых территориях Российской Федерации⁷.

⁷ Корсаков Н. Эксперт назвал новый единый учебник истории важным шагом в осмыслении прошлого России // Газета.Ru. Новости. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/08/29/21170564.shtml> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

Представляется, что в такой содержательной коррекции нуждаются и учебники по истории для студентов вузов.

В Указе Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указывается, что защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается решением такой задачи, как «сохранение материального и нематериального культурного наследия российского народа, популяризация достижений российской науки и техники, литературы, художественной культуры, музыки и спорта, в том числе путем доработки учебных программ образовательных организаций»⁸. Данное положение предполагает, что учебники и учебные пособия по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам в вузах, в частности, по критерию отражения в содержании учебников вклада российских деятелей науки, культуры в ту или иную научную или практическую область требуют содержательного анализа и коррекции. Не секрет, в частности, что многие учебники по социологии и политологии в основном раскрывают западные теории общественного развития, наполнены глобалистской и европоцентристской идеологией, не популяризируют взгляды известных отечественных просветителей и ученых по рассматриваемым проблемам. Эти учебники преимущественно развивают теоретические положения учебника по обществознанию для общеобразовательной школы, который является, по мнению министра просвещения России С.С. Кравцова, либеральным, не содержит акценты на настоящие и непреходящие ценности общества, поэтому будет разработан новый учебник⁹.

Знания патриотической направленности в форме информации по сохранению материального и нематериального культурного наследия российского народа, популяризации достижений российской науки и техники, литературы, художественной культуры, музыки и спорта, содержатся также в психологии и педагогике, этике, эстетике и других гуманитарных дисциплинах.

Другими, не менее важными путями повышения эффективности патриотического воспитания студентов вузов являются:

- развитие в учебной и внеучебной работе со студентами их личностной патриотически ориентированной активности в социально значимых делах: волонтерское движение, выполнение общественных обязанностей в рамках студенческой группы, проведение исследований по проблемам патриотизма и др.;
- повышение количества и качества проводимых мероприятий по патриотическому воспитанию во внеучебное время, осуществление более тесной связи внеучебной воспитательной патриотической работы с содержанием изучаемых дисциплин в вузах;
- использование воспитательных возможностей организации деятельности студентов в социокультурном окружении вне рамок вуза, в городских мероприятиях, по месту жительства для более прочного усвоения полученных в вузе патриотических знаний, выработки гражданско-патриотических и нравственных ориентиров.

К актуальным вопросам патриотического воспитания относится также дальнейшее повышение его роли в воспитательном процессе вузов в целом с учетом интегративной природы, когда при решении задач патриотического воспитания одновременно решаются задачи гражданского, нравственного, экологического и других видов воспитания, когда формирование патриотизма одновременно сопровождается развитием гражданственности, нравственности, экологической ответственности студента и т.д.

В рамках гражданско-патриотического воспитания студентов первоочередной задачей выступает формирование общероссийской гражданской идентичности, на что делается упор в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в государственной национальной политике.

В условиях проведения специальной военной операции на Украине важным направлением патриотического воспитания студентов становится военно-патриотическое воспитание. Военно-патриотическое воспитание является элементом обязательной подготовки гражданина к военной службе, что закреплено в ст. 11 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹⁰ и

⁸ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

⁹ См.: В России захотели изменить некоторые учебники с учетом подходов СССР // LENTA.RU. 11 мая 2023 г. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/11/uchebnik/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (с изменениями и до-

имеет общую целевую направленность, как и для всей российской молодежи в целом: оно призвано формировать у каждого гражданина Российской Федерации: высокое патриотическое сознание, готовность к служению Отечеству и военной службе в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований и органов, уважительное отношение к российской военной истории и военной службе, стремление к сохранению и приумножению славных воинских традиций.

Примеры, когда студенты вузов проявляют героизм в ходе специальной военной операции на Украине и получают высокие государственные награды, не единичны. Так, студент факультета металлургического и машиностроительного производства Донецкого государственного технического университета старший лейтенант Алексей Хименко получил звание «Герой Российской Федерации» и был удостоен государственной награды – медали «Золотая Звезда» Героя России. Награду А. Хименко в сентябре 2023 года получил из рук Президента РФ Владимира Путина¹¹.

В плоскости организации патриотического воспитания в вузах важен акцент на деятельностном подходе, непосредственном участии студентов в волонтерской и другой социально значимой деятельности.

Актуальным в теории и практике патриотического воспитания студентов является воспитательный пример личности преподавателя, демонстрирующего образцы патриота и гражданина России, воспитывающего студентов в духе добросовестного выполнения воинского долга перед Родиной. Символическим явился факт, когда Президент России В.В. Путин вручил отличившимся на специальной военной операции военнослужащим высшие государственные награды Российской Федерации, а затем министр просвещения России С.С. Кравцов провел встречу с педагогами и наставниками, которые воспитали этих Героев России, вручил им также государственные награды¹². Практика поощрения преподавателей, внесших большой вклад в становление и формирование личности студентов – будущих Героев России, может найти применение и в вузах.

Что касается сугубо научных проблем патриотического воспитания студентов в вузах, то их в зависимости от содержания и принадлежности к уровням научного знания можно классифицировать на несколько групп: методологические; научно-педагогические; междисциплинарные; организационно-педагогические; научно-методические [10].

По научно-педагогическим вопросам патриотического воспитания назрела необходимость проблемной дифференциации научного знания. В настоящее время большинство педагогических диссертаций и учебно-методических разработок содержат в своем названии термин «патриотическое воспитание студентов вузов», дублируя друг друга по содержанию. Представляется целесообразным дифференцировать проблему на ее составные элементы по различным основаниям и более глубоко изучать их – вопросы формирования патриотических идеалов, ценностных ориентаций и позиций, установок, мировоззрения, формирования патриотических чувств, отношений, поведения студентов и т.п.

Заключение

Таким образом, в государственных нормативных правовых документах содержатся целенаправленные меры по развитию патриотического воспитания студентов вузов, основывающиеся на интерпретации патриотизма как одной из базовых традиционных духовно-нравственных российских ценностей; они актуализируются в непосредственной практической деятельности конкретных образовательных организаций. Современные проблемы теории патриотического воспитания студентов вузов из-за их многоуровневости и многоаспектности сложны, требуют дифференциации исследований по направлениям развития патриотического сознания, патриотического поведения и деятельности студентов, интеграции патриотического и гражданского воспитания студентов и др. Обоснованные в статье положения могут быть полезными как для научно-педагогических работников при проведении специальных исследований проблемы, так и для практиков при организации патриотического воспитания в вузах.

полнениями). – URL: <https://base.garant.ru/178405/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

¹¹ См.: Дон-ГТУ: Герой Российской Федерации. 19 сентября 2023 г. – URL: <https://www.dstu.education/news.php?id=3556> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

¹² См.: Кравцов встретился с учителями Героев России, отмеченными госнаградами. 24 мая 2023 г. – URL: <https://ria.ru/20230524/uchitel-1873821819.html> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.

Список литературы

1. *Быков А.К.* Социально-педагогические условия эффективного развития осознанного патриотизма у студентов вузов // Педагогическое образование и наука. – 2022. – № 5. – С. 49–53.
2. *Бухтояров Н.И., Шахова Н.М., Князева О.Н.* Патриотическое воспитание как одно из приоритетных направлений формирования личности студента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2020. – № 2. – С. 123–126.
3. *Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б., Лутовинов В.И.* Концептуальные основы патриотического воспитания учащейся молодежи. – Волгоград: ПринТерра, 2007. – 40 с.
4. *Крайник В.Л., Прищепина М.А.* К вопросу о патриотическом воспитании студентов в современном вузе // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 208–210.
5. *Беляева Н.Ф., Шепелева Е.В., Капаев М.А.* Роль краеведческих дисциплин в патриотическом и гражданском воспитании студентов педагогического вуза // Гуманитарные науки и образование. – 2019. – Т. 10, № 1 (37). – С. 19–25.
6. *Афанасов А.В.* Опыт организации патриотического воспитания студентов вуза // Образование личности. – 2019. – № 1. – С. 79–83.
7. *Сиволобова Н.А., Погребная О.С., Соина В.М.* Содержание и технологии патриотического воспитания студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 107, 108.
8. *Гарашкина Н.В., Дружинина А.А.* Включение студентов вуза в социальные проекты по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26, № 193. – С. 134–140.
9. *Березина Т.Ю., Федорова О.А.* Патриотическое воспитание студентов педагогического вуза посредством включения их в проектную деятельность // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 95–102.
10. *Быков А.К.* Проблемы патриотического воспитания // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 37–42.

References

1. *Bykov A.K.* Social’no-pedagogicheskie usloviya effektivnogo razvitiya osoznannogo patriotizma u studentov vuzov // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. – 2022. – № 5. – S. 49–53.
2. *Buhtoyarov N.I., Shahova N.M., Knyazeva O.N.* Patrioticheskoe vospitanie kak odno iz prioritetnykh napravlenij formirovaniya lichnosti studenta // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. – 2020. – № 2. – S. 123–126.
3. *Vyrshchikov A.N., Kusmarcev M.B., Lutovinov V.I.* Konceptual’nye osnovy patrioticheskogo vospitaniya uchashchejsya molodezhi. – Volgograd: PrinTerra, 2007. – 40 s.
4. *Krajnik V.L., Prishchepina M.A.* K voprosu o patrioticheskome vospitanii studentov v sovremennom vuzе // Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya. – 2019. – № 2 (75). – S. 208–210.
5. *Belyaeva N.F., Shepeleva E.V., Kapaev M.A.* Rol’ kraevedcheskih disciplin v patrioticheskome i grazhdanskom vospitanii studentov pedagogicheskogo vuzа // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. – 2019. – T. 10, № 1 (37). – S. 19–25.
6. *Afanasov A.V.* Opyt organizacii patrioticheskogo vospitaniya studentov vuzа // Obrazovanie lichnosti. – 2019. – № 1. – S. 79–83.
7. *Sivolobova N.A., Pogrebnaya O.S., Soina V.M.* Soderzhanie i tekhnologii patrioticheskogo vospitaniya studentov vuzа // Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya. – 2018. – № 6 (73). – S. 107, 108.
8. *Garashkina N.V., Druzhinina A.A.* Vkluyuchenie studentov vuzа v social’nye proekty po grazhdansko-patrioticheskome vospitaniiu detej i molodezhi // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2021. – T. 26, № 193. – S. 134–140.
9. *Berezina T.Yu., Fedorova O.A.* Patrioticheskoe vospitanie studentov pedagogicheskogo vuzа posredstvom vkluyucheniya ih v proektnuyu deyatel’nost’ // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. – 2021. – T. 15, № 1. – S. 95–102.
10. *Bykov A.K.* Problemy patrioticheskogo vospitaniya // Pedagogika. – 2006. – № 2. – S. 37–42.

УДК 372.881.111.1

ДИАЛОГ КАК ФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕПРОФИЛЬНОМ ВУЗЕ

Екимова Наталья Викторовна¹,

канд. филол. наук,

e-mail: na2ta4ly@rambler.ru,

¹Российская открытая академия транспорта (Российский университет транспорта (РУТ МИИТ)),
г. Москва, Россия

Статья посвящена специфике применения диалога как формы обучения иностранному языку студентов технических вузов. Актуальность статьи определяется острой необходимостью выработки эффективных подходов к обучению иностранному языку студентов технических специальностей с целью развития у обучающихся компетенции письменного и устного общения на иностранном языке в профессиональной сфере. В настоящее время уровень «читаю и перевожу со словарём» уже не может считаться самостоятельной дидактической задачей, традиционно бывшей центральной в подготовке инженеров с учётом насыщенности технических текстов профессиональной терминологией, что диктует выработку уже не просто новых подходов, но и дидактических ценностей. Научная значимость работы заключается в обосновании необходимости активного включения диалоговых форм в обучение инженеров на основе анализа и обобщения педагогического опыта, как локального авторского, так и изложенного в ряде рассмотренных научных публикаций. В качестве преимущества применения диалоговой техники в языковом обучении выдвигается субъектность обучения студента иностранному языку в противовес его объектности при иных подходах, когда студент остается пассивным реципиентом информации, получаемой в готовом виде. Осмысление использования диалога как метода обучения иностранному языку проводится применительно к конкретным особенностям направлений подготовки, что обуславливает практическую значимость исследования, заключающуюся в возможности применения представленного задания в практике преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: иностранный язык, лингвистический профиль, учебный диалог, специальная терминология, субъектность обучения студента

DIALOGUE AS A FORM OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A NON-CORE UNIVERSITY

Yekimova N.V.¹,

candidate of philological sciences,

e-mail: na2ta4ly@rambler.ru,

¹Lecturer at the Department of Professional Communications Russian Open Transport Academy
("Russian University of Transport" (RUT MIIT)), Moscow, Russia

The article is devoted to the specifics of using dialogue as a form of teaching a foreign language to students of technical universities. The relevance of the article is determined by the urgent need to develop effective approaches to teaching a foreign language to students of technical specialties in order to develop students' competence in written and oral communication in a foreign language in the professional field. Currently, the level of "reading and translating with a dictionary" can no longer be considered an independent didactic task, which has traditionally been central in the training of engineers, taking into account the saturation of technical texts with professional terminology, which dictates the development of not only new approaches, but also didactic values. The scientific significance of the work lies in the justification of the need to actively include dialog forms in the training of engineers based on the analysis and generalization of pedagogical experience, both local author's and presented in a number of reviewed scientific publications. As an advantage of using dialogue techniques

in language teaching, the subjectivity of teaching a student a foreign language is put forward as opposed to its objectivity as it is in other approaches, when the student remains a passive recipient of information received in a ready-made form. The understanding of the use of dialogue as a method of teaching a foreign language is carried out in relation to the specific features of the areas of training, which determines the practical significance of the study, which consists in the possibility of applying the presented task in the practice of teaching a foreign language.

Keywords: foreign language, non-linguistic profile, educational dialogue, special terminology, subjectivity of student learning

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-48-53

Введение

Потребность интеграции отечественных высших учебных заведений в международную образовательную структуру диктует необходимость эффективной подготовки будущих специалистов к действенным коммуникациям на иностранном языке (прежде всего, английском), что, в свою очередь, обуславливает особую важность модернизации системы преподавания иностранных языков в вузах нелингвистического профиля.

Сложившаяся за десятилетия практика обучения иностранному языку в неязыковых вузах имела главной целью развитие у студентов навыка чтения и понимания специальных текстов (технических, экономических, юридических, медицинских и т.д.) с целью извлечения из них практической информации для применения ее в профессиональной деятельности. Для достижения данной цели на занятиях иностранным языком в технических вузах применялись такие способы преподавания, как чтение и перевод специальных текстов, сопровождаемый разбором основных грамматических явлений языка и заучиванием специальных терминов. Надежно обеспечивая достижение таких целей, как углубление лексико-грамматических навыков и умений обучающихся, данный способ преподавания иностранного языка остается востребованным среди преподавателей неязыковых вузов.

Сегодня с задачей перевода технического текста справляются машинные переводчики и, хотя точность машинных переводов во многих случаях оставляет желать лучшего, стремительное развитие цифровых технологий и ИИ позволяет надеяться на скорое повышение их качества. Следовательно, потребность в том, чтобы молодой специалист, выходя из вуза, обладал достаточно развитым навыком чтения и перевода специального иноязычного текста, уже сократилась и, возможно, будет сокращаться далее.

Действительность ставит перед вузом другие задачи: сегодня выпускник должен обладать компетенцией письменного и устного общения на иностранном языке в профессиональной сфере, то есть умением вести диалог на профессиональные темы. Тем не менее, на протяжении значительного периода времени даже с учетом внедрения современных средств информатизации преподавания, позволивших расширить набор инструментов обучения иностранным языкам, данная задача решается лишь частично, ощутимого прорыва в улучшении качества профессионального общения на неродном языке не происходит.

Одним из способов решения задачи обучения будущих специалистов устной коммуникации на профессиональные темы представляется более широкое внедрение диалога в практику обучения иностранному языку.

В статье рассматриваются возможности, которые внедрение диалога как формы обучения иностранному языку дает для усвоения специальной терминологии, относящейся к будущей профессиональной деятельности обучающихся, и развитию навыков ее использования.

Объектом исследования является целевой образовательный процесс (преподавание и обучение иностранному языку) в непрофильном (неязыковом) вузе. Предмет исследования – применение диалогичных форм и средств преподавания, направленных на специальное изучение профессиональной терминологии.

1. Мотивировка диалогового подхода к обучению иностранному языку

Причина недостаточного качества обучения иностранному языку в неязыковых вузах может состоять в том, что результат освоения языка ориентирован, в большинстве случаев, на запоминание готовой стандартизированной информации, без учета активных методов ее сбора, обработки и воспроизведения. Так, в вузах разных специальностей студентам первого курса предлагается устная тема “About myself”, которая обычно представляет собой либо набор вопросов с прилагаемыми шаблонами ответов, либо и вовсе готовый текст, примерами которых изобилует сеть Интернет. Устная тема для второго курса обычно связана с профессией и предполагает, казалось бы, более творческий подход, однако на деле работа над ней сводится к заучиванию текстов о профессии, скачанных из сети Интернет или предложенных преподавателем.

По справедливому замечанию ряда специалистов (ученых и практиков), вся система преподавания иностранных языков студентам нелингвистического профиля направлена на заучивание, запоминание, формирование и тренировку памяти студентов без учета личностного и творческого подходов.

При этом специалисты филологического и педагогического направлений отмечают, что важным прорывом в преодолении данной проблемы может стать введение в систему преподавания иностранного языка диалогизированной формы построения практических занятий.

М.В. Аксенова, Д.А. Кузьминова отмечают, что диалог между преподавателем и обучающимися способен ускорить как процесс формирования навыков иноязычной устной речи у последних, так и усвоение ими профессиональных терминов на изучаемом языке [1].

Ю.И. Апарина раскрывает значительные возможности использования когнитивного диалога для преподавания иностранного языка студентам с различными умственными и интеллектуальными способностями. При этом диалог нужно строить на базе ознакомления с темами и содержанием диалоговых текстов путем их прочтения и осознанием их смысловой нагрузки [2].

Д.И. Боксеров, раскрывая возможности диалогового общения как инструмента обучения иностранному языку студентов нелингвистического профиля, подчеркивает необходимость сочетания творческих и активных начал с ролевой постановкой диалога [3].

Л.В. Гукина, Л.В. Личная, исследуя особенности преподавания иностранного языка студентам медицинского профиля, наряду с важностью заучивания профессионально-трудовых терминов, отмечают необходимость становления навыков разговорной речи путем применения инструментов диалога между обучающимися [4].

Л.М. Гурбанова связывает эффективность обучения в диалогической форме иностранному языку студентов неязыковых вузов с развитием творческих начал в преподавании [5].

Л.А. Наградова отмечает [6], что диалогическая речь значительно менее развернута, чем монологическая, поскольку в условиях естественного общения она восполняется общностью ситуации, совместным опытом говорящих. Эти обстоятельства усугубляют трудности понимания собеседника в процессе диалога на иностранном языке. Однако в процессе понимания диалогической речи присутствуют и облегчающие факторы: предсказуемость реакций на основе знания собеседника и общности ситуации, возможность опереться в процессе понимания на мимику и артикуляцию партнера, на типичные для диалога повторы. Диалогическое речевое действие осуществляется в условиях общей для всех участников речевой ситуации.

Иностранные специалисты также видят взаимосвязь эффективности освоения иностранных языков с внедрением новейших разработок в педагогике (включая элементы обучения практическому диалогу) [7–9].

S. Finney, указывая на важность обучения диалогическому общению в процессе преподавания иностранных языков, показывает взаимосвязь внешнего взаимодействия, академического курса и эффективности усвоения с последующим практическим применением. При этом достижение позитивного результата обучения ставится данным ученым в прямую зависимость от творческой активности студентов [7].

Группа иностранных ученых показывает достижения современных информационных технологий при обучении студентов турецкому языку путем развития навыков общения обучающегося с ком-

пьютером через приложение Zoom с целью отработки навыков разговорной речи и умений установления продуктивного диалога [9].

Учитывая все вышеназванные научные разработки, можно прийти к выводу, что важнейшими элементами построения диалога на занятиях в преподавании иностранного языка студентам нелингвистического профиля являются творческий подход к формированию средств обучения, активность обучающихся и первичная подготовка (освоение, запоминание) необходимых терминов.

Действующие технологии преподавания иностранной речи студентам нелингвистического профиля предполагают применение средств обучения, базирующихся на конструировании знаний, навыков и умений диалогического общения, мотивации и усиления разносторонности общения преподавателя со студентами и взаимодействия между студентами.

2. Методика обучения иностранному языку на основе диалогической формы с применением профессиональной терминологии

Развитие навыков разговорной речи с учетом профиля выпускника должно идти самостоятельно, обязательно содержать соревновательный момент, но происходить подконтрольно. При этом диалогичная форма реализуется по принципу последовательного интенсивного включения новых профессиональных терминов и проецируется на обеспечение субъектности обучения студента иностранному языку в противовес его объектности.

Так, для работы над устной темой “My future profession” второго курса технических направлений подготовки можно провести деловую игру на тему “Job interview”. Для этого обучающихся следует разделить на мини-группы по 3–4 человека, где двое или трое играют роли интервьюеров (*interviewer*), задающих вопросы об опыте работы претендента (*applicant*), специальные технические вопросы, касающиеся его профессиональных навыков, и о складе личности претендента. Студент, играющий роль претендента, должен не только отвечать на вопросы интервьюеров, но и задавать свои, касающиеся условий работы, зарплаты, социального пакета, коллектива и так далее. В каждую мини-группу рекомендуется включить одного студента, имеющего более высокие навыки освоения иностранного языка.

В качестве стартового материала обучающимся нужно предложить несколько стандартных диалогов между менеджером по подбору персонала (*HR manager*) и специалистом, пришедшим наниматься в компанию (*applicant*), с целью выбрать из них темы вопросов и лексико-грамматический материал для построения собственных ответов, который студенты должны будут обогатить терминологией своей профессиональной тематики. Для этого преподаватель должен снабдить их предварительно сформированным раздаточным материалом, содержащим основные термины по специальности. В качестве альтернативного варианта поиска фактической информации наиболее подготовленным и мотивированным группам участников ролевой игры можно рекомендовать поиск с использованием информационных технологий по их выбору.

В качестве начальных фраз диалога в процессе ролевой игры можно использовать те, которые позволят установить круг интересов будущего специалиста и будут наименее сложными для восприятия студентами неязыкового вуза. Например, “What do you study?” или “What technical subjects are you studying at University this year?” («Чему Вы обучаетесь?») или «Какие технические дисциплины Вы изучаете в вузе в этом году?»). Вопрос может содержать и подсказку для ответа, например, “What are you studying, are you studying IT?” («Что Вы изучаете, Вы изучаете информатику?»).

Безусловно, предварительный сбор терминов в области специализации студента позволит ему более интересно раскрыть собственный потенциал в диалоге на семинарском (практическом) занятии.

Например, на вопрос о специализации студент информационного профиля может дать развернутый ответ, содержащий специальную терминологию (например, “I’m studying programming. I’m really interested in the use of computers in transport sphere and ways of speeding work there”. – «Я обучаюсь программированию. Меня интересует применение компьютеров в транспортной сфере с целью ускорения рабочих процессов»).

Пример развернутого ответа для студента инженерного профиля: “I’m studying engineering, and I want to use my degree to design and build innovative products” («Я учусь на инженера, хочу использовать полученные знания для разработки и внедрения инновационных продуктов»).

Заключение

В статье проводится осмысление использования диалога как метода обучения иностранному языку студентов непрофильного (технического) вуза применительно к конкретным потребностям и особенностям направлений подготовки. В качестве преимущества применения диалоговой техники в языковом обучении выдвигается субъектность обучения студента иностранному языку в противовес его объектности при иных подходах, когда студент остается пассивным реципиентом информации, получаемой в готовом виде. В статье содержится пример ролевой игры для студентов второго курса, основанной на диалоге, которую можно использовать на занятиях иностранным языком в неязыковом вузе для повышения эффективности изучения иностранного языка путем более качественного усвоения студентами лингвистического профиля специальной лексики на иностранном языке, что повышает их навыки коммуникации в профессиональной сфере.

Результаты и выводы данного исследования могут быть использованы педагогами для организации занятий по иностранному языку в неязыковом вузе с целью подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Аксенова М.В., Кузьминова Д.А. Диалог и диалогическое обучение в современном преподавании иностранного языка // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2023. – С. 143–146.
2. Апарина Ю.И. Качественно-функциональные характеристики когнитивного диалога на уроках иностранного языка при работе в условиях инклюзивного обучения // Мир образования – образование в мире. – 2022. – № 1 (85). – С. 114–120.
3. Боксеров Д.И. Эффективность применения ролевой игры в обучении диалогу в процессе изучения иностранного языка // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века: материалы XI Международной научно-практической конференции, Пятигорск, 26 февраля 2021 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2021. – С. 27–32.
4. Гукина Л.В., Личная Л.В. Умение вести диалог: формирование разговорных навыков при обучении будущих врачей иностранному языку // Современный мир, природа и человек: статья в сборнике трудов конференции, Кемерово, 05–06 октября 2022 года. – Кемерово: Кемеровский государственный медицинский университет, 2022. – С. 142–151.
5. Гурбанова Л.М. Диалог и творческое мышление в теории и практике обучения иностранному языку // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. – Москва: МИД РФ, 2021. – Выпуск IV. – С. 227–230.
6. Наградова Л.А. Роль и место диалога в обучении иностранному языку в техническом вузе // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: сборник научных статей. – Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2021. – Выпуск 15. – С. 45–50.
7. Finney S. Fostering Intellectual Investment and Foreign Language Learning Through Role-Immersion Pedagogy // L2 Journal: An Electronic Refereed Journal for Foreign and Second Language Educators. – 2019. – No. 11 (2). – URL: <https://escholarship.org/uc/item/4g35c2m4> (access date: 25.03.2024). – Text: electronic.
8. Geibel W. Cultural Learning in Foreign Language Courses: An Investigation into How College Students Make Meaning of Cultural Information in the Classroom // InterActions: UCLA Journal of Education and Information Studies. – 2023. – No. 18 (1). – URL: <https://escholarship.org/uc/item/2q82d1tf> (access date: 25.03.2024). – Text: electronic.

9. Rose M.C., Brooks P.J., Lodhi A.K. & Cortez A. Retrieval Practice Promotes Learning of Turkish as a Foreign Language: A Computer-Assisted Language Learning Study // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. – 2022. – No. 44. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/8ht3f1ff> (access date: 25.03.2024). – Text: electronic.

References

1. Aksenova M.V., Kuz'minova D.A. Dialog i dialogicheskoe obuchenie v sovremennom prepodavanii inostrannogo yazyka // Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Koz'my Minina, 2023. – S. 143–146.
2. Aparina Yu.I. Kachestvenno-funkcional'nye harakteristiki kognitivnogo dialoga na urokah inostrannogo yazyka pri rabote v usloviyah inklyuzivnogo obucheniya // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. – 2022. – № 1 (85). – S. 114–120.
3. Bokserov D.I. Effektivnost' primeneniya rolevoj igry v obuchenii dialogu v processe izucheniya inostrannogo yazyka // Nauchnye issledovaniya v sfere gumanitarnykh nauk: otkrytiya XXI veka: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Pyatigorsk, 26 fevralya 2021 goda. – Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet, 2021. – S. 27–32.
4. Gukina L.V., Lichnaya L.V. Umenie vesti dialog: formirovanie razgovornykh navykov pri obuchenii budushchih vrachej inostrannomu yazyku // Sovremennyy mir, priroda i chelovek: stat'ya v sbornike trudov konferencii, Kemerovo, 05–06 oktyabrya 2022 goda. – Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2022. – S. 142–151.
5. Gurbanova L.M. Dialog i tvorcheskoe myshlenie v teorii i praktike obucheniya inostrannomu yazyku // Novyy mir. Novyy yazyk. Novoe myshlenie.– Moskva: MID RF, 2021. – Vypusk IV. – S. 227–230.
6. Nagradova L.A. Rol' i mesto dialoga v obuchenii inostrannomu yazyku v tekhnicheskome vuze // Inostrannyye yazyki: teoriya i praktika. Literaturovedenie: sbornik nauchnykh statej. – Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj politekhnicheskij universitet, 2021. – Vypusk 15. – S. 45–50.
7. Finney S. Fostering Intellectual Investment and Foreign Language Learning Through Role-Immersion Pedagogy // L2 Journal: An Electronic Refereed Journal for Foreign and Second Language Educators. – 2019. – No. 11 (2). – URL: <https://escholarship.org/uc/item/4g35c2m4> (access date: 25.03.2024). – Text: electronic.
8. Geibel W. Cultural Learning in Foreign Language Courses: An Investigation into How College Students Make Meaning of Cultural Information in the Classroom // InterActions: UCLA Journal of Education and Information Studies. – 2023. – No. 18 (1). – URL: <https://escholarship.org/uc/item/2q82d1tf> (access date: 25.03.2024). – Text: electronic.
9. Rose M.C., Brooks P.J., Lodhi A.K. & Cortez A. Retrieval Practice Promotes Learning of Turkish as a Foreign Language: A Computer-Assisted Language Learning Study // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. – 2022. – No. 44. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/8ht3f1ff> (access date: 25.03.2024). – Text: electronic.

УДК 159.922.4+37.035

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY FORMATION IN M. ŞERIF AND D. CAMPBELL'S RESEARCH

Zakiryanova I.A.¹,

*candidate of pedagogical sciences, associate professor,
e-mail: ariddsev@yandex.ru,*

¹*Admiral Nakhimov Higher Naval School, Sevastopol, Russia*

The study of issues of theoretical perception of ethnocultural identity problems contributes to the effective solution of harmonious intercultural interaction formation in a multiethnic society. The article examines the socio-psychological aspects of young people's ethnocultural identity development from the perspective of M. Sherif and D. Campbell's research, representatives of the behaviorist direction. The applied study concept provides focusing on behavioral models of human life, since ethnocultural identity is realized in social actions. Based on the results of the study, the conclusion is formulated that the use of technological techniques implemented in the educational process and cultural and leisure activities aimed at maintaining the culture and traditions of an ethnic group makes it possible to update such areas of young people's mental life as cognitive, affective and behavioral. These areas activation is fundamental for young people's ethnocultural identity formation. The studied views and assessments of ethnocultural identity are qualified on their qualitative reasons by means of the conceptual analysis method. Based on the synthesis of the considered particular concepts, elements of the general concept of building harmonious intercultural interaction in a multi-ethnic society are highlighted.

Keywords: M. Şerif, D. Campbell, socio-psychological aspects, ethnocultural identity, behavioristic direction, intercultural interaction, ethnic community

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. ШЕРИФА И Д. КЭМПБЕЛЛА

Закирьянова Ирина Аксановна¹,

*канд. пед. наук, доцент,
e-mail: ariddsev@yandex.ru,*

¹*Черноморское высшее военно-морское орденов Нахимова и Красной Звезды училище
имени П.С. Нахимова, г. Севастополь, Россия*

Изучение вопросов теоретического осмысления проблем этнокультурной идентичности способствует эффективному решению проблем построения гармоничного межкультурного взаимодействия в полиэтничном обществе. В статье исследуются социально-психологические аспекты формирования этнокультурной идентичности молодых людей с позиций исследований М. Шерифа и Д. Кэмпбелла – представителей бихевиористского направления. Применяемая концепция исследований позволяет фокусировать внимание на поведенческих моделях жизни человека, поскольку этнокультурная идентичность реализуется в социальных действиях. По результатам исследования формулируется вывод, что использование технологических приемов, реализуемых в образовательном процессе и культурно-досуговых мероприятиях, направленных на поддержание культуры и традиций этноса, позволяет актуализировать такие области психической жизни молодых людей, как когнитивную, аффективную и поведенческую. Активация указанных областей имеет основополагающее значение для формирования этнокультурной идентичности молодых людей. С применением метода концептуального анализа осуществляется квалификация исследуемых взглядов и оценок этнокультурной идентичности по их качественным основаниям. На основе синтеза рассмотренных

частных концепций выделены элементы общей концепции построения гармоничного межкультурного взаимодействия в полиэтничном обществе.

Ключевые слова: М. Шериф, Д. Кэмпбелл, социально-психологический аспект, этнокультурная идентичность, бихевиористское направление, межкультурное взаимодействие, этническая общность

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-54-62

Introduction

The problem of effective intercultural interaction construction in a multi-ethnic society leads to the need to rethink radically and understand the specifics of each nation mentality, to directly address not only socio-economic issues, but also to study issues on the theoretical understanding of the ethnocultural identity problem. Belonging to an ethnic community nowadays plays a crucial role in cross-cultural contacts. The ethnic community as the most stable among all sociocultural groups is the most reliable group for a person which provides him / her with the necessary degree of security and protection. Moreover, the ethnocultural identity which is based on the time-tested values, ideals, life meanings of the ethnic community, on the rules and norms governing behavior as well gives a person the opportunity to build a harmonious relationship with the surrounding world.

Methodological and Theoretical Basis

One of the characteristic features of the modern multicultural world – the intensification of intercultural contacts – inevitably actualizes the problem of ethnocultural identity. Various aspects of the ethnocultural identity phenomenon are reflected in the works of both domestic authors (V.S. Ageev, T.G. Stefanenko, G.M. Andreeva, N.L. Ivanova, A.G. Mikhailova, and others), and foreign researchers (A.S. Altugan, S. Ye, T. KinNg, Y. Liu, D. Vrontis, M. Visser, P. Stokes, S. Smith, N. Moore, A. Thrassou, A. Ashta, D. Kranz, A. Goedderz, C. Ward, Ág. Szabó, S.J. Schwartz, A. Mecad, M.L. Stanley, M.K. Taylor, E.J. Marsh, and others).

The study of ethnocultural identity phenomenon is closely related to the issue of its formation, so it involves combining psychological researches with the pedagogical quest for possible ways of ethnocultural identity formation, with the design of the most effective forms of the educational process that contribute to young people's ethnocultural identity formation. Various aspects of the ethnocultural identity phenomenon are reflected in the works of both domestic and foreign authors. The scientific research of ethnocultural identity foundations development was carried out by V.S. Ageev [1], G.M. Andreeva [2], N.L. Ivanova [3] and others.

One of the characteristic features of the modern multicultural world – the intensification of intercultural contacts – inevitably actualizes the problem of ethnocultural identity. A.G. Mikhaylova [4] considers emotional-affective aspects of ethnocultural identity, namely: the readiness to overcome the emotional barriers of intercultural interaction, communication, psychological prerequisites for the emergence of the considered readiness. A.S. Altugan [5], D. Kranz, A. Goedderz [6], M.L. Stanley, M.K. Taylor, E.J. Marsh [7] focus on the fact that ethnocultural identity formation is a long complicated process and is gradually developed in social surroundings. Cultural backgrounds of learners are significant because ethnic, racial, linguistic, social, religious or economic differences can cause cultural disconnection leading corruption of motivation to learning [8]. In our opinion, questions on creating motivation to learning, and the relationship between learning and cultural identity are very important. But no less important are the questions of techniques that promote the harmonious coexistence of people of different ethnic groups [9]. That is why teachers should be aware of the cultural identities of the students and should be able to designate their learning characteristics and motivation enhancing not only students' motivation to learning but their ability to build effective relationships and interactions in a multi-ethnic community.

Ethnocultural identity as part of social identity together with acculturative stress, and their interaction effects as predictors of psychosocial functioning among university students is the subject of C. Ward, Á. Szabó, S.J. Schwartz, A. Mecad's [10] thorough examination.

L. Yipeng, D. Vrontis, M. Visser, P. Stokes, S. Smith, N. Moore, A. Thrassou, A. Ashta [11] consider bi-cultural talent in relation to human resource management (HRM) practices in cross-cultural merger and acquisitions (M&A). S. Ye and T. KinNg's research is dedicated to studying of the influence of cross-cultural contacts on ethnocultural identity formation.

In this regard, the study of ethnocultural identity in the context of behavioristic approach that focuses on the behavioral patterns of human life (John Watson, B. Skinner, E. Thorndike, E. Bernays, A. Staats, B. Bloom, M. Şerif, D. Campbell, etc.) [12] is of undoubted interest since ethnocultural identity is realized in social actions and interactions.

Among the scientists of this field, first of all we should mention M. Şerif [12] since it was his research on the problem of intergroup conflict that served as a kind of impetus for studying the problem of ethnocultural identity as an integral part of social identity. It should be noted that M. Şerif and D. Campbell were the first representatives of the behavioristic direction who came close to the study of ethnocultural identity problem within the framework of behaviorism [12; 13].

The purpose of this study is to consider the ethnocultural identity problem from the point of view of the behaviorism theory – a psychological theory that focuses on the situational and behavioral patterns of human life, since ethnocultural identity is realized in social actions and interactions.

As an essential remark, it should be noted: according to the direction in American psychology – behaviorism, it was proclaimed that the subject of science can only be what is available to external observation, namely: the facts of behavior. The existence of consciousness has not been denied or questioned, but it has been argued that it cannot serve as a subject of psychology. In other words, the subject of psychology in behaviorism is not the person's subjective world, but the objectively fixed characteristics of behavior caused by external influences.

Proponents of the behavioristic approach considered psychological discomfort as a consequence of improper behavior. If a person does not know how to behave adequately to the current life situations, is not able to solve emerging problems, is not able to build relationships with other people, then he must be taught to behave correctly, that is, to solve the problem underlying psychological discomfort – a behavioral problem.

As for this study, it should be noted that the content of ethnocultural identity is a system of values, ideals (the ethnic community strives to achieve them), as well as a set of norms and rules inherent in the culture of the ethnic community, on which people's real behavior in various specific situations is based. Therefore, the level of a person's ethnocultural identity formation depends on one's own ability to master the ways of external implementation of intrapersonal readiness, based on a system of values, norms, rules and life meanings, to build one's own life activity and effective intercultural interaction in accordance with the way of life and rules of constructing relationships accepted in the ethnic community.

In the context of the multi-ethnic society issues studies have mainly aimed at the detailed processes, patterns, and causes of land rental in multi-ethnic societies (X. Hua, et al., 2020) [14], hate crimes against racial/ethnic minorities (W. Han, 2024) [15], investigation of the consequences of misrecognition for group relations (F. Özdemir, et al., 2024) [16], ethnocultural “identities”—such as ethnic identity or national identity (S.M. Karim, 2023) [17], problem how people who reside in an ethnically diverse community use and engage with urban greenspaces (E. J. Cook, et al., 2024) [18], variations among residentially relocating parents in the multi-ethnic region (E.B. Lunke, 2023) [19], worldwide inter-ethnic conflicts in the field of tourism (H.F.F. Keng, 2024) [20], ethnic minorities' income equality (K. Ma, He Zhang, 2023) [21]. Therefore, little is known about the socio-psychological aspects of ethnocultural identity formation in terms of M. Şerif and D. Campbell's researches – representatives of the behavioristic direction.

Results and Discussion

According to the behavioristic approach, ethnocultural identity is considered from the point of group membership view, as a person's awareness of belonging to one's own community. M. Şerif's research which focuses on the actual problem of intergroup conflict. According to M. Şerif, the formation of ethnocultural identity is the result, the consequence of real intergroup relations [12]. The comparison of M. Şerif and D. Campbell's concepts is presented in table 1.

Table 1 – The comparison of M. Şerif and D. Campbell’s concepts

M. Şerif’s concept	D. Campbell’s concept
Identifying common ideas	
The actual problem of intergroup conflict are one of an objectively existing conflict of interests for real advantages	He considers ethnocultural identity as one of the possible consequences of intergroup conflict
The main thing is to determine variables that lead to increasing in inter-group confrontation, and can weaken it.	The role of the situation in the development of intergroup processes is essential
He defines the process of ethnocultural identity formation as a possible consequence of intergroup interaction	Ethnocultural identity development is a deeper awareness of the members of the ethnic community of their group identity
Determining fundamentally different points of view	
The situation affects the identification of a person with a group, and in cases of intergroup competition, the identification process becomes more intense. Ethnocultural identity acts as a subject of intergroup interaction.	The relationship of competition, which is accompanied by the anticipation of a real possible danger, is based on a real conflict of interest between groups, regardless of the time of its occurrence (yesterday, today, tomorrow).
A person included in certain intergroup relations accepts a specific group membership and acts in accordance with the rules and norms of this group, and, in his/her behavior, not personal, but social factors begin to prevail.	He determines the hostility of the group individual representatives to the threat source, the strengthening of intragroup cohesion and of a person’s awareness of one’s own group membership

The children who participated in the experiment conducted by M. Şerif in an American camp for teenagers in 1954, under the external factors influence, were forced to determine the social environment and name the circle of people to which they belong. The main criteria for determining one’s identity are group goals and norms of behavior, recognition of oneself as members of the particular group, which undoubtedly increases the level of intragroup solidarity in conflict interaction [2].

The main thing for M. Şerif is to determine those variables that lead to increasing in inter-group confrontation, and those that can weaken it. According to the data of the scientist’s long-term research, the first variables include the ‘incompatibility’ of the two groups’ goals, that is, the inability for one of the groups to achieve any significant goal for it (various types of competitive intergroup interaction). Conversely, “the presence of common goals can reduce or eliminate previous tensions and hostility in intergroup relations” [1, p. 118]. In other words, M. Şerif defines the process of ethnocultural identity formation as a possible consequence of intergroup interaction [12].

Analyzing the problem of intergroup relations, namely: the sources of intergroup confrontation or cooperation in situations of group interaction, M. Şerif comes to the conclusion that one of the possible consequences of a real intergroup conflict is a deeper awareness of a person’s group identity [12]. On the one hand, the scientist notes the emergence of intragroup favoritism in relation to one’s own group, that is, an increase in the importance of intragroup solidarity; on the other hand, intragroup rejection, sometimes hostility towards another group.

Thus ethnocultural identity as a psychological phenomenon in this theory proponents’ studies is presented as a consequence of a person’s awareness of his/her involvement in a group, which occurs under the influence of real intergroup interactions and is externalized externally in the process of real intergroup interactions and relationships.

M. Şerif, however, does not consider the ethnocultural identity that precedes the conflict. He, as T.G. Stefanenko notes, takes into account only “a certain actual group affiliation, triggered by this conflict and built up at the moment of possible danger” [22, p. 15]. Agreeing with of T.G. Stefanenko’s opinion, we note that there are many examples in history when, in the event of a perceived threat, people further strengthened their connection with their ethnic community, with their people. The feeling of unity with others, the opportunity to feel oneself as a part of the community, certainly, contributes to the person’s exit from the state of social helplessness. However, it should also be emphasized that it is obviously common for a person to join ‘his’ or ‘her’ own community, ‘his’ or ‘her’ own team in everyday life (not only in a conflict situation), in order to maintain self-respect in intergroup interaction. Belonging to an ethnic community as the most stable and reliable social group provides a person with the necessary degree of protection and security.

It should also be noted that representatives of the behaviorism theory do not consider cases where competition is not a necessary and sufficient condition for initiating an intergroup conflict. Then the questions arise: How is the intergroup conflict initiated in these cases? Which factors in intergroup interactions are

considered external, and which are intrapersonal, related to a person's awareness of his or her own place in the social relations system? These questions reflect the logic of the development of psychological ideas regarding the problem of ethno-cultural identity, namely, the consideration of all aspects of this phenomenon: personal and social, because it is possible to externalize only what constitutes the inner essence of a person.

Analyzing the problem of ethnocultural identity in behaviorism, N.L. Ivanova [3] emphasizes that M. Şerif's research shows a desire to overcome the limitations of the psychoanalytic approach not only in the study of intergroup dynamics, but also in the understanding of ethnocultural identity. Due to the fact that psychoanalytic theory, where the main emphasis in the study of the ethno-cultural identity problem is placed on personal factors and their possible projection in social relations, and ethnocultural identity as a part of social identity occupies a secondary position in relation to personal identity, it is not able to answer the questions raised by M. Şerif and his colleagues. These questions relate to the impact of the social environment and managerial influences on the group, on the development of relations between groups, as well as on intergroup conflicts. As N. L. Ivanova notes, the representatives of the behavioristic approach have the merit of bringing the study of ethnocultural identity from the 'virtual' psychoanalytic reality to the real 'life' situation [3].

Another representative of the behavioral approach, Donald Thomas Campbell, following M. Şerif, considers ethnocultural identity as one of the possible consequences of intergroup conflict. According to D. Campbell, the conflict of interest manifests itself in a number of indicators that characterize the relationships in the group and the behavior of its members:

- hostile attitude of the group individual members towards a rival or a source of possible danger;
- level of intragroup solidarity increasing;
- ethnocultural identity development, that is, a deeper awareness of the members of the ethnic community of their group identity;
- updating the trend of the group 'border protection', that is, strengthening the impenetrability of group borders;
- increasing the importance of group norms and the tendency of group members to comply with them;
- strengthening of directive actions in relation to violators of group norms [13].

So, according to D. Campbell's theory of intergroup conflict, real conflict determines the relations of competition and the anticipation of a real threat from another group. The latter, in turn, determines the hostility of the group individual representatives to the threat source, the strengthening of intragroup cohesion and of a person's awareness of one's own group membership [14].

As we can see, according to the behavioristic approach, ethnocultural identity is considered in the light of group membership as a person's awareness of one's own involvement in a particular group, ethnic community. Representatives of this direction focus on the study of the role of the situation in the development of intergroup processes. The ethnocultural identity formation is a consequence of real intergroup relations. The presence of competition between different ethnic communities is a kind of catalyst and intensifier of ethnocultural identity. The relations of cooperation, according to the behavioristic approach, on the contrary, reduce the tendency to the identification process.

M. Şerif, D. Campbell and other scientists' research in the behavioristic direction marked the beginning of the ethnocultural identity consideration in a new light, namely, depending on the ethnosocial, ethnocultural relationships between people. Scientists see the reasons for intergroup confrontation or cooperation not in the motives of an individual person, but in situations of group interaction, without taking into account such psychological characteristics as cognitive and emotional processes that regulate various aspects of such interaction [2; 13]. We share these scientists point of view, we believe that every person is a carrier of the ethnic culture in which he/she grew up and was brought up. Ethnocultural identity is the original identity in its essence, and its formation is influenced by both the factor of intercultural interaction and the factor of intracultural socialization.

V.S. Ageev, without detracting from the merits of the scientists' research in this field, in particular, the research of M. Şerif and D. Campbell, draws attention to a very significant fact: the need to take into account ethnocultural variables in the analysis of traditional sociopsychological 'universals'. The example of the repetition of M. Şerif's experiment by another scientist – L. Diab – in Lebanon, in a summer vacation camp near Beirut (1970) clearly demonstrates this need. The experiment was stopped at the second stage. A crucial

role in this was played by a new variable due to the new sociocultural context, namely, the subjects' religious affiliation. In particular, the adolescents' aggressiveness was directed not only at another group, which was postulated by the theory of intergroup conflict, but also at members of their own, belonging to another – Christian or Muslim – religion [1, p.119]. Undoubtedly, it is necessary to take into account the sociocultural context since not all explanatory models that 'work' quite successfully in some sociocultural conditions are completely unacceptable in other ones. The real situation is usually much more complex than it is constructed in experiments [23].

Nevertheless, the behavioristic approach representatives' research opens up a perspective in understanding the ethnocultural identity phenomenon, namely its rational-emotional-behavioral aspect, which is very important for building a system of effective relationships and interactions both inside and outside of the ethnic community – in various cross-cultural contacts. To some extent, cross-cultural interaction is the relationship of opposing ethnocultural identities. And it depends only on the participants of this social interaction whether such interaction will bring mutual understanding and spiritual enrichment while preserving the individuality of each of the participants; or there will be indifference, irritation and even aggression as a result of ethnocultural identity misunderstanding or rejection of the other, opposite, side.

Intercultural interaction is a culturally determined process, all the components of which are closely related to the participants' ethnocultural identity in the interaction process. In the process of intercultural interaction, contact is carried out both on a verbal and non-verbal level, which often creates psychological barriers to mutual understanding. Therefore, we define the following criteria necessary for effective intercultural interaction building:

- willingness to learn about a different, 'not your own', ethnic culture, taking into account its sociocultural and psychological differences;
- orientation to the 'psychology of cooperation' with representatives of other ethnic cultures;
- following the rules and norms of constructing relationships which are accepted both in one's own and in someone else's ethnic community;
- possession of communication skills and techniques complex and their adequate use in various situations of intercultural interaction;
- ability to anticipate and prevent possible mistakes in the process of intercultural interaction.

Ethnocultural identity is the most important means of effective a person's adaptation in a society characterized by unpredictability, uncertainty, instability. Therefore, more than ever before, a person needs a sense of identity, built on the ethnicity and culture of the ethnic community to which they belongs, in order to overcome the alienation inherent in society at this stage of development.

The phenomenon of ethnocultural identity consideration, closely related to the issue of its formation, involves combining psychological research with a pedagogical search for possible ways to form ethnocultural identity, the design of the most effective forms of the educational process that contribute to the formation of young people's ethnocultural identity.

In this regard, some new impetus to studying ethnocultural identity problem – from the point of view of its external manifestation – is provided by experimental studies of intergroup conflict, conducted by Muzaffer Şerif Başoğlu, Donald Thomas Campbell and other researchers.

One of the fundamental tasks in the higher schools is to educate citizens of the state who have a sense of responsibility for their behavior in terms of ethnocultural identity. The orientation towards humanistic values ensures the formation of behavior practical skills and norms for the establishment and maintenance of effective interethnic relations in a multiethnic environment. This is the most important condition for the viability of a social system.

In the process of ethnocultural identity formation, the following organizational and substantive requirements must be observed:

- work on the ethnocultural identity formation should take place in a dialogue mode, when there is an exchange of opinions, the perception of new information, its correlation with existing knowledge, reflection through the prism of other students' value judgments;
- a gradual shift of emphasis from awareness of themselves as representatives of a definite ethnic group and awareness of their ethnic culture values to an objective analysis of ethnic and cultural differences, to the ability development to interact effectively in a multicultural environment;

– creating pedagogical situations of students' interdependence when performing tasks which require combining their efforts to achieve common goals, which makes it possible in a pedagogically modeled environment to destroy stereotypes which interfere with real productive actions in interethnic communication, to test methods of resolving possible interethnic conflicts.

Such an organization of the educational process, when priority is given to the principle of partnership communication based on recognition of another person's personality value, creates pedagogical conditions when students need to find the optimal solution to problematic situations themselves in the process of intercultural interaction, promotes the development of the ability to adequately know themselves and people of other ethnocultural affiliation, mastering techniques of effective interaction with them.

This problem can be solved by means of the realization of elective course "Communication with Representatives of Foreign Cultures," which is intended to increase the level of speech culture and form the person's ethnocultural identity.

The number of hours is 34 per year, 1 hour per week. Personal and subject results of mastering the elective course should be a formation of the ethnocultural identity indicators. Implementation of the course program is aimed at the ethnoculture progress, ensuring the comprehensive person's development, in accordance with the spiritual, moral and socio-cultural values accepted in society.

Characteristic indicators of the ethnocultural identity formation are the following:

- an adequate understanding of oneself from the standpoint of their ethnocultural affiliation in the system of value orientations in a multiethnic society;
- the ability to design one's life activities and build effective intercultural interaction based on the norms and values of not only their own culture, but also other ethnocultures;
- manifestation of empathy and respect for other ethnic groups;
- the desire for cooperation;
- lack of aggression.

Conclusion

The analysis of studies of the ethnocultural identity problem in the context of the behavioristic approach allows us to draw the following conclusions.

1. Belonging to an ethnic community as the most stable and reliable social group which provides a person with the necessary degree of protection and security plays an essential role in cross-cultural interaction.

2. One of the factors of the ethnocultural identity formation is the factor of intercultural interaction in the process of real intergroup relations.

3. Ethnocultural identity is realized in social actions and interactions.

4. The level of the ethnocultural identity formation of a person depends on his or her ability to master the ways of external realization of intrapersonal readiness, based on a system of values, norms, rules and life meanings, to build his or her life activity and effective intercultural interaction in accordance with the way of life and rules of constructing relationships accepted in the ethnic community.

5. Consideration of the rational-emotional-behavioral aspects of ethnocultural identity in the context of the behavioristic approach and the identification of criteria for designing effective cross-cultural interaction, contributes to the building of effective relationships and interactions both inside and outside the ethnic community in a variety of cross-cultural contacts.

6. The behavioristic approach representatives' studies which are focused on explaining people's behavior and forming it in a positive direction, can become a necessary support for pedagogical practice on a plane of possible correction of young people's behavior in the process of their socialization in terms of ethnocultural identity.

And one last thing. M. Şerif once said: 'The purpose of my work and my whole life is to understand the nature of hostility between people and show them the way to reconciliation'. We hope that a theoretical understanding of the ethnocultural identity problem from the point of view of the behaviorism theory will make it possible to find the right solution to the problems associated with tension on interethnic grounds.

References

1. Ageev V.S. Intergroup Interaction: Socio-Psychological Problems. – Moscow: Publishing House of Moscow, 1990. – 240 p. (In Russian)
2. Andreeva G.M. Presentations of Identity in the Context of Interaction // Psychological Research. – 2012. – Vol. 5, No. 26. – DOI 10.54359/ps.v5i26.731. (In Russian)
3. Ivanova N.L. The Problem of Psychological Analysis of social Identity // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2006. – Vol. 3, No. 4. – P. 14–38. (In Russian)
4. Mikhaylova A.G. Cultural Identity as a Criterion of Multicultural Competence // Modern Science. – 2021. – No. 1-1. – P. 279–283. (In Russian)
5. Altugan A.S. The Relationship between Cultural Identity and Learning // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 186. – P. 1159–1162.
6. Kranz D., Goedderz A. Coming Home from a Stay Abroad: Associations between Young People’s Reentry Problems and Their Cultural Identity Formation // International Journal of Intercultural Relations. – 2020. – P. 115–126.
7. Stanley M.L., Taylor M.K. & Marsh E.J. Cultural Identity Changes the Accessibility of Knowledge // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. – 2021. – Vol. 10 (1). – P. 44–54. – DOI 10.1016/j.jar-mac.2020.07.008.
8. Zakiryanova I.A., Mikhaylova A.G. Ethnoculture in the System of Spiritual and Moral Education // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 7, No. 1 (25). – P. 21–29. (In Russian)
9. Zakiryanova I.A., Mikhaylova A.G. The Use of Educational Technologies for the Development of the Axiological Potential of Students (Based on the Study of the Ethnic Culture of the Crimea // Science for Education Today. – 2023. – No. 1. – P. 65–83. – DOI 10.15293/2658-6762.2301.04.
10. Ward C., Szabó A., Schwartz S.J., Meced A. Acculturative Stress and Cultural Identity Styles as Predictors of Psychosocial Functioning Hispanic Americans // International Journal of Intercultural Relations. – 2021. – Vol. 80. – P. 274–284.
11. Yipeng L., Vrontis D., Visser M., Stokes P., Smith S., Moore N., Thrassou A., Ashta A. Talent Management and the HR Function in Cross-Cultural Mergers and Acquisitions: The Role and Impact of Bi-Cultural Identity // Human Resource Management Review. – 2021. – Vol. 31, Issue 3. – P. 100744. – DOI 10.1016/j.hrmr.2020.100744.
12. Smith A. Experiments in Group Conflict (Muzafer Sherif) // Prezi. – 2017. – Vol. 195, Issue 5. – P. 84, 85. – URL: <https://prezi.com/ekp2c1cmh0ue/experiments-in-group-conflict-muzafer-sherif/> (date of application: 20.03.2024). – Text: electronic.
13. Campbell D.T., Andreeva G.M. Models of Experiments in Social Psychology and Applied Research. – Moscow: Socio-Psychological Center, 1996. – 391 p. (In Russian)
14. Hua X., Kono Ya., Zhang L., Xu E., Luo R. Land Rental in a Multi-Ethnic Society: Insights from Southwest China // Land Use Policy. – 2020. – Vol. 97. – P. 104743. – DOI 10.1016/j.landusepol.2020.104743.
15. Han W. Hate Crime in a Traditionally Homogeneous Society: Factors Associated With Fear of Hate Crime against Racial/Ethnic Minorities in South Korea // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2024. – Vol. 76. – P. 100651 – DOI 10.1016/j.ijlcrj.2024.100651.
16. Özdemir F., Doosje B., Feddes A.R., Bergen N.R., Ayanian A.H., Halabi S., Guevara Y., Kende A., Karić T., Silva C., Jong J.C. de, Pántya J., Zick A., Reicher S.D., Hopkins N. Antecedents and Consequences of Perceived Misrecognition and Perceived Discrimination in Ethnic Minorities // International Journal of Intercultural Relations. – 2024. – Vol. 99. – P. 101938. – DOI 10.1016/j.ijintrel.2024.101938.
17. Karim S.M. The Organization of Ethnocultural Attachments among Second-Generation Germans // Social Science Research. – 2024. – Vol. 118. – P. 102959. – DOI 10.1016/j.ssresearch.2023.102959.
18. Cook E.J., Kabasinguzi I., Randhawa G., Ali N. Factors Influencing Urban Greenspace Use among a Multi-Ethnic Community in the UK: The Chalkscapes Study // Urban Forestry & Urban Greening. – 2024. – Vol. 92. – P. 128210. – DOI 10.1016/j.ufug.2024.128210.
19. Lunke E.B. Accessibility in a Multi-Ethnic City: Residential Trade-Offs among First-Time Parents // Journal of Transport Geography. – 2023. – Vol. 107. – P. 103543. – DOI 10.1016/j.jtrangeo.2023.103543.

20. *Keng H.F.* An Inter-Ethnic Interpretation of Tourism Conflicts and Collaboration // *Tourism Management*. – 2024. – Vol. 103. – P. 104891. – DOI [org/10.1016/j.tourman.2024.104891](https://doi.org/10.1016/j.tourman.2024.104891).
21. *Ma K., Zhang H.* Has the Digital Economy Improved Income Inequality for Ethnic Minorities? The Case of China // *Heliyon*. – 2024. – Vol. 9, Is. 12. – P. 22831. – DOI [org/10.1016/j.heliyon.2023.e22831](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e22831).
22. *Stefanenko T.G.* Etnopsychology. – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences: “Academic Project”, 1999. – 320 p. (In Russian)
23. *Shengquan Ye, Ting KinNg.* Value Change in Response to Cultural Priming: The Role of Cultural Identity and the Impact on Subjective Well-Being // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2019. – Vol. 70. – P. 89–103.

УДК 372.881.1

**ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
СТУДЕНТОВ-НЕЛИНГВИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ****Кузнецова Екатерина Вячеславовна¹,***канд. пед. наук,**e-mail: ecatarina.kuz@gmail.com,***Маталова Светлана Валерьевна²,***канд. пед. наук,**e-mail: svetvm@mail.ru,***Смирнова Мария Вадимовна²,***e-mail: ya.natalia56@yandex.ru,*¹*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия*²*Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Россия*

Стремительно меняющаяся картина мира непосредственно отражается на образовательной сфере. Профессорско-преподавательскому составу вузов постоянно приходится решать все новые психолого-педагогические и методические задачи. Несомненно, подходы к обучению должны учитывать запросы современных студентов и адаптироваться к особенностям социально-экономической и политической реальности. На текущий момент с точки зрения методики обучения, произношение носителей английского языка уже не воспринимается как абсолютная норма и эталон для подражания. Обучая английскому как языку международного общения (лингва франка), целью формирования фонетических навыков ставится достижение внятности речи в условиях профессиональной коммуникации и способности понимать широкий диапазон акцентов. Как показывает практика, работа над совершенствованием произносительных навыков в студенческой аудитории имеет ряд особенностей. Необходимы такие тренировки, которые бы не вызывали у обучающихся дискомфорта. Актуальным трендом высшего образования сегодня становится персонализация обучения. В статье предложена авторская модель обучения произношению по индивидуальной траектории на основе метода P2P. Практическая значимость исследования усматривается в критической оценке проведенного опытного обучения, а также в возможности применения описанной технологии в практике преподавания иностранного языка в вузе.

Ключевые слова: фонетические навыки, английский язык как лингва франка, peer-to-peer teaching (P2P), обратная связь, индивидуальная образовательная траектория

**THE PRACTICE OF TEACHING ENGLISH PHONETICS TO STUDENTS
OF NON-LINGUISTIC MAJORS IN MODERN CONDITIONS****Kuznetsova E.V.¹,***candidate of pedagogical sciences,**e-mail: ecatarina.kuz@gmail.com,***Matalova S.V.²,***candidate of pedagogical sciences,**email:svetvm@mail.ru,***Smirnova M.V.²,***e-mail: ya.natalia56@yandex.ru,*¹*Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*²*Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia*

The rapidly changing world directly affects the educational sphere. The university teaching staff constantly has to solve new psychological, pedagogical and methodological issues. Undoubtedly, teaching approaches must take into account the needs of modern students and adapt to the specificities of socio-economic and political reality. Presently, from the point of view of teaching methods, the pronunciation of native English speakers is no longer perceived as an absolute norm and a standard to follow. When teaching English as a language of international communication (lingua franca), the goal of developing phonetic skills is to achieve intelligibility of speech in professional communication and the ability to understand a wide range of accents. As practice shows, working on improving pronunciation skills of university students has a number of issues. Students should not feel uncomfortable during pronunciation training. Today, personalization of the learning process is becoming a current trend in higher education. The article proposes the authors' model of teaching pronunciation based on P2P method and development of an individual trajectory. The practical significance of the study is observed in the critical analysis of the experimental training conducted, and in the possibility of using the described technique when teaching a foreign language at a university.

Keywords: phonetic skills, English as a lingua franca, peer-to-peer teaching (P2P), feedback, individual educational trajectory

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-63-71

Введение

Формирование фонетических навыков является одним из аспектов обучения иностранному языку. Е.Н. Соловова определяет произносительные (фонетические) навыки как способность правильно артикулировать звуки и соединять их в словах, словосочетаниях и предложениях¹. Н.Д. Гальскова справедливо замечает, что корректное произношение также предполагает владение интонацией, умение расставить ударение, соответствующее нормам иностранного языка [1]. Сформированный фонетический навык также предусматривает адекватное восприятие звукового образца и его ассоциацию со значением.

Для студентов вузов нелингвистических направлений подготовки сформированные фонетические навыки в составе иноязычной коммуникативной компетенции – залог эффективного межкультурного общения [2]. Будущим специалистам в области рекламы и связи с общественностью, туризма и международного менеджмента правильно сформированное произношение и способность понимать речь собеседника позволит эффективно коммуницировать в рамках профессиональной деятельности.

Ученые-исследователи и преподаватели-практики единогласно утверждают, что вне языковой среды достигнуть уровня произношения носителя языка или близкого к нему практически невозможно. Однако данному аспекту коммуникативной компетенции следует уделять должное внимание.

Справедливо наблюдение Н.В. Матвеевой, что в последние годы у студентов-первокурсников отмечается повышение качества языковых знаний в целом и произносительных навыков, тем не менее студенты допускают многочисленные как фонетические (препятствующие коммуникации), так и фонологические ошибки (изменяющие значение слова и тем самым препятствующие коммуникации) [2]. Педагогический опыт позволяет сделать вывод, что для студентов младших курсов боязнь допустить произносительную ошибку является одной из главных причин страха общения на английском языке, демотивации и пассивности в учебном процессе.

Целью обучения английскому языку бакалавров нелингвистических направлений подготовки является готовность к межкультурной коммуникации в профессиональной деятельности. Стоит отметить, что в настоящее время положение английского языка как языка международного общения остается достаточно убедительным и прочным. Несмотря на всевозможные прогнозы, английский продолжает играть важную роль во многих странах мира как язык коммерции, культуры, как технический язык и информационных технологий, круг говорящих на английском языке постоянно расширяется [3]. Реальность такова, что сейчас в большинстве ситуаций межкультурная профессиональная коммуникация происходит

¹ Соловова Е.Н. Методика обучения иностранному языку: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.

вне контекста англоязычных стран и говорящим нет необходимости использовать языковые и культурные нормы носителей английского языка. Поэтому с позиции лингводидактики правильно будет рассматривать английский язык как лингва франка (*Lingua Franca*) – универсальный язык международного общения. Следовательно, при обучении английской фонетике не стоит навязывать студентам нормативный вариант языка и произношения, внимание следует акцентировать на содержание, а не на языковую форму.

Цель и задачи исследования

Цель данной работы – обозначить современные образовательные реалии обучения фонетике английского языка студентов неязыковых направлений подготовки, сформулировать проблемы в области формирования фонетических навыков и предложить пути их решения.

Рассматривая фонетический аспект в контексте обучения английскому языку как лингва франка, необходимо выявить: 1) какие характерные черты произношения особенно важны для освоения, чтобы в условиях профессиональной деятельности речь была разборчивой и понятной, не было «разрывов» в коммуникации; 2) какие особенности английской фонетики обязательны для изучения русскоязычным студентам, чтобы избежать недоразумений и недопонимания в условиях реального профессионального общения; 3) каковы наиболее комфортные режимы работы и приемы отработки фонетических навыков, отвечающие современным условиям обучения.

В исследовательской работе применялись следующие методы: сравнительный анализ результатов обучения, обобщение собственного педагогического опыта работы, беседы с коллегами-преподавателями иностранных языков, анкетирование студентов, определение индекса CSAT.

Результаты исследования и их обсуждение

В поисках ответа на вопрос: какие особенности произношения являются наиболее важными для эффективной коммуникации в условиях международной профессиональной деятельности независимо от родного языка говорящего, мы обратились к исследованию Дж. Дженкинса о «ядре лингва франка» (*Lingua Franca Core*). Определяя совокупность обязательных (главных, основных) единиц, соблюдение которых является условием обеспечения непрерывной коммуникации на английском языке, исследователь выделяет четыре компонента, а именно: согласные звуки, позиционные изменения согласных, долгота гласных и фразовое ударение [4].

Взяв за основу ядро лингва франка, ученые А.Н. Колесникова, И.Р. Амиров разработали тематический план практической фонетики для обучения английскому языку студентов первого курса неязыкового бакалавриата, тем самым конкретизировав обязательные моменты для изучения русскоязычным обучающимся [5]. Работа строится согласно плану таким образом, что студенты системно совершенствуют произносительные навыки с учетом плюрицентричности английского языка, преодолевая типичные трудности, с которыми сталкиваются русскоязычные обучающиеся, что позволяет достигнуть необходимого и достаточного уровня сформированности произносительных навыков для осуществления общения в международном контексте с представителями различных лингвокультур. Важным аспектом является изучение особенностей русскоязычного акцента в английском языке (характерных черт произношения, снижающих разборчивость речи и осложняющих ее восприятие на слух). Несмотря на то, что исследуемая проблематика крайне актуальна, авторы справедливо замечают отсутствие ее практического отражения в программах и пособиях по английскому языку для неязыковых направлений подготовки.

Изучая вопрос необходимых условий и наиболее эффективных приемов обучения произношению на современном этапе, рассмотрим, как организована работа по формированию фонетических навыков в Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород) на нелингвистических направлениях подготовки.

Несколько лет назад в НГЛУ имени Н.А. Добролюбова вводно-корректирующий фонетический курс (120 аудиторных часов) был неотъемлемой частью программы «Иностранный язык» первого года

обучения любого направления подготовки. Задачей данного курса являлось совершенствование и автоматизация слухопроизносительных навыков, постановка британского RP (*received pronunciation*) или американского произношения. Следует отметить, что продуктивность обучения фонетическому аспекту обеспечивалась не только количеством аудиторных часов, тщательно подобранных практических упражнений, но и включением в курс хорошо структурированной теоретической базы. Далее, в течение всего первого года особое внимание уделялось именно этому языковому аспекту, что значительно облегчало дальнейший процесс обучения и аудиторное общение на английском языке в целом.

В настоящее время рабочие программы дисциплин «Иностранный язык» на неязыковых направлениях подготовки не предусматривают отдельного фонетического курса. На преодоление возникающих слухо-произносительных трудностей направлен сопроводительный курс фонетики, а именно фонетические разминки и упражнения, предлагаемые преподавателем на аудиторных занятиях. Безусловно, преподаватели владеют множеством методических приемов и техник начиная от проговаривания рифмовок и заканчивая озвучиванием фильмов и работой с интернет-ресурсами. Для выработки фонематического слуха студентов знакомят с британским и американским, австралийским, канадским, новозеландским, индийским, и т.д. вариантами произношения. Однако, как показывает педагогическая практика, беседы с преподавателями и результаты опросов обучающихся, несмотря на разнообразие заданий и интерактивных форм, студенты неохотно включаются в аудиторную работу над произношением. Стеснительность, а также уже сформированное и закрепившееся «школьное» произношение становятся основными препятствиями на пути к овладению фонетическим навыком в вузе.

С целью определения наиболее комфортных условий работы над произношением было проведено анкетирование 110 студентов первого курса нелингвистических направлений подготовки НГЛУ имени Н.А. Добролюбова. Результаты опроса показали, что 65 % респондентов некомфортно чувствуют себя во время работы над фонетикой на аудиторных занятиях: 42 % предпочитают работать над произношением самостоятельно, 23 % в парах или малых группах и лишь 15 % студентов не испытывают дискомфорта во время групповых тренировок. Кроме того, больше половины опрошенных первокурсников (51 %) не ощущают реальных результатов и не видят практической пользы в работе над фонетикой на аудиторных занятиях.

Бесспорно, фонетический аспект является неотъемлемым компонентом формируемой в вузе иноязычной коммуникативной компетенции (УК-4), который нельзя игнорировать. На современном этапе преподавателям требуется особая тактика, которая бы отвечала на запросы самих обучающихся.

В контексте настоящего исследования педагогический тренд высшего образования на индивидуальные образовательные траектории приобретает практическую ценность. Под индивидуальной образовательной траекторией принято понимать: 1) образовательную программу или маршрут, имеющие конкретную цель; 2) комплекс определенных методических и дидактических подходов и средств, необходимых для развития личности, основанных на индивидуальных особенностях и характеристиках, в частности, уровне обучаемости, когнитивном психическом процессе, обученности [6]. Данная образовательная модель также предполагает кардинальное изменение ролей субъектов образовательного процесса: студент становится думающим и деятельным субъектом, наделяется широкими полномочиями, включая право на индивидуальный образовательный маршрут, в то время как преподаватель берет на себя функцию сопровождения студента, организатора и консультанта, а также фасилитатора и мотиватора учебной деятельности². Таким образом, выработка индивидуального образовательного маршрута подразумевает персональный, личностный путь осуществления и реализации потенциала каждого студента. Основным содержанием индивидуальной образовательной траектории является характер способа учебной деятельности и избирательность обучающегося к овладению учебным материалом.

Опираясь на запрос обучающихся, актуальные социально-психологические и педагогические тенденции высшего образования, предлагаем решить методическую задачу выбора наиболее комфортного режима работы и приемов отработки фонетических навыков внедрением индивидуальных маршрутов на основе метода *peer-to-peer teaching* (P2P).

² Лобанов А.П. Soft Skills для цифрового поколения: учебно-методическое пособие. – Минск: РИВШ, 2021. – 152 с.

Метод Р2Р или «взаимного обучения» [7] предполагает обучение и оценивание друг друга студентами примерно одного возраста и уровня образования [8]. Р2Р занимает значительное место на западе, однако в отечественном образовании не так широко распространен и чаще всего используется как методический прием или форма взаимодействия студентов в процессе выполнения отдельных заданий. В исследовании А.Ю. Курышевой метод Р2Р-обучения изучается в историческом аспекте. Особенно ценно подробное описание различных моделей, применяемых в высшем образовании, а именно: дискуссионные группы – семинары, которые ведет старший студент, модель проктора – прикрепление старшекурсника к студенту для оказания адресной помощи, учебная ячейка или студенческая пара, патронаж или менторинг [9]. Сценариев данной технологии довольно много, однако ученый делает вывод, что для достижения высоких результатов по любой из моделей Р2Р обучение должно быть четко структурировано преподавателем.

Рассмотрим подробнее, каким образом удалось организовать обучение фонетической стороне речи студентов нелингвистических направлений подготовки НГЛУ имени Н.А. Добролюбова с применением метода Р2Р, патронажной модели и учебной ячейки (студенческой группы).

На первом этапе в качестве самостоятельной работы студентам-первокурсникам было предложено выбрать отрывок из произведения на языке оригинала объемом 250–280 слов, выписать незнакомые слова с транскрипцией и переводом, разделить предложения на смысловые группы и выделить в каждой группе ударное слово, обозначить интонационный рисунок каждого предложения и подготовить чтение фрагмента. В качестве «помощников» на данном этапе выступали интернет-сервисы и интернет-словари, где есть возможность прослушивания произношения слов и дается фонетическая транскрипция. Студенты обращались с вопросами к преподавателю, но большую часть времени самостоятельно работали над отработкой произношения и интонацией. Обучающиеся были вправе записывать себя для последующего самоконтроля и самокоррекции, начитывать выбранный отрывок столько раз, сколько требуется для уверенного произнесения или узнавания слов, словосочетаний, правильности интонационного рисунка, а также пока обучающийся не будет сам удовлетворен качеством чтения. Отметим, что в процессе данной работы усваивается лексика, студенты учатся воспринимать ее на слух, развивается фонематический и интонационный слух. Завершением работы стало создание аудио-файла с записью чтения подготовленного отрывка и передача его преподавателю.

На втором этапе происходило оценивание подготовленных аудиозаписей по модели Р2Р учебной ячейки или студенческой группы. Данная форма обучения предполагает работу в мини-группах или парах, где студенты дают обратную связь на выполненные задания своих коллег по заранее разработанным преподавателем критериям. В таблице 1 представлен оценочный лист (чек-лист) с вопросами и шкалой с вариантами ответа для предоставления обратной связи.

Таблица 1 – Чек-лист для оценки фонетических навыков

Pronunciation Checklist

Assessment questions	Agreement scale
Meaning • Did the speaker communicate meaning effectively?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know
Thought groups and pausing • Was information divided into thought groups?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know
• Did the speaker use pausing appropriately?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know
• Were there any unexpected breaks?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know
Focus words • Were focus words stressed?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know
Stress Patterns • Did the speaker use correct stress in words and word groups?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know
• Was there a clear contrast between stressed and unstressed words?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don't know

Intonation • Was the pitch range wide enough to make the focus words easy to hear? • Did the speaker’s intonation clearly indicate finished and unfinished information? • Was the pitch range wide enough to make the speaker sound interesting?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
Sounds • Were the sounds pronounced well enough not to be confusing for the listener? • Were there any pronunciation mistakes? • Were sounds and syllables linked together?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
Vocal features • Was the speed just right? • Was the volume just right?	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
	☐ Always ☐ Usually ☐ About Half the Time ☐ Seldom ☐ Never ☐ Don’t know
<i>What sounds, words, intonation patterns need more practice?</i>	
<i>To give overall evaluation, please, assess accuracy, fluency, completeness.</i>	

Данная шкала оценки не предполагает цифрового или балльного выражения, следовательно, снижает психологическую напряженность контрольной процедуры. Вариант ответа ‘don’t know’ позволяет выстроить наиболее объективную картину, если по каким-то причинам оценивающий не смог сформировать собственное мнение по вопросу. В конце опросника предлагается дать комментарии по тем аспектам, которые требуют дополнительной тренировки. Чек-лист можно предложить в распечатанном варианте или использовать для создания анкеты бесплатный сервис Google Forms.

Сотрудничество кафедры иностранных языков высшей школы социальных наук НГЛУ имени Н.А. Добролюбова с кафедрой иностранных языков Приволжского исследовательского медицинского университета (ПИМУ Нижний Новгород) позволило подключить иностранных студентов к взаимной оценке выполненного задания. В качестве экспертов подготовленных аудиозаписей студентами НГЛУ имени Н.А. Добролюбова выступали обучающиеся ПИМУ из Китая, Индии, Ирана, Ирака, Египта и Марокко, всего 50 человек. Критическая оценка зарубежных коллег-обучающихся наглядно продемонстрировала важность овладения фонетическим аспектом и оказалась мощным стимулом повышения мотивации к изучению английского языка в целом. Кроме того, все студенты получили ценный опыт практического международного взаимодействия.

На основе полученных результатов оценки преподаватель группы с активным участием студента разрабатывали индивидуальный образовательный маршрут работы над фонетическим навыком, какие конкретно звуки, фонетические явления и интонационные композиции требуют дополнительной практики и тщательной проработки со стороны обучающегося. Подбирался теоретический материал, формировался комплекс упражнений, устанавливались сроки выполнения заданий для контроля. Фрагмент индивидуального маршрута представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Фрагмент индивидуального маршрута формирования фонетических навыков

Topics to study and practice	Resources	Deadline	Assessment
Consonant phonemes /θ/, /ð/, /tj/ and /w/ in various phonetic contexts	1) English Pronunciation Trainer: p. 40, 43–44, 49–50, 64–65. 2) English Pronunciation in Use. Intermediate: Unit 10, 15, 17.	September, 18 – September, 22	1) English Pronunciation Trainer: record yourself saying the sentences in exercises f, p. 40, f, p. 43, e p. 50. 2) English Pronunciation in Use. Intermediate: learn the poems by heart and record yourself Unit 10 p.29, Unit 15, p. 41, Unit 17, p. 43.
Progressive assimilation: inflections - (e)s and -ed	1) English Pronunciation Trainer: p. 64–65. 2) English Pronunciation in Use. Intermediate: Unit 26, 27.	September, 25 – September, 30	1) English Pronunciation Trainer: record yourself saying the words in exercises: 47 p. 96; 62, p. 99. 2) English Pronunciation in Use. Intermediate: record yourself saying the words in exercises 26.4, 27.4.

Sentence Stress. Weak Forms	1) English Pronunciation Trainer: p. 79–80. 2) English Pronunciation in Use. Intermediate: Unit 32–40	October, 2 – October, 13	1) English Pronunciation Trainer: record yourself saying the sentences in exercises 82–87 p. 106–108. 2) English Pronunciation in Use. Intermediate: record yourself saying the sentences from sentence stress phrasebook p. 161
--------------------------------	--	-----------------------------	---

Важный аспект в организации индивидуального маршрута обучения – это подбор учебных материалов. Мы рекомендуем использовать авторский курс и учебное пособие преподавателя НГЛУ имени Н.А. Добролюбова А.В. Жигановой ‘English pronunciation trainer’³. Издание представляет собой тщательно разработанный практический курс по формированию и совершенствованию фонетических навыков у студентов I курса бакалавриата, изучающих английский язык на лингвистических направлениях подготовки. Пособие включает исчерпывающий теоретический материал: варианты и диалекты английского языка, классификацию звуков, четыре типа слога, согласные и гласные в разных фонетических позициях, сочетания согласных, сочетания гласных, транскрипцию, английское ударение, ритмические модели многосложных слов, группы слов с постоянным и подвижным ударением, интонационную конструкцию простого предложения, слитность произношения слов в речи, безударные слова и слова с ослабленным ударением, расположение центра интонационной конструкции и его перенос, интонационное оформление предложений в тексте, интонацию вопросительных предложений разных типов. Структурированная система тренировочных упражнений помогает овладеть произношением с учетом вариативности английского языка как языка международного общения, преодолевая типичные трудности, с которыми сталкиваются русскоязычные студенты.

В дополнение можно взять разделы из учебника издательства Кембридж ‘English Pronunciation in Use’⁴. Данный трехуровневый курс не требует подробного комментария, так как уже стал классическим для отработки произношения английского языка.

На третьем этапе, когда индивидуальный план работы каждого студента был составлен, к обучению подключались студенты-старшекурсники. Патронажная модель метода P2P предполагает, что студенты-менторы берут на себя роль преподавателей, в задачи которых входит наставничество и контроль младших обучающихся, а также информирование преподавателя о прогрессе и фонетических аспектах, которые вызывают трудности у подопечного студента. Ментор по необходимости проводит индивидуальные консультации со студентами-первокурсниками, оказывает им помощь в понимании материала и дает конструктивную обратную связь по результатам самостоятельной работы. Менторы в свою очередь еще раз повторяют и практикуют знания и навыки, которые они приобрели за период обучения в вузе, в то же время оказывая помощь своим младшим коллегам.

Четвертый этап предполагал рефлекссию полученного опыта обучения, возможность оценить важность новых знаний и проанализировать собственный прогресс.

Через определенный период времени, установленный преподавателем по договоренности со студентом (чаще всего это два-три месяца), обучающимся вновь предлагалось записать чтение отрывка из оригинального произведения. Видится, что обратная связь будет наиболее объективной, если на данном этапе произношение оценят иностранные студенты, несколько студентов-старшекурсников и другие преподаватели английского языка.

В завершение работы студентам было предложено анкетирование с целью определения их мнения по поводу формата обучения, а также предлагалось оценить их собственный прогресс. Анкетирование показало, что подавляющий процент студентов – 86 % отзывается о предложенном формате обучения и оценке как наиболее психологически комфортном для совершенствования произносительных навыков. Большинство констатировали важность полученных знаний в области фонетики английского

³ Жиганова А.В. English pronunciation trainer. Тренировка английского произношения: учебное пособие по формированию и совершенствованию фонетических навыков у студентов I курса бакалавриата. – 2-е изд., доп. – Москва: ООО «Директ-Медиа», 2021. – 100 с.

⁴ Marks J. English Pronunciation in Use Elementary Book with Answers and Downloadable Audio. – Cambridge University Press, 2017; Hancock M. English Pronunciation in Use Intermediate Book. 2Ed with Answers and Downloadable Audio. – Cambridge University Press, 2017; Hewings M. English Pronunciation in Use Advanced Book with Answers and Downloadable Audio. – Cambridge University Press, 2017.

языка и высоко оценили собственный прогресс – 73 %. Около 65 % респондентов отметили, что в процессе работы установили новые социальные контакты, мотивирующие на изучение английского языка в дальнейшем.

По результатам анкетирования был определен CSAT (Customer Satisfaction Score). CSAT – индекс удовлетворённости – рассчитывается, чтобы понять, насколько студенты довольны каким-либо аспектом обучения (качеством урока, домашних заданий, курса, работой преподавателя и т.д.). Для расчёта CSAT используют обратную связь от обучающихся и вычисляют процент оценок «4» и «5» от общего количества оценок по формуле: $CSAT = \frac{\text{количество оценок 4} + \text{количество оценок 5}}{\text{общее количество всех оценок}} \times 100\%$. В нашем случае студенты, отвечая на вопрос: «Насколько вам понравился формат обучения произношению?», оценивали процесс обучения фонетике от 1 до 5 (от «совсем не понравился» до «очень понравился»). Далее был рассчитан коэффициент $CSAT = \frac{36 + 52}{110} \times 100\% = 80\%$. Полученный процент говорит о высоком уровне удовлетворенности предложенным форматом обучения. Однако, чтобы получить объективную картину, необходимо рассматривать показатель в динамике и стремиться к его росту.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что адресный подход к обучению фонетике, разработанный вместе со студентами индивидуальный образовательный маршрут и персональные контакты с менторами-старшекурсниками, лежащие в основе метода P2P, способствуют снижению эмоционального напряжения, удовлетворению социально-психологических потребностей студентов-первокурсников, повышая, таким образом, эффективность формирования и совершенствования произносительных навыков.

В процессе организации обучения по предложенной модели пришлось столкнуться с некоторыми сложностями, которые еще предстоит решить: во-первых, во многом успех применения данной технологии в условиях обучения в вузе зависит от желания участвовать в работе студентов-экспертов и студентов-менторов; во-вторых, чтобы результат обучения был соизмерим по эффективности с обучением с преподавателем, каждый этап процесса требует тщательного планирования и подготовки; в-третьих, отсутствие привычных мотивирующих факторов, таких как оценки или постоянный контроль со стороны преподавателя могут оказывать влияние на отношение к работе и добросовестность выполнения заданий студентами.

Несмотря на организационные препятствия, предложенная модель обучения фонетическому аспекту, несомненно, имеет большой педагогический потенциал. С дидактической точки зрения ключевым моментом является активное вовлечение студентов в планирование и рефлексии собственной учебной деятельности, в противоположность пассивному участию в образовательном процессе.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранному языку: лингводидактика и методика. – Москва: Академия, 2004. – 336 с.
2. Матвеева Н.В. Обучение фонетике английского языка в профессиональном образовании // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2018. – № 1 (46). – С. 124–135.
3. Мжельская О.К. Английский язык как лингва франка и специфика его изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (28). – С. 58–61.
4. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 258 p.
5. Колесникова А.Н., Амиров И.Р. Развитие фонологической компетенции у студентов неязыкового бакалавриата // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. – 2022. – № 205. – С. 128–140.
6. Приходченко Е.И., Бойко Н.И. Индивидуальная образовательная траектория как способ развития самостоятельной учебной деятельности // Вестник Донецкого педагогического института. – 2018. – № 1. – С. 66–78.

7. Ильин Г.Л. Взаимное обучение и взаимное образование // Школьные технологии. – 2011. – № 3. – С. 23–28.
8. Алдошина М.И. Эффективные технологии формирования компетенций в современном университетском образовании // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – № 10 (3). – С. 4022–4030.
9. Курьшова А.Ю. Использование метода обучения peer teaching в высшем образовании: основные модели // ИСОМ. – 2020. – № 1. – С. 136–144.

References

1. Gal'skova N.D., Gez N.I. Teoriya obucheniya inostrannomu yazyku: lingvodidaktika i metodika. – Moskva: Akademiya, 2004. – 336 s.
2. Matveeva N.V. Obuchenie fonetike anglijskogo yazyka v professional'nom obrazovanii // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. – 2018. – № 1 (46). – S. 124–135.
3. Mzhel'skaya O.K. Anglijskij yazyk kak lingva franka i specifika ego izucheniya // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. – 2017. – № 2 (28). – S. 58–61.
4. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 258 p.
5. Kolesnikova A.N., Amirov I.R. Razvitie fonologicheskoy kompetencii u studentov neyazykovogo bakalavriata // Izvestiya RGPU imeni A.I. Gercena. – 2022. – № 205. – S. 128–140.
6. Prihodchenko E.I., Bojko N.I. Individual'naya obrazovatel'naya traektoriya kak sposob razvitiya samostoyatel'noj uchebnoj deyatel'nosti // Vestnik Doneckogo pedagogicheskogo instituta. – 2018. – № 1. – S. 66–78.
7. Il'in G.L. Vzaimnoe obuchenie i vzaimnoe obrazovanie // Shkol'nye tekhnologii. – 2011. – № 3. – S. 23–28.
8. Aldoshina M.I. Effektivnye tekhnologii formirovaniya kompetencij v sovremennom universitetskom obrazovanii // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. – 2020. – № 10 (3). – S. 4022–4030.
9. Kuryshova A.Yu. Ispol'zovanie metoda obucheniya peer teaching v vysshem obrazovanii: osnovnye modeli // ISOM. – 2020. – № 1. – S. 136–144.

УДК 372.881.1

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Прибылова Наталья Геннадьевна¹,

*канд. пед. наук, доцент,
e-mail: pribyl28@mail.ru,*

Фролова Светлана Валериевна^{2,3},

*канд. психол. наук, доцент,
e-mail: frolova-s80@mail.ru,*

¹Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков, г. Москва, Россия

²Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

³Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Россия

Цель исследования – определение специфики и путей развития национальной идентичности будущих учителей иностранного языка в контексте поликультурной среды языкового вуза с учетом модернизации содержания высшего образования в рамках стандарта 3++ направления бакалавриата «Филология». Авторы исходят из постулата, согласно которому изучение иностранного языка способно повлиять на развитие национальной идентичности на уровне индивида, поскольку в ряде случаев может формировать конкурирующую национальную идентичность и вести к дисбалансу ценностных установок. В исследовании предложена система развития национальной идентичности студентов языкового вуза в контексте иноязычного образования и межкультурного подхода через: 1) рациональное осмысление культурологического материала; 2) формирование чувства сопричастности к проблемам регионального и локального сообществ; 3) создание паттернов гражданского поведения и межкультурной коммуникации. Подчеркивается необходимость мобилизации культурно-языкового опыта обучающихся в целях подготовки к диалогу представителей равноправных и равнозначных культур и предупреждения межнациональных конфликтов в поликультурной среде.

Ключевые слова: национальная идентичность учителя иностранного языка, поликультурное образование, языковой вуз

NATIONAL IDENTITY DEVELOPMENT OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN A MULTICULTURAL SPACE OF A LINGUISTIC UNIVERSITY

Pribylova N.G.¹,

*candidate of pedagogical sciences, associate professor,
e-mail: pribyl28@mail.ru,*

Frolova S.V.^{2,3},

*candidate of psychological sciences, associate professor,
e-mail: frolova-s80@mail.ru,*

¹Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russia

²Moscow Witte University, Moscow, Russia

³Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

The aim of the research is to determine the specifics and pathways of developing national identity of future foreign language teachers in the context of a multicultural environment at a language university, considering the modernization of higher education within the framework of the 3++ standard in the field of “Philology”.

The research is based on the postulate that the study of a foreign language can influence the development of national identity at the individual level, as in some cases it can form a competing national identity and lead to an imbalance in value hierarchy. The authors propose a system for developing national identity in students at a language university within the context of foreign language education and intercultural approach. This system encompasses the following elements: 1) a rational understanding of cultural material and critical thinking, 2) the forming of a sense of involvement in regional and local community issues, 3) the creation of patterns of civic behavior and intercultural communication. The necessity of mobilizing the cultural and linguistic experience of students is emphasized to prepare them for dialogue with representatives of equal cultures and to prevent intercultural conflicts.

Keywords: national identity of foreign language teachers, multicultural education, linguistic university

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-72-79

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью развития национальной идентичности будущих учителей английского языка как ретрансляторов ценностей современного российского общества в условиях геополитического противостояния и ценностно разделенного мира – “*status quo*”, которое описывается британским журналом “The Economist” как многополярный хаос (“*multipolar disorder*”). И какой бы политический смысл ни вкладывался в данное понятие, очевидным остается факт, свидетельствующий о новом мировом расколе и неизбежности войн за идентичность.

Россия как полиэтничное государство сталкивается с новыми вызовами, такими как национальный экстремизм и влияние транснациональных террористических группировок. Вместе с тем многообразие культур, языков, исторических традиций народов, населяющих Россию, способствует обогащению духовной жизни общества, делает его более гибким, мобильным, открытым для инноваций. Национальная безопасность России основывается на сплоченности российского общества, высоком гражданском самосознании, вовлеченности граждан в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения и на защите традиционных духовно-нравственных ценностей.

Важным представляется тот факт, что изучение иностранного языка способно повлиять на национальную идентичность на уровне индивида по ряду причин.

Во-первых, язык и культура сопряжены между собой. Согласно Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, «язык — общественное явление, и, взятый в своем социальном плане, он выступает хранителем информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих, для всей этнолингвистической, культурно-языковой общности» [1, с. 31].

Во-вторых, формирование дополнительной языковой личности как цель иноязычного образования может в ряде случаев формировать конкурирующую национальную идентичность, о чем свидетельствует, к примеру, такое явление, как «утечка мозгов» из России и стран постсоветского пространства.

В-третьих, изучение иностранного языка может являться источником моделирующих неконфликтных ситуаций кросс-культурной коммуникации, в которых возникает потребность рефлексии о специфических особенностях родной культуры. Как утверждает Е.Г. Тарева, конечной целью овладения языками в лингвистическом вузе – сложной когнитивной и познавательной деятельности – является присвоение явлений иной культуры, которые преломляются через родную культуру обучающихся [2, с. 39].

Таким образом, возникает противоречие между актуализацией национальной идентичности в условиях глобальных угроз и закономерной переоценкой фактов родной культуры как стратегией поликультурного образования в языковом вузе, когда обучающийся начинает воспринимать факт родной культуры глазами представителя иного лингвосоциума и интерпретирует его, что в совокупности вызывает необходимость уточнения содержания структуры национальной идентичности у студента языкового вуза и путей ее развития.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– раскрыть сущность понятия «национальная идентичность» в контексте языкового вуза;

– представить структуру национальной идентичности в единстве трех компонентов и раскрыть их смысловое содержание;

– определить основные направления и мероприятия по развитию национальной идентичности будущего учителя иностранного языка.

Методы и принципы исследования

В целях детального рассмотрения проблемы развития национальной идентичности студентов языкового вуза был использован комплекс теоретических (анализ, синтез, обобщение, конкретизация, функциональный метод) и эмпирических (описание, наблюдение, опрос, беседа, метод статистического анализа) методов.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют работы, раскрывающие принципы поликультурного взаимодействия и межкультурного общения (С.Г. Тер-Минасова, Е.Г. Тарева, А.Н. Джуринский, И.Л. Плужник); освещающие вопросы со-изучения языков и культур (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Сафонова, П.В. Сысоев, А.В. Щепилова и др.) и исследования этнической и национальной идентичности граждан России (Л.Н. Гумилев, А.Г. Дугин, Ю.В. Бромлей и др.).

Исходя из понимания сути межкультурного общения, подготовка к нему в языковом вузе должна осуществляться в процессе со-изучения всех дидактически сопряженных языков и культур и по принципу «расширяющегося круга культур – от этнических к национальным, от национальных к континентальным культурам и геополитическим пластам, и все это по направлению к мировой культуре и культурному наследию» [3, с. 99]. А значит, формирование национальной идентичности в контексте современного иноязычного образования в вузе осуществляется на основе диалога культур и цивилизаций. Как отмечает Е.Г. Тарева, современный этап развития лингводидактики не зря называют «посткоммуникативной эпохой», так как привычной коммуникативности недостаточно для полноценного профессионально ориентированного обучения иностранным языкам [4, с. 238]. Для полноценной педагогической подготовки необходимо, на наш взгляд, обеспечение воссоздания и воспроизведения национально-культурных ценностей нации путем: 1) развития национальной идентичности студентов и 2) преемственности образования.

Рассмотрим сущность и содержание понятия «национальная идентичность» в контексте иноязычного образования. Идентичность включает в себя переживание человеком своей принадлежности к тем или иным социальным группам, формирующейся в результате идентификации с ними в процессе социализации, а также представления об отличиях от других индивидов и групп¹. Понятие «национальной идентичности» является междисциплинарным и обозначает культурную норму, отражающую эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [5]. При этом следует различать такие понятия, как нация и этнос. В трактовке русского этнографа С.М. Широкогорова этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающихся ею от таковых других групп [6].

Нация в трактовке И. Канта – это множество или часть народа (*populus*), которая ввиду общего происхождения признает себя объединенной в одно гражданское целое (*gens*) [7, с. 350]. Таким образом, этносы основываются на языковом и культурном родстве, а нации помимо того – на политических, экономических связях, культуре, едином самосознании.

А.П. Садохин представил структуру национальной идентичности как единство трех компонентов:

1) национального самосознания на рациональном уровне (понимание целей и направлений развития нации, национальных автостереотипов и гетеростереотипов);

2) эмоционально-образное восприятие мира (конфликтность/неконфликтность личности, развитие ее сензитивности и эмпатии);

¹ Леонтьев Д.А., Савельева О.О. Идентичность // Большая российская энциклопедия. – 2016. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174?ysclid=lnomot212410857914> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

3) готовность выражать сформированную гражданскую позицию и стремление оказывать поддержку согражданам².

Чтобы оценить уровень развития национальной идентичности, нами было проведено исследование этнической идентичности и толерантности студентов-бакалавров. Для этого был использован метод анкетирования с дальнейшей математико-статистической обработкой результатов исследования. Нами были опрошены 40 студентов первого курса из числа бакалавров направления «Филология» профиля «Преподавание английского языка и русского языка как иностранного», подготовка в рамках которых предполагает формирование у обучающихся способности к осуществлению социокультурной рефлексии.

За основу анкеты была взята методика диагностики типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой. Несмотря на этническую доминанту данной методики, часть «высказываний» соотносилась с понятием национальной идентичности, поскольку касалась эмоциональной реакции респондентов на государство, в котором они проживают, и его граждан, как, например, «Я – человек, который обычно не скрывает своей национальности» или «Я – человек, который часто испытывает стыд за людей своей национальности» и «Я – человек, который считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа», что в условиях проведения СВО и глобального противостояния сигнализирует о принятии или непринятии человеком государственной и национальной политики современной России.

Результаты анкетирования продемонстрировали доминирующую норму – позитивную этническую идентичность и толерантность (18 баллов из 20 возможных) и вдвое меньший уровень этнической индифферентности, выраженный в определенной неактуальности этничности, приходящейся на возраст 18–20 лет у респондентов. Другие типы этнической идентичности представлены относительно равномерно, но все же представляют интерес для нашего исследования. Так, несколько человек согласились с необходимостью «сохранять чистоту нации», двое из которых – представители мужского пола; с другой стороны, три человека «часто испытывают стыд за людей своей национальности», что говорит о взаимоисключающих установках.

Результаты анкетирования представлены на рисунке.

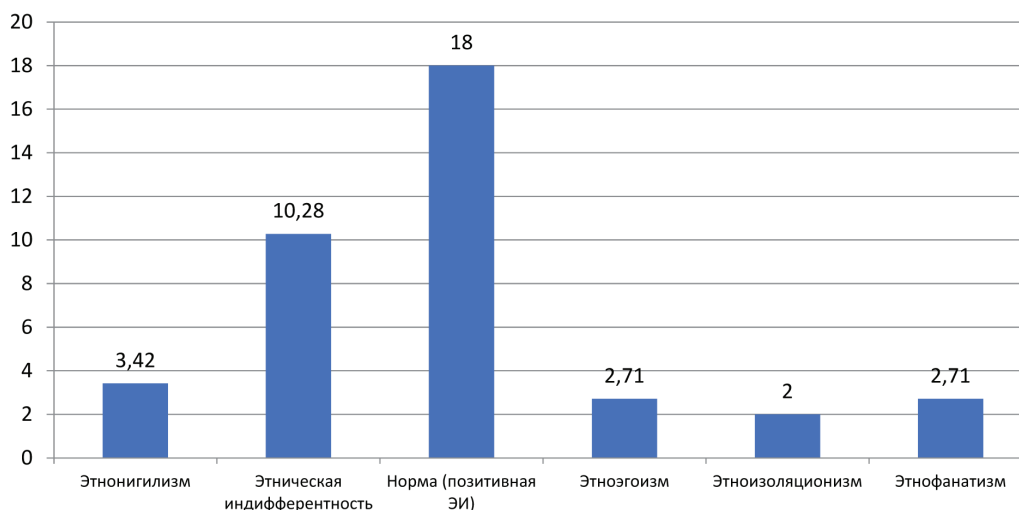

Рисунок – Результаты анкетирования студентов 1-го курса, обучающихся по направлению «Филология»

Интересно отметить, что в ходе анкетирования респонденты – студенты первого курса – задавали преподавателю и самому себе следующие вопросы: «Что можно считать нацией?», «Мы, граждане России, русские или россияне?», «Правда ли, что некоторые вопросы направлены на выявление на-

² Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. – 2-е изд., стер. – М.: КноРус, 2016. – 256 с.

ционализма?». Обсуждение вопросов в ходе беседы стало одним из способов развития национальной самоидентификации обучающихся и усвоения гражданских паттернов поведения.

В целом, эмпирическое исследование продемонстрировало высокий уровень национальной идентичности, при котором студенты ассоциируют себя со своим народом и государством. При этом значительная часть студентов воздерживается от открытого выражения гражданской позиции, в особенности, в медийном пространстве.

Основные результаты исследования

Исследования отечественных и зарубежных авторов, результаты проведенного анкетирования, а также практический опыт в иноязычном образовании будущих учителей позволяют представить *развитие национальной идентичности в контексте иноязычного образования как комплекс мероприятий по углублению знаний о культурных особенностях своей нации и обучению анализу культурных феноменов, обусловленных национальной традицией; по формированию положительного эмоционального отклика на явления национальной культуры и чувства сопричастности к проблемам регионального и локального сообществ; по формированию активной гражданской позиции* и определить пути развития национальной идентичности у бакалавров 1-го курса педагогического вуза, обучающихся по направлению «Филология».

В рамках трехкомпонентной структуры национальной идентичности учителя иностранного языка можно считать приоритетными следующие направления:

1) рациональное осмысление культурологического материала и присвоение студентами общенациональных ценностей через со-изучаемые языки. Большую роль при этом играет правильный выбор образовательного контента – важно подобрать материал с опорой на личный опыт и интересы обучающегося, помогающий определить обучающемуся свое место в мире и его роль в сохранении родного языка [8, с. 327]. Полезным для осмысления русской национальной культуры и менталитета может оказаться изучение русской культуроспецифичной безэквивалентной лексики (*тройка, самовар, кисель, пряник, оладьи, щи, уха, кротость, смирение*), устаревших слов и историзмов (*очи, уста, уезд, волость, ямщик, дворяне, бояре, утроба, брань*), советизмов (*субботник, коллективизация, большевики, пионеры*), ономастических реалий и прецедентных имен исторических лиц (*Баба Яга, Кащей Бессмертный, Змей Горыныч, Илья Муромец, Сусанин, Чапаев, Пушкин, Суворов*), церковнославянизмов (*ковчег, исповедь, колокол, твердыня, кадило, лик*), фразеологизмов (*«гол как сокол», «верста коломенская», «бить баклуши», «вешать лапшу на уши», «выпить на посошок» и др.*). Эти лексические единицы отражают такие качества русских людей, как гостеприимность, щедрость, неконфликтность, богобоязненность, соборность, смекалка. Не меньший интерес представляет изучение диалектизмов и заимствований из языков народов, населяющих Россию, например, тюркских (*ярлык, балык, сундук, урюк, баклажан, башмак, камыш, балаган, шатер, кафтан*). Коммуникативно-этнографический подход на современном этапе изучения поликультурных сообществ стран родного и изучаемого языков особое значение придает знакомству с рядом народов, проживающих на одной территории, и изучению их взаимодействия в диахроническом и синхроническом аспектах. Именно в этом случае, по мнению П.В. Сысоева, у студентов смогут сформироваться не ложные стереотипы и обобщения, а представления о поликультурности как норме сосуществования культур на единой территории и необходимости защиты национальных интересов России как полиэтничного государства [9];

2) исследование и решение проблем регионального и национального сообществ, формирующее чувство сопричастности к жизни сограждан. Вовлеченность студентов в городские инициативные проекты, такие как “Zero Waste”, создание дайджестов и рейтингов, написание отзывов и рецензий на ключевые события жизни города, волонтерство, забота о социально незащищенных группах населения и бездомных животных, помощь приютам, оказание адресной помощи и др. помогают сформировать чувство сопричастности к судьбе народа;

3) поддержание контактов со школами и привлечение школьников к участию в национальных проектах, организация совместных мероприятий в рамках парадигмы «преподаватель – студент – школь-

ник», проведение тематических классных часов и мастер-классов. Мероприятия с участием школьников и иностранных студентов из Китая, Турции, Узбекистана, обучающихся в языковом вузе, способствуют установлению и переосмыслению ценностей и развенчанию ложных стереотипов о представителях разных национальностей.

Как итог, в лингвистическом вузе реализуются проекты «Сохранение русского языка и культурного наследия», «Великие книги в МГПУ», «Открытый мир филологии», «Обучение РКИ в эпоху цифровизации» и др. Совместная проектная деятельность преподавателей, студентов и школьников лингвокультурологической и социальной направленности создает условия для преемственности поколений, передачи духовно-нравственных ценностей молодежи XXI века, ликвидации угроз национальной безопасности со стороны образовательного глобализма в системе образования России и способствует сохранению национального языка.

Заключение

Данное исследование проводилось на выборке студентов, обучающихся на первом курсе бакалавриата направления «Филология», специализирующихся на преподавании английского языка и русского языка как иностранного. Наше предположение заключалось в том, что изучение языков может существенным образом влиять на национальную идентичность обучающихся и создавать конкурирующую языковую личность, что потребует дополнительных усилий в акцентуации проявлений гражданственности.

В результате использования комплекса эмпирических методов было выявлено преимущественно адекватное и сбалансированное отношение к культуре и ценностям своего народа. Вместе с тем у значительного числа студентов наблюдается индифферентность в вопросах национальной идентичности и, в ряде случаев, отсутствие готовности к выражению собственной гражданской позиции и гордости за достижения своего народа, что фактически доказывает влияние конкурирующих языков и культур на национальную идентичность российской молодежи.

Считаем, что ресурсы развития национальной идентичности заложены в самой специфике межкультурного иноязычного образования в языковом вузе, в его когнитивном, развивающем и воспитывающем потенциале, а именно:

1) в расширении лингвистического кругозора и осмыслении истории национальных языков России за счет лингвострановедческого и линвокультуроведческого компонентов филологического образования с акцентом на различные культурно-исторические предпосылки развития цивилизации, поскольку языковые знания имеют форму культурной памяти народа о его прошлом [10, с. 16];

2) в формировании у обучающихся положительных эмоциональных реакций на явления и факты родной культуры с вниманием к уникальному и неповторимому опыту и научным достижениям своего народа в общепланетарном масштабе;

3) в формировании готовности осуществлять реальную помощь коллегам, одноклассникам, согражданам и иностранным обучающимся, принимать участие в социальных проектах на региональном и национальном уровнях.

Таким образом, социокультурная рефлексия, ретрансляция духовных и материальных ценностей, развенчание стереотипов и преемственность поколений способствуют сохранению и развитию национальной идентичности в современной России, а также предупреждению межнациональных конфликтов.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке основных образовательных программ лингвистического образования в его профессиональном и общегуманитарном блоках и в элективных курсах для будущих педагогов, а также для составления профессионального портрета преподавателя иностранного языка и русского языка как иностранного. Проведенное исследование не исчерпывает всех вопросов, связанных с развитием национальной идентичности у студентов лингвистических вузов и будущих педагогов в силу меняющейся картины мира у молодежи под воздействием средств массовой информации и социальных сетей, перспективным видится отложенный во времени эксперимент на завершающем этапе обучения в бакалавриате, например, в период осуществления педагогической практики на четвертом курсе.

Список литературы

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. академика Ю.С. Степанова. – Москва: Индрик, 2005. – 1040 с.
2. *Тарева Е.Г.* Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов // Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций: становление и развитие научной школы: сборник научных статей. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки народов мира», 2021. – С. 34–44.
3. *Сафонова В.В.* Принципы коммуникативного образования в контексте диалога культур и цивилизаций // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: монография. – Москва: НЕОЛИТ, 2017. – С. 97–123.
4. *Тарева Е.Г.* Динамика ценностных смыслов лингводидактики // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов. – Москва: Тезаурус, 2011. – С. 231–245.
5. *Tsygankov A.P.* Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. – Lanham, 2001. – 237 p.
6. *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2022. – 146 с.
7. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений: в 8 т. – Москва: Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 349–587.
8. *Прибылова Н.Г.* Формирование общепрофессиональных компетенций магистров в процессе иноязычного делового общения // Учитель. Ученик. Учебник: материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2018 года. – Москва: КДУ, 2019. – С. 326–330.
9. *Сысоев П.В.* Основные положения коммуникативно-этнографического подхода к обучению иностранному языку и культуре // Язык и культура. – 2014. – № 4 (28). – С. 184–202.
10. *Авербух К.Я., Попова Л.Г., Шатилова Л.М.* Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования: монография / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 15–22.

References

1. *Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G.* Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskih taktik i sapientemy / pod red. i s poslesl. akademika Yu.S. Stepanova. – Moskva: Indrik, 2005. – 1040 s.
2. *Tareva E.G.* Mezhkul'turnyj podhod k podgotovke sovremennyh lingvistov // Mezhkul'turnoe mnogoyazychnoe obrazovanie kak faktor social'nyh transformacij: stanovlenie i razvitie nauchnoj shkoly: sbornik nauchnyh statej. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Yazyki narodov mira», 2021. – S. 34–44.
3. *Safonova V.V.* Principy kommunikativnogo obrazovaniya v kontekste dialoga kul'tur i civilizacij // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: chelovek i novye sociogumanitarnye cennosti: monografiya. – Moskva: NEOLIT, 2017. – С. 97–123.
4. *Tareva E.G.* Dinamika cennostnyh smyslov lingvodidaktiki // Lingvistika i aksiologiya. Etnosemiometriya cennostnyh smyslov. – Moskva: Tezaurus, 2011. – S. 231–245.
5. *Tsygankov A.P.* Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. – Lanham, 2001. – 237 p.
6. *Shirokogorov S.M.* Etnos. Issledovanie osnovnyh principov izmeneniya etnicheskih i etnograficheskikh yavlenij // Etnograficheskie issledovaniya. Kniga vtoraya. Etnos. – Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2022. – 146 s.
7. *Kant I.* Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Sobranie sochinenij: v 8 t. – Moskva: Choro, 1994. – T. 4. – S. 349–587.
8. *Pribylova N.G.* Formirovanie obshcheprofessional'nyh kompetencij magistrov v processe inoyazychnogo delovogo obshcheniya // Uchitel'. Uchenik. Uchebnik: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 18–19 oktyabrya 2018 goda. – Moskva: KDU, 2019. – S. 326–330.

9. *Sysoev P.V.* Osnovnye polozheniya kommunikativno-etnograficheskogo podhoda k obucheniyu inostrannomu yazyku i kul'ture // *Yazyk i kul'tura*. – 2014. – № 4 (28). – S. 184–202.
10. *Averbuh K.Ya., Popova L.G., Shatilova L.M.* Kul'turnaya pamyat' slov kak proyavlenie yazykovykh znaniy o mire // *Innovacionnoe razvitie nauki i obrazovaniya: monografiya / pod obshch. red. G.Yu. Gulyaeva*. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2018. – S. 15–22.

УДК 004.9

НЕЯВНЫЕ ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОИСКЕ**Курдюков Никита Сергеевич¹,***e-mail: nskurdyukov@gmail.com,*¹*Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), г. Москва, Россия*

В статье исследуются неявные знания в информационном поиске. Существует тенденция к увеличению объемов информации, в том числе в информационных сетях. Эта тенденция мотивирует исследования в области поиска информации. Рост объемов информации влечет рост скрытых знаний и информационной неопределенности. Дана таксономия причин неадекватности поиска в информационной сети. Эти причины делятся на объективные и когнитивные. Показана разница между морфологическим и семантическим поиском. Предложена теоретико-множественная модель описания поиска информации и его результатов. Описаны три основных типа поиска информации. Показаны разница между поиском информации и поиском знаний; качественная разница между онтологическим и традиционным информационным поиском; причины появления неявного знания в практической деятельности и научных исследованиях. Дано формальное описание онтологического поиска, включающего компонент неявного знания. Показаны критерии наличия неявного знания, которое можно получить посредством онтологического поиска. Результаты данного исследования способствуют развитию методов поиска информации, онтологического поиска и выявления неявных знаний.

Ключевые слова: информационный поиск, информационный онтологический поиск, теоретико-множественные модели, неявное знание, морфологический поиск, семантический поиск

IMPLICIT KNOWLEDGE IN INFORMATION RETRIEVAL**Kurdyukov N.S.¹,***e-mail: nskurdyukov@gmail.com,*¹*Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow, Russia*

The article explores implicit knowledge in information retrieval. There is a tendency to increase the volume of information, including in information networks. This trend motivates research in the field of information retrieval. An increase in the volume of information leads to an increase in hidden knowledge and information uncertainty. The taxonomy of the reasons for the inadequacy of the search in the information network is given. These reasons are divided into objective and cognitive. The difference between morphological and semantic search is shown. A set-theoretic model for describing the search for information and its results is proposed. Three main types of information retrieval are described. The difference between the search for information and the search for knowledge is shown. The qualitative difference between ontological and traditional information search is shown. The reasons for the appearance of implicit knowledge in practical activities and scientific research are shown. A formal description of the ontological search, including a component of implicit knowledge, is given. The criteria for the presence of implicit knowledge, which can be obtained through an ontological search, are shown. The results of this study contribute to the development of information retrieval methods, ontological search and the identification of implicit knowledge.

Keywords: information search, information otological search, set-theoretic models, implicit knowledge, morphological search, semantic search

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-80-87

Введение

Объем данных в мире и в Интернете, в частности, растет в геометрической прогрессии [1]. Рост информации опережает рост числа методов извлечения нужной информации. Это отражает проблему обработки больших данных [2; 3], делает актуальным исследование в этой области и разработку методов извлечения информации. Информационный поиск является основным методом извлечения информации [4] в сетях и в информационных системах хранения информации. Можно ввести понятие «информационный сетевой поиск» для выделения технологий информационного поиска в сетевых системах.

Информационный сетевой поиск не дает адекватных результатов по ряду причин.

Первая причина – полисемия (многозначность, многовариантность) поисковых образцов. Она состоит в том, что поисковые паттерны могут иметь разные значения и быть синонимами. Например, «лук». Это растение и орудие для стрельбы. В результате полисемии результаты поиска могут содержать неопределенность и быть нерелевантными.

Вторая причина есть информационная неопределенность разных видов. Информационная неопределенность существует в информационном множестве, в котором проводят поиск. Информационная неопределенность характеризует состояние объекта, который выполняет поиск. Во всех научных исследованиях информационная неопределенность выражается в том, что искомая информация всегда известна только приближенно. Научные исследования характеризует информационная неопределенность [5], которую необходимо уменьшить или устранить. Информационная неопределенность в условиях поиска приводит к неточности или к нерелевантности результатов поиска.

Третья причина неточности поиска является технической. Она связана со временем поиска. Чем длиннее паттерн запроса, тем длительнее время поиска. Чем сложнее паттерн запроса, тем длительнее время поиска. В данном случае сложность определяется числом слов. При нескольких словах возникают комбинаторные задачи сочетаний и перестановок, которые увеличивают время анализа и поиска. Короткий запрос уменьшает время поиска, но увеличивает объем результатов поиска. Длинный запрос комбинаторно увеличивает время поиска, но сокращает объем результатов поиска. На практике средний размер веб-поиска составляет 2–4 слова.

Четвертая причина неточности информационного поиска является когнитивной. Она может быть обусловлена неуверенностью и недостаточной компетентностью пользователя. В этих условиях пользователь часто не уверен в том, что он ищет, пока не увидит результаты. Даже если пользователь знает, что он ищет, он не всегда знает, как правильно семантически составить соответствующий запрос.

Пятая причина заключается в плохом знании родного языка и, как следствие, некорректном использовании терминологических отношений [6] и плохом использовании вспомогательных терминов. Неправильное использование отношений искажает смысл и делает результаты информационного поиска неточными.

Шестая причина неадекватности поиска в том, что широко применяют информационный поиск, который является морфологическим [7]. Пользователь задает морфологический паттерн, смысл которого может отличаться от семантической формы запроса формы. В результате поиска формируется информационное множество по морфологическим, а не по смысловым признакам. Например, специалист в области геодезии задает поисковое слово «триангуляция», имея в виду методы построения геодезической сети. Однако триангуляция имеет множество значений:

- триангуляция в архитектуре есть метод нахождения пропорций и отношений частей здания с помощью треугольников;
- в геодезии триангуляцией называют метод создания геодезической сети на основе треугольников;
- в радиолокации триангуляция есть метод радиопеленгации;
- в математике триангуляция есть процесс разбиения сложной геометрической фигуры на треугольники (симплексы);
- триангуляция в общественных науках – применение трёх методов для измерения одного показателя для надежности результата;
- триангуляция в торговле – правило трех цен;

– триангуляция в психологии (политологии) есть метод манипулирования сознанием субъекта через промежуточного субъекта (авторитет).

В итоге информационный морфологический поиск такого «геодезиста» даст массу результатов, не соответствующих его информационной потребности. Поэтому логичней вместо одного слова задать сложный семантический паттерн «Метод построения геодезических сетей с использованием треугольников». В этом случае результаты поиска будут релевантными.

Можно продолжить перечисление причин неадекватности информационного поиска. Но следует вывод, что эти причины существуют и мотивируют совершенствование существующих методов поиска и разработку новых методов информационного поиска.

Информационный поиск (*information retrieval – IR*) не является однородной технологией [8]. Можно выделить разные виды поиска. Различают информационный поиск сведений (информации), который сводится к нахождению блоков информации или референций (ссылок). Этот поиск есть морфологический и семантический. Его применяют при сборе информации для выполнения аналитических исследований и обзоров. Этот поиск можно классифицировать как технологию «извлечения информации» [9]. Различают информационный поиск в научных исследованиях. Этот поиск направлен на нахождение новых знаний, научных решений или на поиск условий получения знаний и научных решений. Этот поиск является семантическим и онтологическим. Этот поиск можно классифицировать как технологию «извлечения знаний» [10]. Выделяют информационный поиск в патентных исследованиях. Этот поиск направлен на нахождение известных аналогов предлагаемого изобретения. Он направлен на нахождение блоков информации по паттерну. Этот поиск является семантическим.

Важным показателем IR является информационная потребность пользователя, выраженная в форме информационного запроса. Это тема, о которой пользователь хочет знать больше. Ее следует отличать от запроса, т.е. от того, что пользователь вводит в строку поиска информационно-поисковой системы (ИПС). Например, при написании диссертации у аспиранта существует информационная потребность в решении новой научной задачи. Если он на основе анализа найденных научных источников такое решение для себя нашел, то возникает дополнительная информационная потребность проверки его на новизну и на корректность методов решения. Информационные потребности различаются по типам перечисленных выше задач IR.

Технология поиска возникла в области прикладной информатики [11]. IR классифицируют как специализированную информационную технологию. Для реализации IR применяют специализированные ИПС. Преимущество использования глобальных ИПС заключается в том, что они индексируют контент сети Интернет. С другой стороны, базируясь на традиционной модели информационного поиска, они требуют формулирования информационной потребности в виде списка ключевых слов [12].

Анализ публикаций в области информационного поиска свидетельствует о тенденции диверсификации методов поиска информации. Однако значительная часть работ не является целостной. Это обусловлено тем, что в работах отсутствуют четкие требования к выявлению доказательства истинности найденной информации. По существу большинство технологий IR сводится к формальной схеме совпадений морфологических форм. Поэтому обобщение методов и развитие подходов к информационному поиску в настоящее время остаются актуальными задачами.

Целью работы является формальное описание онтологического информационного поиска на основе выделенных критериев наличия неявного знания в исходной информации запросов и таксономии причин появления неявного знания в результатах поиска.

Теоретико-множественный подход к описанию моделей информационного поиска

Можно описать модели поиска с использованием теории множеств. На рисунке 1 дана принципиальная схема информационного поиска в обозначениях теории множеств.

Основой поиска служит информационная потребность, которая на схеме не показана. На основе информационной потребности формируют поисковое множество или в простейшей интерпретации поисковый паттерн (*pat*). Поиск производят в исходном информационном множестве (*information set – IS*). Результатом поиска является множество результатов поиска RIR. Поисковое множество вступает в

информационное взаимодействие (*II1*) с исходным информационным множеством. Информационное множество находится во взаимодействии (*II2*) с RIR. Первое информационное взаимодействие (*II1*) обусловлено и протекает по условиям организации поискового множества. Второе информационное взаимодействие (*II2*) обусловлено и протекает по алгоритмам ИПС [13]. Это два качественно разных взаимодействия в информационном поиске. Во множестве результатов поиска можно выделить три варианта. Они приведены на рисунке 2.

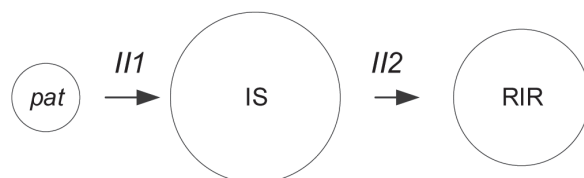

Рисунок 1 – Теоретико-множественная схема IR

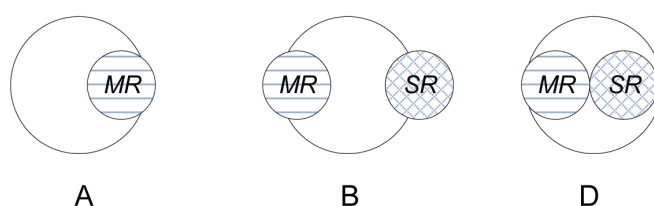

Рисунок 2 – Три варианта результатов IR

Результат поиска, не содержащий релевантные данные, не приведен на рисунке 2. На рисунке 2А показан результат поиска, который называют формальной релевантностью или морфологической релевантностью. На рисунке 2В приведен результат поиска, который называют смысловой релевантностью или частичной семантической релевантностью. На рисунке 2D приведен результат поиска, который называют полной релевантностью, или пертинентностью [11]. Символами обозначены MR – морфологическое соответствие (множество) и SR – семантическое соответствие (множество).

Для формальной релевантности RIRA (рисунок 2А) имеют место отношения

$$RIRA = RIR \cup MR; RIRA \cap MR \rightarrow MR. \quad (1)$$

Для частичной смысловой релевантности RIRB с учетом (1) имеют место отношения

$$RIRB = RIR \cup MR \cup SR; RIRA \cap SR \neq \emptyset. \quad (2)$$

Из выражения (2) следует, что существует частичное семантическое соответствие между результатами поиска и семантическим множеством, которое удовлетворяет информационную потребность пользователя. Расхождение между ними не является пустым множеством, а реально существует.

Для полной релевантности RIRD имеют место отношения

$$RIRD = RIR \cup MR \cup SR; RIRA \cap SR = \emptyset. \quad (3)$$

Из выражения (3) следует, что существует полное семантическое соответствие между результатами поиска и семантическим множеством, которое удовлетворяет информационную потребность пользователя.

Неявные знания и онтологический поиск

Необходимо разграничивать неявные знания и неявную информацию [14]. Например, при статистических исследованиях тренд, который можно вычислить по статистическому ряду, является неявной информацией. Объяснение тренда и закономерность, которую оно отражает, есть неявное знание. Неявная информация может содержать неявное знание.

Причины появления неявных знаний в IR разнообразны. Основная причина в том, что исходное информационное множество содержит неявные знания. IR в сфере научных исследований направлен

на нахождение неявных знаний. Причина появления неявных знаний состоит в неинформированности пользователя и организации некорректного поискового запроса. Причина появления неявных знаний состоит в незнании пользователем области, в которой он ведет информационный поиск. Причина появления неявных знаний состоит также в неумении интерпретировать результаты поиска, протекании скрытых (латентных) процессов, которые меняют ситуацию исследования. В этом аспекте информационный поиск есть инструмент выявления неявных знаний.

Рассмотрим понятие «онтологический информационный поиск» (OIR) [15; 16]. Этот поиск направлен на поиск знаний с применением инструментов онтологии. Применение инструментов онтологии позволяет реализовать имитацию логических рассуждений и возможность автоматически классифицировать и связывать информацию. Это позволяет сузить область поиска решения и соответственно уменьшить время поиска. На рисунке 3 приведена ситуация онтологического информационного поиска.

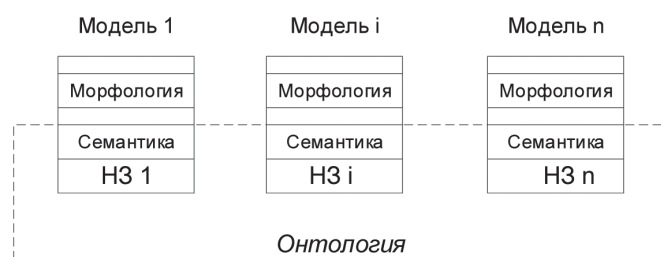

Рисунок 3 – Ситуация онтологического информационного поиска

Принципиальным отличием от IR в OIR является то, что в первом случае ищется некая модель, удовлетворяющая определенным требованиям и информационным потребностям пользователя. При онтологическом поиске частности (морфология) исключаются. При онтологическом поиске исследуется ряд моделей и находится некое обобщение. Для этой цели наиболее подходящей процедурой является метамоделирование [17] как обобщение.

При отсутствии неявных знаний существуют две цепочки отношений для моделей (рисунок 3), которые получены в IR. Они связаны с причиной (*cause*), семантикой (*semantics*), следствием (*effect*). Для каждой модели на рисунке 3 при отсутствии неявных знаний имеет место прямая импликация

$$\text{Cause} \rightarrow \text{semantics} \rightarrow \text{effect} \quad (4)$$

и обратная импликация

$$\text{Cause} \leftarrow \text{semantics} \leftarrow \text{effect}. \quad (5)$$

Выражение (4) есть выдвижение гипотезы. Выражение (5) есть проверка гипотезы. Выражения (4) и (5) справедливы для всех моделей (рисунок 3) при отсутствии неявного знания.

При наличии неявного знания фактически будет действовать цепочка, включающая неявное знание (*tacit knowledge*). В этом случае в реальности будут действовать отношения

$$\text{Cause}_i \rightarrow \text{semantics} \wedge \text{tacit knowledge} \rightarrow \text{effect}. \quad (6)$$

Не имея информации о неявном знании, пользователь будет моделировать ее по схеме (4) вместо схемы (6) для каждой модели. Соответственно проверку он попытается сделать по схеме (5). Но при этом будет получаться результат

$$\text{Cause}_i^* \leftarrow \text{semantics} \leftarrow \text{effect}. \quad (7)$$

В выражении (7) Cause_i^* есть «обратный результат» для каждой модели *i* и для текущей модели. Для такой ситуации будет иметь место следующий эффект:

$$\text{Cause}_i^* \neq \text{Cause}_i. \quad (8)$$

Выражение (8) имеет место для одной *i*-ой модели. Оно означает, что исходная причина процесса не совпадает с моделируемой причиной, т.е.

$$\text{Cause}_i^* \neq \text{Cause}_j^*. \quad (9)$$

Выражение (9) имеет место для разных *i*-ой и *j*-ой моделей. Оно означает, что исходные одинаковые причины разных процессов не совпадают с моделируемыми причинами разных процессов.

Выражения (8) и (9) являются одними из признаков наличия неявных знаний. Онтологический поиск выделяет общность [15; 16]. Он производится не по одной модели, а по нескольким. Если в результате поиска выявляется, что в результатах поиска получают две части: $RIR(int)$ – интерпретируемая и $RIR(nint)$ – не интерпретируемая, то не интерпретируемая часть является индикатором наличия неявных знаний и требует дальнейшего анализа по их выявлению.

Таким образом, традиционный IR ищет информацию или знания как объект или феномен. Онтологический поиск осуществляет обобщение объектов и отношений между ними или формирует спецификацию концептуализации [18]. Онтологический поиск основан на семантическом поиске, соответствии смысла и теории соответствия [19]. В силу этого онтологический информационный поиск позволяет выявлять неявные знания.

Заключение

Проблемой всех видов поиска является сложность поиска, время поиска и объем результатов поиска. Для онтологического поиска эти факторы возрастают, что является препятствием его применения. В то же время как инструмент обобщения и поиска знаний он остается наиболее эффективным методом. Результаты онтологического информационного поиска и морфологического информационного поиска различаются. В морфологическом и семантическом поиске находят объекты и модели. В онтологическом информационном поиске находят обобщения, метамодели, концепции, знания, отношения. Все обобщения описывают группу моделей, процессов или объектов. Онтологический поиск можно рассматривать как один из инструментов нахождения неявных знаний. Подводя итог, следует констатировать: онтологический информационный поиск является перспективным направлением в теории информационного поиска и требует дальнейших исследований в части разработки критериев оценки результатов онтологического поиска. Пока они оцениваются только на когнитивном уровне.

Список литературы

1. Azad H.K., Deepak A. Query Expansion Techniques for Information Retrieval: a Survey // Information Processing & Management. – 2019. – Т. 56, No. 5. – С. 1698–1735.
2. Лёвин Б.А., Цветков В.Я. Информационные процессы в пространстве «больших данных» // Мир транспорта. – 2017. – Т. 15, № 6 (73). – С. 20–30.
3. Hariri R.H., Fredericks E.M., Bowers K.M. Uncertainty in Big Data Analytics: Survey, Opportunities, and Challenges // Journal of Big Data. – 2019. – Vol. 6, No. 1. – P. 1–16.
4. Guo J., Fan Y., Pang L., Yang L., Ai Q., Zamani H. & Cheng X. A Deep Look into Neural Ranking Models for Information Retrieval // Information Processing & Management. – 2020. – No. 57 (6). – DOI 10.1016/j.ipm.2019.102067.
5. Номоконова О.Ю. Информационная неопределенность в информационном взаимодействии // Славянский форум. – 2017. – № 1 (15). – С. 104–110.
6. Тихонов А.Н., Иванников А.Д., Цветков В.Я. Терминологические отношения // Фундаментальные исследования. – 2009. – № 5. – С. 146–148.
7. Курдюков Н.С. Семантика и морфология информационного поиска // Славянский форум. – 2023. – № 4 (42). – С. 46–56.
8. Zamani H., Dumais S.T., Craswell N., Bennett P.N., and Lueck G. Generating Clarifying Questions for Information Retrieval // Proceedings of The Web Conference 2020 (WWW '20), April 20–24, 2020, Taipei, Taiwan. ACM, New York. – New York, 2020. – 11 p. – DOI 10.1145/3366423.338012.
9. Landolsi M.Y., Hlaoua L., Ben Romdhane L. Information Extraction from Electronic Medical Documents: State of the Art and Future Research Directions // Knowledge and Information Systems. – 2023. – Vol. 65, No. 2. – P. 463–516.
10. Zhang Y. et al. Unleashing the Power of Knowledge Extraction from Scientific Literature in Catalysis // Journal of Chemical Information and Modeling. – 2022. – Vol. 62, No. 14. – P. 3316–3330.
11. Поляков А.А., Цветков В.Я. Прикладная информатика. – Москва: Янус-К, 2002. – 392 с.

12. *Ахмадеева И.Р.* Использование онтологии для автоматизации поиска научной информации в сети Интернет // Информационные и математические технологии в науке и управлении. – 2018. – № 4 (12). – С. 42–49. – DOI 10.25729/2413-0133-2018-4-04.
13. *Курдюков Н.С.* Алгоритмическая логистика // Славянский форум. – 2024. – № 1 (43). – С. 154–164.
14. *Цветков В.Я.* Неявное знание и его разновидности // Вестник Мордовского университета. – 2014. – Т. 24, № 3. – С. 199–205.
15. *Sharma A., Kumar S.* Machine Learning and Ontology-Based Novel Semantic Document Indexing for Information Retrieval // Computers & Industrial Engineering. – 2023. – Vol. 176. – P. 108940.
16. *Kurdukov N.S.* Ontologies in Information Retrieval // European Journal of Technology and Design. – 2023. – No. 11 (1). – P. 9–14. – DOI 10.13187/ejtd.2023.1.9.
17. *Цветков В.Я., Булгаков С.В., Тутов Е.К., Рогов И.Е.* Метамоделирование в геоинформатике // Информатика и космос. – 2020. – № 1. – С. 112–119.
18. *Голомазов Д.Д.* Методы и средства управления научной информацией с использованием онтологий: дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.17. – Москва, 2012. – 183 с.
19. *O'Connor D.J.* The Correspondence Theory of Truth. – Routledge, Hutchinson: University Library; London, 2021. – 146 p.

References

1. *Azad H.K., Deepak A.* Query Expansion Techniques for Information Retrieval: a Survey // Information Processing & Management. – 2019. – Т. 56, No. 5. – S. 1698–1735.
2. *Lyovin B.A., Cvetkov V.Ya.* Informacionnye processy v prostranstve «bol'shih dannyh» // Mir transporta. – 2017. – Т. 15, № 6 (73). – S. 20–30.
3. *Hariri R.H., Fredericks E.M., Bowers K.M.* Uncertainty in Big Data Analytics: Survey, Opportunities, and Challenges // Journal of Big Data. – 2019. – Vol. 6, No. 1. – P. 1–16.
4. *Guo J., Fan Y., Pang L., Yang L., Ai Q., Zamani H. & Cheng X.* A Deep Look into Neural Ranking Models for Information Retrieval // Information Processing & Management. – 2020. – No. 57 (6). – DOI 10.1016/j.ipm.2019.102067.
5. *Nomokonova O.Yu.* Informacionnaya neopredelennost' v informacionnom vzaimodejstvii // Slavyanskij forum. – 2017. – № 1 (15). – S. 104–110.
6. *Tihonov A.N., Ivannikov A.D., Cvetkov V.Ya.* Terminologicheskie otnosheniya // Fundamental'nye issledovaniya. – 2009. – № 5. – S. 146–148.
7. *Kurdyukov N.S.* Semantika i morfologiya informacionnogo poiska // Slavyanskij forum. – 2023. – № 4 (42). – S. 46–56.
8. *Zamani H., Dumais S.T., Craswell N., Bennett P.N., and Lueck G.* Generating Clarifying Questions for Information Retrieval // Proceedings of The Web Conference 2020 (WWW '20), April 20–24, 2020, Taipei, Taiwan. ACM, New York. – New York, 2020. – 11 p. – DOI 10.1145/3366423.338012.
9. *Landolsi M.Y., Hlaoua L., Ben Romdhane L.* Information Extraction from Electronic Medical Documents: State of the Art and Future Research Directions // Knowledge and Information Systems. – 2023. – Vol. 65, No. 2. – P. 463–516.
10. *Zhang Y. et al.* Unleashing the Power of Knowledge Extraction from Scientific Literature in Catalysis // Journal of Chemical Information and Modeling. – 2022. – Vol. 62, No. 14. – P. 3316–3330.
11. *Polyakov A.A., Cvetkov V.Ya.* Prikladnaya informatika. – Moskva: Yanus-K, 2002. – 392 s.
12. *Ahmadeeva I.R.* Ispol'zovanie ontologii dlya avtomatizacii poiska nauchnoj informacii v seti Internet // Informacionnye i matematicheskie tekhnologii v nauke i upravlenii. – 2018. – № 4 (12). – С. 42–49. – DOI 10.25729/2413-0133-2018-4-04.
13. *Kurdyukov N.S.* Algoritmicheskaya logistika // Slavyanskij forum. – 2024. – № 1 (43). – С. 154–164.
14. *Cvetkov V.Ya.* Neyavnoe znanie i ego raznovidnosti // Vestnik Mordovskogo universiteta. – 2014. – Т. 24, № 3. – С. 199–205.
15. *Sharma A., Kumar S.* Machine Learning and Ontology-Based Novel Semantic Document Indexing for Information Retrieval // Computers & Industrial Engineering. – 2023. – Vol. 176. – P. 108940.
16. *Kurdukov N.S.* Ontologies in Information Retrieval // European Journal of Technology and Design. – 2023. – No. 11 (1). – P. 9–14. – DOI 10.13187/ejtd.2023.1.9.

17. *Cvetkov V.Ya., Bulgakov S.V., Titov E.K., Rogov I.E.* Metamodelirovanie v geoinformatike // *Informaciya i kosmos*. – 2020. – № 1. – S. 112–119.
18. *Golomazov D.D.* Metody i sredstva upravleniya nauchnoj informaciej s ispol'zovaniem ontologij: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk: 05.13.17. – Moskva, 2012. – 183 s.
19. *O'Connor D.J.* The Correspondence Theory of Truth. – Routledge, Hutchinson: University Library; London, 2021. – 146 r.

РЕГЕНЕРАЦИЯ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ**Цветков Виктор Яковлевич¹,***д-р техн. наук, профессор,**e-mail: cvj2@mail.ru,***Матчин Василий Тимофеевич¹,***e-mail: matchin.vt@gmail.com,*¹*Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), г. Москва, Россия*

Статья описывает и предлагает механизм модернизации сложных систем на основе технологии регенерации. Вводится новое понятие «компонентная сложная система» с целью выделения высокого уровня сложности систем и применения специальных технологий обновления. Статья дает систематику компонентных сложных систем. Показано различие между независимым обновлением компонент и регенерацией компонентных сложных систем. Описаны условия целесообразного применения механизма регенерации для компонентных сложных систем. При регенерации сложной системы основным критерием выбран критерий качества ее функционирования. В качестве основы для соблюдения данного критерия выбраны стандарты ГОСТ Р ИСО/МЭК 25010-2015 и ISO/IEC 25010:2011. В основе этих стандартов заложена модель компонентной тринитарной системы. Статья дает формальное описание информационной компонентной сложной системы и описание процедуры ее регенерации. Для сравнения дано формальное описание аддитивной системы. Результаты исследования являются альтернативой технологиям реинжиниринга. Они могут найти применение в модернизации информационных систем и информационных сервисов, реализуемых на основе современных методов и средств.

Ключевые слова: сложные системы, компонентные системы, информационные системы, обновление, регенерация, эмерджентность

REGENERATION OF COMPLEX SYSTEMS**Tsvetkov V.Ya.¹,***doctor of technical sciences, professor,**e-mail: cvj2@mail.ru,***Matchin V.T.¹,***e-mail: matchin.vt@gmail.com,*¹*Russian Technological University (RTU MIREA), Moscow, Russia*

The article describes and suggests a mechanism for upgrading complex systems based on regeneration technology. A new concept of “component complex system” is introduced in order to highlight the high level of complexity of systems and the use of special update technologies. The article provides a systematics of component complex systems. The difference between independent component renewal and regeneration of component complex systems is shown. The conditions for the expedient application of the regeneration mechanism for component complex systems are described. When regenerating a complex system, the main criterion is the criterion of the quality of its functioning. The standards GOST R ISO/IEC 25010-2015 and ISO/IEC 25010:2011 were chosen as the basis for compliance with this criterion. These standards are based on the model of a component trinitarian system. The article provides a formal description of the information component of a complex system and a description of the procedure for its regeneration. For comparison, a formal description of the additive system is given. The research results provide an alternative to reengineering technologies. They can find application in the modernization of information systems and information services, implemented on the basis of modern methods and tools.

Keywords: complex systems, component systems, information systems, update, regeneration, emergence

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-88-94

Введение

Проблема обновления сложных систем возникает по мере развития технологий и бизнес-процессов организации. Она решается по-разному для разных систем. Например, для обновления информационных систем (ИС) или бизнес-процессов организации применяют технологию реинжиниринга. В общем случае, под реинжинирингом подразумевается глубокая переработка (модернизация) системы. Она, как правило, сводится к замене одних блоков на другие или радикальной замене системы с сохранением необходимой функциональности. Модернизация сложной системы, как правило, связана с риском нарушения взаимосвязей, потери накопленного системного опыта и данных, получения планируемой эффективности на выходе. Данное обстоятельство вызывает необходимость развития существующих и создания новых подходов к обновлению сложных систем с целью повышения результативности.

Одним из новых подходов к обновлению программных комплексов является регенерация [1–3]. Термин «регенерация» близок по смыслу терминам «реинжиниринг» и «обновление», но реализуемый в этом контексте принцип имеет отличительные особенности. Близким по содержанию понятием для него является термин «модернизация».

Для информационных систем (ИС) термин «регенерация» связан с понятием «компоненты». Компонентами ИС являются данные, технологии и программное обеспечение. Соответственно вводят понятия базы данных, технологическое обеспечение (ТО), программное обеспечение (ПО). Новый подход к обновлению ИС состоит в совместном обновлении разных компонент системы с учетом связей между ними.

Целью исследования является систематика сложных систем, определение условий применения механизма регенерации для обновления компонентных сложных систем.

Особенности обновления компонентных систем

Среди различных видов сложных систем можно выделить категориальные или компонентные системы. Все сложные системы относительно однородны на структурном уровне. Они могут декомпонироваться на элементы, части, подсистемы. Однако выделяются сложные системы, составленные из других сложных систем. Для них такого простого разделения недостаточно. Необходимо вводить новые градации деления сложных систем, которые komponуются из более простых сложных систем. Такой градацией могут быть компоненты системы. Сложная система, состоящая из компонентов, называется компонентной сложной системой. В данном случае можно употребить понятие «категориальная система», то есть система, которая включает категориально различные системы.

Необходимо различать аддитивные системы компонентов и сложные компонентные системы. Для компонентной сложной системы (КСС) существует градация, определяющая структуру и структурную вложенность: элементы, части, подсистемы, компоненты (системы). В силу этого компонентная сложная система описывается не планарным, не плоским, а объемным графом или мультиграфом. Компонентные сложные системы могут быть разных видов: информационные (ИКСС), технические (ТКСС), киберфизические (КФСКСС), геоинформационные (ГИСКСС), многоагентные (МАКСС) и др. Каждая из разновидностей КСС имеет свою специфику построения, функционирования и особенности обновления.

Для компонентной сложной системы существуют следующие виды связей: между элементами, частями, подсистемами, компонентами. Совокупность связей обладает целостностью. Поэтому при обновлении КСС возникают более сложные задачи, чем при обновлении сложной аддитивной системы. Сложность возникает в системах, построенных на основе тринитарных моделей, отражающих более сложные тринитарные отношения. Иерархические системы, имеющие структуру планарного графа, имеют один вид сложности – сложность обхода ветвей и листьев. Сложные системы, построенные на основе тринитарных моделей, включают обратную связь, которая может создавать заикливание или паразитные информационные потоки. Это приводит к дополнительным видам сложности, которые необходимо учитывать при обновлении КСС. Таким образом, обновление КСС влечет дополнительные виды сложности [4].

Механизм регенерации компонентной сложной системы

Механизм регенерации рассмотрим на примере информационной компонентной сложной системы. Развитие ИКСС связано с увеличением жизненного цикла (ЖЦ). Модель ЖЦ ИКСС включает функции управления изменениями. В известном руководстве по управлению ИТ-услугами ИТIL эту функцию выполняет подсистема управления изменениями (*change management*) [5; 6]. Она является расширенной и обеспечивает управление изменениями программного обеспечения (*software change management*) [7]. Кроме методологии ИТIL, существуют другие подходы к управлению изменениями в системе. Примерами могут служить COBIT [8] или Microsoft Operational [9].

Для информационных сложных систем связь многих факторов и программного обеспечения делает неэффективным независимое обновление компонент. Для информационной компонентной сложной системы также еще более неэффективно независимое обновление компонент. Такая ситуация требует разработки новой технологии изменения или обновления. Комплексной технологией обновления системы является регенерация. В процессе регенерации не просто заменяется компонент, а заменяется с модернизацией и изменением существующей структуры связей. Поэтому обновление ИКСС является комплексным и не сводится к независимой замене ее компонент. Применение регенерации эффективно для интегрированных информационных систем.

Регенерация КСС учитывает взаимосвязи между компонентами системы, тогда как независимое обновление связано только с заменой части системы. В процессе регенерации КСС заменяются все необходимые составляющие системы: элементы, части, подсистемы, компоненты. Кроме этого, регенерация модернизирует все связи между элементами, частями, подсистемами, компонентами. Основное требование регенерации КСС – это соблюдение баланса устойчивого функционирования модернизированной системы и повышение ее эффективности. Регенерация эффективна для сложных систем, в которых компоненты обладают свойством связанности.

Технология регенерации возникла как ответ на требование реальности. В настоящее время для сложных систем важным фактором является качество функционирования. Информационная КСС характеризуется следующими компонентами: система данных, система технологий или технологическая система, система программ или программная система. Для информационных систем необходимо применять методы стандартизации программного обеспечения и соответствующие ГОСТы. Перечисленные компоненты характеризуют качество функционирования системы. Основой оценки качества информационных систем в настоящее время являются два стандарта [10]:

- 1) отечественный стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 25010-2015 «Информационные технологии (ИТ). Системная и программная инженерия. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения (SQuaRE). Модели качества систем и программных продуктов»;
- 2) зарубежный стандарт ISO/IEC 25010:2011 «Системная и программная инженерия. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения (SQuaRE). Модели качества систем и программного обеспечения».

Стандарты отражают современную концепцию развития программного обеспечения на основе системной и программной инженерии¹. В соответствии со стандартом ГОСТ Р ИСО/МЭК 25010-2015 в системах выделяют три модели качества: модель качества алгоритма, модель качества технологии применения алгоритма, модель качества данных. Для ИКСС это трансформируется в три системные модели качества компонентов: качество технологической системы (технологический компонент); качество системы данных (компонент данных); качество системы программ (программный компонент). Разработка любой системы связана с разработкой модели ее качества.

Появление и применение этих стандартов зафиксировало важный факт. Программное обеспечение (программный компонент, ПК), технологическое обеспечение (технологический компонент, ТК) и система данных (компонент данных, КД) взаимосвязаны (рисунок 1). Их независимое обновление нарушает комплементарность [11] между ними. При независимом обновлении компонент может измениться качество функционирования системы. Регенерация ИКСС – это процесс взаимосвязанного об-

¹ Батоврин В.К. Системная и программная инженерия: словарь-справочник. – М.: Литрес, 2016. – 282 с.

новления ПК, ТК, КД для сохранения и повышения качества интегрированной системы. Особенность схемы на рисунке 1 то, что она является обобщенной тринитарной моделью, которая может содержать внутри компонент локальные тринитарные модели.

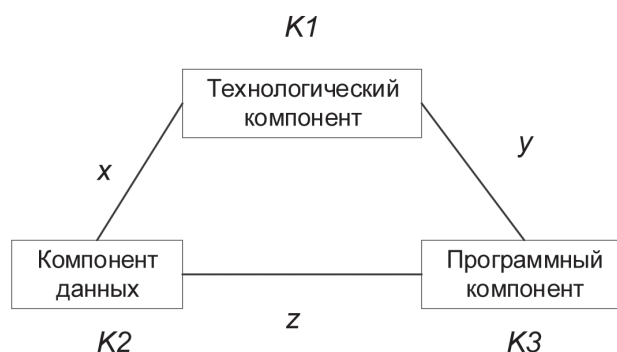

Рисунок 1 – Тринитарная модель ИКСС

Для описания прикладной системы AS можно использовать модель аддитивной системы как совокупность независимых компонент Q

$$AS = f1(p1) + f2(p2) + f3(p3). \quad (1)$$

В выражении (1) приняты следующие обозначения: $f1(p1)$ – функция, которая описывает систему аддитивных технологий; $f2(p2)$ – функция, которая описывает систему программных компонент; $f3(p3)$ – функция, которая описывает системы данных. Совокупность параметров $(p1, p2, p3)$ представляет собой независимые параметры, не связанные друг с другом. В выражении (1) нет связей между компонентами

Для описания ИКСС можно использовать модель системы как совокупности компонент K (рисунок 1).

$$ИКСС = K1(p1) + K2(p2) + K3(p3) + C1(x) + C2(y) + C3(z). \quad (2)$$

В выражении (2): $K1(p1)$ – технологический компонент; $K2(p2)$ компонент данных; $K3(p3)$ – программный компонент; $C1(x)$ – связь $K1$ - $K2$; $C2(y)$ – связь $K1$ - $K3$; $C3(z)$ – связь $K2$ - $K3$.

Изменение только технологического компонента $dИКСС_T$ описывается выражением (3)

$$dИКСС_T = K1' dp1 + C1' dx + C2' dy. \quad (3)$$

В выражении (3) и последующих выражениях апостроф (') обозначает производную. Изменение только программной компоненты $dИКСС_П$ имеет вид

$$dИКСС_П = K3' dp3 + C3' dz + C2' dy. \quad (4)$$

Изменение только компоненты данных $dИКСС_Д$ имеет вид

$$dИКСС_Д = K2' dp2 + C3' dz + C1' dx. \quad (5)$$

Выражения (3–5) описывают ситуации, когда обновляется только одна компонента в силу каких-то особых причин. В реальности для сохранения или повышения качества необходимо использовать требования стандартов [10]. В этом случае регенерация может быть представлена в виде

$$\Delta ИКСС = dИКСС_T + dИКСС_П + dИКСС_Д + Qc. \quad (6)$$

В выражении (6) включена новая функция Qc балансировки или функция комплементарности [3]. Эта функция устанавливает баланс в системе в случае ее рассогласования. Если величины $dИКСС_T$, $dИКСС_П$, $dИКСС_Д$ при обновлении не нарушают общее качество, то величина $Qc \approx 0$.

Взаимосвязь компонент в уравнении (2) мотивирует введение величины поправки, связанной с функцией Qc , которую назовем «добалансировкой». В этом случае выражения (4–6) принимают вид

$$dИКСС_T = K1' dp1 + C1' dx + C2' dy. + \delta Qc1. \quad (7)$$

$$dИКСС_П = K3' dp3 + C3' dz + C2' dy. + \delta Qc2. \quad (8)$$

$$dИКСС_Д = K2' dp2 + C3' dz + C1' dx + \delta Qc3. \quad (9)$$

В выражениях (7–9) величины $\delta Qc1$, $\delta Qc2$, $\delta Qc3$ означают поправки добалансировки или регенерации компонент. Учет величин $\delta Qc1$, $\delta Qc2$, $\delta Qc3$ обеспечивает регенерацию системы даже при обновлении одной из ее компонент. Эти величины являются характеристикой регенерации информационной системы.

Функция Q_c является характеристикой и признаком эмерджентности сложной системы. Аддитивная система в выражении (1) таким свойством не обладает. На практике возникает проблема нахождения и формализации функции Q_c и δQ_c . Одним из решений этой проблемы является применение метамоделирования [12].

Обсуждение результатов

Регенерация компонентной сложной системы или информационной компонентной сложной системы есть новый тип модернизации систем, который качественно отличается от независимого обновления компонент [13]. Она сохраняет качество функционирования КСС и ИКСС.

Опыт исследования сложных систем дает основание ввести понятие «компонентные сложные системы». Наряду с системным анализом они требуют применения теории категорий. Независимое обновление компонент сложной системы влечет дополнительные виды сложности и часто упрощает ее свойства. Регенерация компонентной сложной системы учитывает эти сложности и сохраняет свойство эмерджентности за счет взаимосвязанного изменения компонент. Регенерация является современной технологией модернизации сложных систем.

Регенерация информационных компонентных сложных систем применима не во всех случаях, а при условии тринитарной связи подсистем программного обеспечения, технологического обеспечения и системы данных, а также при условии, что совокупность указанных компонент образует связанную целостную систему. Регенерацию целесообразно применять только при наличии сложных связей между компонентами или частями системы. Если структура сложной системы описана в виде планарного графа, то регенерация не требуется. Если структура системы описывается мультиграфом или объемным графом, то для ее обновления необходима регенерация.

В отличие от разрозненного обновления данных, программ и технологий, технология регенерации позволяет учитывать взаимосвязь параметров информационной системы. Эта взаимосвязь требует учитывать условие комплементарности и решения задачи локальной оптимизации для нахождения комплементарного решения. Принципиальным отличием регенерации от независимого обновления систем является соблюдение отношений комплементарности и сохранения эмерджентности системы.

Заключение

Вводится новое понятие «компонентная сложная система» с целью выделения высокого уровня их сложности и применения специальных технологий обновления. Компонентные сложные системы построены на основе тринитарных моделей, отражающих более сложные тринитарные отношения. Приводится обоснование применения технологии регенерации для их обновления. Регенерация рассматривается как процесс взаимосвязанного обновления компонент системы и модернизации всех связей между элементами, частями, подсистемами, компонентами. Показано отличие обновления компонентной сложной системы и аддитивной системы, для которой применяется независимое обновление компонент. Выделены условия целесообразности применения технологии регенерации для обновления сложных систем. Регенерация информационных компонентных сложных систем применима не во всех случаях, а при условии тринитарной связи подсистем программного обеспечения, технологического обеспечения и системы данных, а также при условии, что совокупность указанных компонент образует связанную целостную систему. Представлено формализованное описание процесса регенерации компонентной сложной системы на примере информационной системы. Оно позволяет выделить характеристики регенерации и выполнить системные условия процесса.

Применение результатов данного исследования направлено на повышение эффективности проектных решений в сфере модернизации информационных систем и информационных сервисов организации.

Список литературы

1. *Господинов С.Г.* Регенерация данных систем искусственного интеллекта // Славянский форум. – 2020. – № 2 (28). – С. 24–33.
2. *Матчин В.Т.* Регенерация программных компонент вычислительных комплексов. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2020. – 125 с.
3. *Матчин В.Т.* Применение эволюционного моделирования для регенерации программного обеспечения // Образовательные ресурсы и технологии. – 2019. – № 4 (29). – С. 42–52.
4. *Цветков В.Я.* Основы теории сложности: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 145 с.
5. *Marrone M., Gacenga F., Cater-Steel A. & Kolbe L.* IT Service Management: A Cross-national Study of ITIL Adoption // Communications of the Association for Information Systems. – 2014. – Vol. 34. – P. 865–892. – DOI 10.17705/1CAIS.03449.
6. *Albulescu M.* Implementing Itil Methodology within a Company. A Survey on 10 Organizations about the Pre-Implementation, during and after-Implementation Period // Proceedings of the International Management Conference, Faculty of Management, Academy of Economic Studies. – Bucharest. – 2020. – Vol. 14 (1). – P. 43–52.
7. *Ghosh S.M., Sharma H.R., Mohabay V.* A study of software change management problem // International Journal of Database Theory and Application. – 2011. – Vol. 4, No. 3. – P. 39–48.
8. *Amorim A.C. et al.* Using Agile Methodologies for Adopting COBIT // Information Systems. – 2021. – Vol. 101. – P. 101496. – DOI 10.1016/j.is.2020.101496.
9. *Dhiaf M.M. et al.* Thirteen Years of Operations Management Research (OMR) // Journal: a Bibliometric Analysis and Future Research Directions Operations Management Research. – 2021. – Vol. 14. – P. 235–255.
10. *Зайцев К.А., Изотов С.А., Миньков С.Л.* Сравнительный анализ характеристик качества программного обеспечения по стандартам ISO/IEC 9126 (2001) и ISO/IEC 25010 (2015) // Инноватика-2019: сборник материалов XV Международной школы-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 25–27 апреля 2019 г. – Томск, 2019. – С. 383–387. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000672555> (дата обращения: 12.01.2024). – Текст: электронный.
11. *Щенников А.Н.* Комплементарное управление транспортными потоками мегаполиса // Наука и технологии железных дорог. – 2019. – № 3 (11). – С. 17–25.
12. *Цветков В.Я., Булгаков С.В., Тутов Е.К., Рогов И.Е.* Метамоделирование в геоинформатике // Информатика и космос. – 2020. – № 1. – С. 112–119.
13. *Матчин В.Т.* Регенерация бортовых баз данных // Наука и технологии железных дорог. – 2019. – № 4 (12). – С. 20–29.

References

1. *Gospodinov S.G.* Regeneraciya dannyh sistem iskusstvennogo intellekta // Slavyanskij forum. – 2020. – № 2 (28). – S. 24–33.
2. *Matchin V.T.* Regeneraciya programmyh komponent vychislitel'nyh kompleksov. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2020. – 125 s.
3. *Matchin V.T.* Primenenie evolyucionnogo modelirovaniya dlya regeneracii programmno obespecheniya // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. – 2019. – № 4 (29). – S. 42–52.
4. *Cvetkov V.Ya.* Osnovy teorii slozhnosti: monografiya. – Moskva: INFRA-M, 2024. – 145 s.
5. *Marrone M., Gacenga F., Cater-Steel A. & Kolbe L.* IT Service Management: A Cross-national Study of ITIL Adoption // Communications of the Association for Information Systems. – 2014. – Vol. 34. – P. 865–892. – DOI 10.17705/1CAIS.03449.
6. *Albulescu M.* Implementing Itil Methodology within a Company. A Survey on 10 Organizations about the Pre-Implementation, during and after-Implementation Period // Proceedings of the International Management Conference, Faculty of Management, Academy of Economic Studies. – Bucharest. – 2020. – Vol. 14 (1). – P. 43–52.
7. *Ghosh S.M., Sharma H.R., Mohabay V.* A study of software change management problem // International Journal of Database Theory and Application. – 2011. – Vol. 4, No. 3. – P. 39–48.

8. *Amorim A.C.* et al. Using Agile Methodologies for Adopting COBIT // Information Systems. – 2021. – Vol. 101. – P. 101496. – DOI 10.1016/j.is.2020.101496.
9. *Dhialf M.M.* et al. Thirteen Years of Operations Management Research (OMR) // Journal: a Bibliometric Analysis and Future Research Directions Operations Management Research. – 2021. – Vol. 14. – P. 235–255.
10. *Zajcev K.A., Izotov S.A., Min'kov S.L.* Sravnitel'nyj analiz harakteristik kachestva programmogo obe-specheniya po standartam ISO/IEC 9126 (2001) I ISO/IEC 25010 (2015) // Innovatika-2019: sbornik ma-terialov XV Mezhdunarodnoj shkoly-konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, Tomsk, 25–27 aprelya 2019 g. – Tomsk, 2019. – S. 383–387. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000672555> (data obrashcheniya: 12.01.2024). – Tekst: elektronnyj.
11. *Shchennikov A.N.* Komplementarnoe upravlenie transportnymi potokami megapolisa // Nauka i tekhnologii zheleznyh dorog. – 2019. – № 3 (11). – С. 17–25.
12. *Cvetkov V.Ya., Bulgakov S.V., Titov E.K., Rogov I.E.* Metamodelirovanie v geoinformatike // Informaciya i kosmos. – 2020. – № 1. – С. 112–119.
13. *Matchin V.T.* Regeneraciya bortovyh baz dannyh // Nauka i tekhnologii zheleznyh dorog. – 2019. – № 4 (12). – С. 20–29.

УДК 37.032

ГЕНЕЗИС НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (ОТ ПЕРВОБЫТНОГО МИРА ДО ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ)

Флеров Олег Владиславович¹,

канд. пед. наук, доцент,

e-mail: olegflerov2964@gmail.com,

¹Институт экономики и управления в промышленности, г. Москва, Россия

Настоящая работа преследует в качестве цели анализ эволюции педагогических представлений об информационной культуре личности от условий информационного вакуума до информационной стихии. В статье используется метод векторного анализа, которому подвергаются как тенденции научных исследований, так и обуславливающие их социально-информационные факторы. Помимо этого, в работе применены метод абстрагирования, позволяющий выделить педагогическую сущность общенаучного феномена и метод синтеза, позволяющий выделить содержательно значимые этапы в эволюции понимания информационной культуры как педагогически формируемого качества. Несмотря на обилие научного материала, посвященного информационной культуре, не наблюдается широкого применения историко-педагогического подхода к её анализу, вероятно, ввиду априорного восприятия информационных технологий как современного явления. Представленные выше соображения определяют актуальность и методологическую новизну работы. В результате исследования автор приходит к выводу, что этапы развития педагогических представлений об информационной культуре не полностью совпадают с этапами традиционно принятой концепции четырех информационных революций, хотя и коррелируют с ними, потому что для педагогического знания важно не просто формальное наличие той или иной технологии, но и массовое её распространение и вхождение в жизнь человека не на профессиональном, а на социальном уровне.

Ключевые слова: информационная культура, цифровая культура, цифровая платформа, цифровое пространство, информатизация, цифровизация

THE GENESIS OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL IDEAS ON INFORMATION CULTURE (FROM THE PRIMEVAL WORLD TO DIGITAL PLATFORMS)

Flerov O.V.¹,

candidate of pedagogical sciences, associate professor,

e-mail: olegflerov2964@gmail.com,

¹Institute of Economics and Management in Industry, Moscow, Russia

The purpose of the work is to analyze the evolution of pedagogical ideas of the personality's information culture concept from information vacuum to the information as an element. The article uses vector analysis that covers both trends in scientific research and socio-informational factors that determine them. In addition, the method of abstraction that allows us to identify the pedagogical essence of the general scientific phenomenon and the method of synthesis as well are used in the work. The latter allows us to identify significant stages in the evolution of understanding information culture as a pedagogically formed quality. Despite the abundance of scientific material dedicated to information culture there is no widespread use of a historical and pedagogical approach to its analysis probably due to the a priori perception of information technology as a contemporary phenomenon. These considerations determine the relevance and methodological novelty of the work. The author comes to the conclusion that the stages of information culture as pedagogical concept do not completely coincide with the stages of the traditional idea of the four information revolutions, although they correlate with them as for

pedagogical knowledge not only the formal availability of a particular technology is important but its mass use on a social level as well.

Keywords: information culture, digital culture, digital platform, digital space, informatization, digitalization

DOI 10.21777/2500-2112-2024-1-95-105

Введение. Информационная культура как точка слияния технического и гуманитарного знания: постановка проблемы

Широко известно, что слова «информация» и «культура» являются одними из тех, что легко понимаются с общеязыковой, но сложно определяются с точки зрения научной сущности. Мы позволим себе несколько отойти от традиционных канонов и не будем перегружать текст общедоступными определениями (в том числе словарными), а лишь отметим, что в гуманитаристике культура понимается в наиболее общем виде как уровень развития. Более детальное её понимание зависит уже от конкретной научной парадигмы. В педагогике, разумеется, о культуре говорится применительно к культуре личности как о развитии человека. Культура здесь – это макроединица, включающая в себя все качества – от мировоззренческих до простейших операциональных, относящихся к какой-либо деятельности, сфере жизни и пр. Так мы можем говорить о культуре профессиональной, социальной, исследовательской, физической и т.д.

Формирование категориального понимания культуры информационной становится всё более сложным по причине того, что в последнее время понимание самой информации выходит за традиционные пределы концепта данных, сведений, знаний и пр. о мире. Сегодня информация – это уже сам мир. В процессе эволюции от «информации о мире» мы перешли к «миру информации», а сейчас есть признаки перехода к «миру-информации». Это ярчайший пример того, как один языковой знак – дефис, выражающий грамматическую смену падежного отношения концептов к их смысловому слиянию, обозначил, вероятно, одну из самых больших трансформаций в истории. Действительно, сегодня есть явные признаки перехода от модели существования данных в пространстве сознания к сознанию в пространстве данных. В таких условиях информационная культура, традиционно понимаемая в первую очередь как когнитивная, интеллектуальная характеристика человека, начинает всё больше выступать в первую очередь как социальная или даже экзистенциальная.

Несмотря на то, что информация приобрела доминирующие средовые признаки уже более десяти лет назад, информационная культура как свойство личности, обеспечивающее успех в информационной деятельности, по-прежнему анализируется в первую очередь в интеллектуальной парадигме во многом благодаря богатым советским педагогическим традициям, заложенным в эпоху расцвета методики обучения информатике как учебного предмета, о чём будет рассказано ниже.

Так, до сих пор часто встречающиеся штампы о переживаемой нами эпохе информационных технологий, инноваций, прорывов и пр. представляются некоторым преувеличением. Значимая информационная инновация в XXI веке – это единая цифровая среда. Все остальные информационные технологии, пусть и на более низком уровне развития, были доступны во второй половине XX века, а некоторые – даже в первой, да ещё и с корнями в веке XIX.

Следовательно, во взаимодействии с информацией, с информационными технологиями, источниками, ресурсами и потоками человеком накоплен уже очень существенный исторический опыт, позволяющий осмыслить их не только на уровне функциональных качеств, но и на уровне социальной, личностной значимости, роли в жизни и пр. Без этого невозможно развитие концепта информационной культуры в педагогике, поскольку личностная значимость есть условие трансформации данных в подлинное знание, с дальнейшей трансформацией в понимание, умения, навыки, компетенцию и, наконец, культуру.

В настоящей работе мы преследуем цель анализа эволюции педагогических представлений об информационной культуре от условий информационного вакуума до информационной стихии.

Указанная цель предполагает решение ряда задач, в который входит выявление и обоснование этапов развития рассматриваемых представлений; выявление значимых факторов их развития на каж-

дом интервале на основе описания социально-информационной ситуации; обзор исследований и выявление их общих векторов, в том числе и новых для каждого исторического периода.

Материалы и методы исследования

Несмотря на обилие общего публикационного материала по вопросам информационной культуры, системных исследований сугубо педагогического характера наблюдается значительно меньше. В основе источниковой базы нашего исследования лежат диссертационные работы по педагогическим наукам как с информационной культурой в качестве прямого объекта исследования, так и исследующие смежные информационно-значимые качества личности за период с 1980-х по 2020-е годы. Помимо этого мы рассматриваем фундаментальные научные труды, посвященные явлению информатизации как источниковую предпосылку анализа информационной культуры на специализированном педагогическом уровне; а также труды классиков педагогики как предтечу её системного научного осмысления в образовании.

Информационно-педагогический анализ, таким образом, имеет характер векторного, так как ему наравне с тенденциями научных исследований подвергаются и обуславливающие их социально-информационные факторы. Помимо этого, в работе применены метод абстрагирования, позволяющий выделить педагогические стороны рассматриваемых гуманитарных явлений и процессов, а также метод синтеза, позволяющий выявить содержательно значимые этапы в эволюции понимания информационной культуры как педагогически формируемого качества наравне с потенциальными, не в полной мере реализованными к настоящему моменту направлениями исследований.

Исходя из изложенных выше соображений мы можем заключить, что методологическая ценность информационной культуры как объекта исследования состоит в том, что она как феномен и как концепт, возможно, лучше всего связывает две принципиально разные и во многом противоположные плоскости научного знания – гуманитарную и технологическую.

Периодизация развития представлений об информационной культуре личности

1. Доинституциональный этап. С информацией человек сталкивался с самого зарождения его как биологического вида, собственно, само слово *sapiens* в его названии произошло от латинского глагола *sapere*, одно из значений которого – «понимать». Поскольку критическая оценка окружающей действительности есть ключевая черта человека по сравнению с другими биологическими существами, можно утверждать, что зачатки информационной культуры стали формироваться уже в первобытную эпоху. Процесс передачи даже примитивных знаний требовал уже на тот момент пусть и очень лёгких операций, связанных со сбором информации, её запоминанием (хранением в сознании) и передачей следующему поколению. Передача информации о примитивной по сравнению с цивилизацией окружающей действительности и способах деятельности фактически представляет собой самые первые формы доинституционального образования с учётом сущности образования в целом как социального института, нацеленного на воспроизводство общества.

На данном весьма продолжительном с исторической точки зрения этапе, границей которого служит появление школ и профессионализация педагогического ремесла как социально значимой информационной деятельности, возможно говорить лишь о зачатках информационной культуры по причине отсутствия хотя бы относительно единых критериев понимания уровня её развития и соответствующей системы оценки.

Тем не менее, осмысленное отношение к действительности является ключевой и первой характеристикой, объединяющей информационные качества человека первобытной и цифровой эпох. Принцип осознанности, что фактически означает осмысленности, лежит в основе дидактики с тех пор, как эта сфера получила научное обоснование (Я. Коменский, 1657). Это понимание актуализируется сегодня по причине того, что цифровая эпоха – первая в информационной истории, когда этот принцип, определяющий не только обучение, но и в целом существование человека и отношение его с миром,

нарушается на системном уровне. К настоящему времени можно утверждать, что у людей развилась «цифровая привычка», то есть тяга потреблять информацию (заходить в интернет) без практической и личностно-развивающей необходимости.

2. В качестве следующего этапа развития информационной культуры в историко-педагогической преемственности социума мы выделим **дотехнологический**. Этот этап объединяет в себе несколько исторических эпох – от появления школ как первых форм организации институционального образования до развития СМИ, в особенности до появления технологической возможности ретранслировать информацию в аудио- и видеоформате, то есть речь идёт о массовой доступности радио и телевидения.

Верхней границей этого этапа выступает, очевидно, середина двадцатого века, то есть информатизация как тренд и переход к информационному обществу. Нижнюю границу однозначно определить едва ли представляется возможным, поскольку появление школ зависело от уровня цивилизационного развития в разных уголках мира, который в ту эпоху был крайне неравномерным. Разные исторические эпохи объединяются в один информационно-педагогический этап на основе понимания того, что основными информационными источниками в рамках образовательной практики для человека были педагог и книга. При этом эти источники взаимосвязаны, поскольку педагог сам черпал знания из книг, а позже, когда книги стали доступны в массовом порядке после развития книгопечатания, – учил работать с книгой.

Основным отличием информационных потоков этого периода по сравнению с доинституциональным является профессионализация информационных источников и информационной деятельности, что обусловило их минимальный гарантированный уровень качества. Появилась возможность выделять данную информацию как более авторитетную по сравнению с той, что поступает из повседневной социальной среды. Это, в свою очередь, определило целенаправленность и содержательную насыщенность как новые характеристики информационных потоков.

С учётом пусть и более педагогически целенаправленных и содержательно насыщенных, но по-прежнему очень неинтенсивных информационных потоков информационная культура как отдельное свойство человека не выделялась, а вопросы её развития сводились к вопросам значимости чтения для насыщения интеллектуального и духовного мира личности.

Вопросы обучения чтению, причем не только в плане освоения грамоты, но и обучения работе с книгой и воспитание ценностного к ней отношения занимали центральное место, в том числе и в отечественной педагогике. Значимость чтения как развивающего вида деятельности акцентировалась в трудах с самых истоков её научного развития.

В данном контексте представляет интерес работа Е.В. Белиной [1], в которой автор приходит к выводу, что именно с начала реформ Петра возникает принципиально новое отношение к чтению именно как к средству повышения уровня образования, получения знаний и, как следствие, формируется новая функция чтения – утилитарная, в то время как до этого основной функцией чтения была эзотерическая. Фактически это означает переход к научно-образовательному пониманию чтения, уже максимально приближенному к современной информационной деятельности. Так, автор со ссылкой на Ю.П. Мелентьеву [2] отмечает, что «Именно на этом этапе в статьях известных ученых XVIII века (В.Н. Татищева, Х.А. Чеботарева, М.В. Ломоносова) появляются советы и рекомендации читателю для формирования “качественного чтения”, которые можно считать первыми рекомендациями по формированию “культуры чтения”» [1].

Постепенно общество приобретает не только новые знания, издательская и просветительская деятельность формирует читательские вкусы, можно сказать, культуру чтения того времени. К концу XVIII века сформировалась очевидная разница между умением читать и быть читателем (что, по нашему мнению, является первой принципиальной дифференциацией операциональных и мировоззренческих аспектов восприятия информации, идущих в унисон с пониманием информационной культуры как усложненного личностного конструкта на более поздних этапах – *примеч. авт.*). В истории русской культуры с X по XVIII век были заложены основы понятия «культура чтения», основными элементами которого в XVIII веке стали: выбор книги, соотнесение книги и цели чтения; умение понимать текст, умение закреплять прочитанное [1; 2]. В этой же работе отмечается, что в следующем XIX веке чтение приобретает уже новую функцию – самообразовательную, что идёт в унисон с развитием представле-

ний о значимости самообразования и саморазвития в условиях распространения и доступности книг. В частности, отмечается, что «основной задачей чтения выступает “приучения к чтению широких слоев народа”, а главное формирование культуры чтения. ... Проблема культуры чтения в это время связывается с проблемой поиска нужной книги и умением пользоваться книгой для самообразования. Понятие “культура чтения” было обогащено в этот период привнесением таких элементов, как “любовь и привычка к чтению”, “методы чтения”, “приёмы чтения”» [1; 2]. Последнее подразумевает ещё более детальное разграничение операциональных и мировоззренческих аспектов работы с информацией, о которых говорилось выше.

3. Информатизационный этап. Этим этапом мы называем период от становления информационного общества до массовой доступности сетевых технологий. На фоне развития постиндустриального мира с ростом числа и интенсивности социально-коммуникативных контактов и взаимодействий информация приобрела, помимо личностного, социальное значение. В отличие от прежних эпох полноценная жизнедеятельность без вступления в активный информационный обмен стала практически невозможной. Развитие электронных технологий стало существенно упрощать обработку информации, открывая тем самым «информационные шлюзы», что привело к необходимости введения в научный дискурс термина «информатизация», который фактически обозначил рассматриваемую трансформацию социума и «официально зафиксировал» ключевую роль информации в жизни человека и его развитии.

В таких условиях появилась методологическая необходимость выделения и обоснования значимых с точки зрения этого развития личностных качеств, основным из них стала информационная культура.

Обратимся к работе С.А. Афанасьева [3], анализировавшего зарождение понимания феномена информационной культуры в методологической парадигме. Исследователь справедливо отмечает, что педагогический подход к изучению информационной культуры возник на основе трёх основных направлений в её феноменологическом изучении: социально-философского, информационного и культурологического. Так, информационная культура в личностном аспекте, то есть как объект сугубо педагогического исследования, выделилась в науке уже ближе к концу XX века, в том числе по причине введения информатики как дисциплины в программы общего образования, которое в нашей стране произошло в 1985 году [4].

Одними из первых, кто обратился к проблеме информационной культуры, были разработчики концепций информационного общества, которыми она рассматривается как необходимый механизм формирования информационной цивилизации. Мы разделяем мнение С.А. Афанасьева в том, что такой подход носит в большей степени методологический, общеполитический характер, вооружающий исследователей методологией изучения информационного общества в целом. К таким работам можно отнести труды зарубежных авторов Д. Белла, М. Кастельса, М. Маклюэна, Э. Тоффлера и др. и отечественных учёных, в частности, Б.С. Иноземцева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева и др. [5–11].

Ещё раз подчеркнем, что в первых работах по информационной культуре она рассматривается исключительно в социально-исторической парадигме, в первую очередь, как результат постиндустриальной трансформации и как основное свойство нового общества с всевозрастающей ролью информации в различных видах социальных взаимодействий. В целом трактовка информационной культуры здесь полностью коррелирует с обобщенной трактовкой культуры в целом как исторически обусловленного уровня развития общества.

Несколько ближе к педагогическому пониманию с развитием такой науки как информатика становится последующее рассмотрение информационной культуры как совокупности знаний и умений работы с информацией с помощью компьютеров, а также изучение феномена информации как общенаучной категории. Это стало основой для исследований, в которых информационная культура уже рассматривается как культура личности ученика, студента, педагога, специалиста и пр.

Первое системное описание информационной культуры с чисто педагогических позиций в отечественной науке содержится в работах И.Я. Лернера «Дидактические основы методов обучения», где автор понимает её как составную часть общеучебных знаний и умений, необходимых для усвоения знаний и умений в другой предметной области; в труде А.П. Ершова «Школьная информатика в СССР: от грамотности к культуре», в котором автор рассматривает информационную культуру как совокуп-

ность умений строить простые математические модели, применять простые алгоритмы для построения математических моделей, программировать, пользоваться основными пакетами операционных систем и прикладных программ для решения практических задач, интерпретировать полученные при помощи ЭВМ результаты и применять их на практике; в монографии А.П. Суханова «Информация и прогресс» с трактовкой информационной культуры как личностной характеристики человека эпохи компьютеризации [12], а также в последующих книгах, изданных в рамках данной научной школы (г. Новосибирск) «Твоя информационная культура» (Г.Г. Воробьёв) и в сборнике «Информатика и культура» [13].

Существенным содержательным признаком данных работ выступает то, что информационная культура рассматривается уже как готовность человека к жизни в информационном обществе, формируемая средствами педагогического процесса.

Основная качественная характеристика этого этапа – массовость, технологическая и содержательная диверсификация информационных потоков даже на фоне информационного насыщения ещё все равно не означала полной «свободы информационного поведения». Траектории потребления информации были сравнительно ограничены пространственно-временными параметрами её преподнесения (время выхода передачи, день выхода журнала, время появления газеты в киоске или ящике, время работы библиотеки, книжного, аудио- или видеомagasина и пр., а также нахождение потребителя относительно желаемого источника информации).

В результате технологического прогресса и массового производства электроники в конце XX века среднестатистическому человеку стали доступны возможности записи аудио- и видеоинформации (аудиокассеты, VHS, CD), в том числе и в своё отсутствие (функция таймера) с возможностью просмотра и перепросмотра в любое время и длительного хранения по своему усмотрению. Эти технические возможности явились предпосылкой основной информационной трансформации XXI века – кастомизации информации и траекторий информационного поведения.

4. Сетевой этап. Данный этап в нашей периодизации охватывает 2000-е годы, то есть период становления интернета как массового явления, определяющего нашу профессиональную, учебную, социальную и повседневно-бытовую деятельность до сих пор.

За десять лет сетевое информационное пространство прошло эволюцию в массовом сознании от статуса диковинки до максимально надёжного источника. Если в начале 2000-х фраза «это из интернета» означала фактически «это не точно, это требует проверки», то к началу 2010 она подразумевала едва ли «это не истина в последней инстанции». Такое небывалое доверие информационный источник завоевал исключительно благодаря технологическому удобству пользования, и это стало, вероятно, первым в истории слиянием в массовом сознании двух совершенно разных параметров информации – её формы и содержания.

Технологические возможности интернета определили в начале века принципиально новую особенность взаимодействия пользователя с информацией, а именно кастомизацию информационных траекторий согласно собственным предпочтениям. Так, если прежде человеку достаточно было только заявить свои интересы, например, подписавшись на журнал, а ответственность за наполнение информационно-личностного поля читателя брала профессиональная редакция, которой он, по сути, доверял свое развитие, то теперь эта ответственность полностью легла на плечи самого пользователя.

Разумеется, лучше всего справиться с ней смогли люди с высоким уровнем развития информационной компетенции, которые сочетали интернет с традиционными ресурсами, ограниченно вплетая его в свою жизнь. Полное погружение в интернет способствовало в свою очередь развитию так называемого клипового мышления. В условиях возможности получить всё и сразу люди стали слишком активно переключать информационный фокус, что привело к постепенному переходу на максимально короткие информационные продукты с соответствующим снижением их содержательного качества.

С точки зрения содержания информации интернет на рассматриваемом этапе фактически вторгся традиционные источники и выполнял в первую очередь справочную функцию. Цифровое пространство стало принимать социально-коммуникативный статус с развитием социальных сетей, то есть уже во второй половине десятилетия, в то время как массовым явлением интернет-коммуникация стала уже на пороге 2010-х годов, превратившись позже в стихию с развитием мобильных мессенджеров. К концу же второго десятилетия сетевое общество, по сути, станет проекцией реального социума.

Ещё одним фактором сетевого пространства, определившего информационное развитие человека, стал прогресс поисковых систем, которые фактически исключили время и усилия, затрачиваемые на поиск информации из параметров, определяющих когнитивные траектории.

Завоевание интернетом статуса основного информационного источника породило необходимость осмысления возможностей его использования в учебном процессе. Принципиальным методологическим отличием данного этапа от предыдущих является то, что в исследованиях из общей совокупности обеспечивающих информационную деятельность качеств человека отпочковывается понятие «информационная компетенция (компетентность)», которая предстаёт весьма популярным предметом исследования вплоть до сегодняшнего дня.

С методологической точки зрения это, по нашему мнению, обусловлено в первую очередь усложнением информационных технологий с необходимостью объединять линейно-алгоритмизированные операциональные качества в более сложные педагогические единицы с включением в них готовности и способности как уже личностных характеристик, но всё же едва ли претендующих на культурно-мировоззренческую сущность. Кроме того, вероятно, происходит некая подсознательная дифференциация культуры как традиционного понятия и компетентности как качества человека нового века с его ускоряющимися ритмами, эффективностью и результативностью как социальными и жизненными ориентирами.

Предтечей обозначенного перехода, как мы полагаем, является появление определяющего слова «информационно-коммуникационный (-коммуникативный)» вместо просто «информационный» относительно рассматриваемых предметов исследования, что со смысло-содержательной точки зрения ставит информационный обмен наравне с потреблением информации. Так повседневная информационная деятельность человека впервые системно начинает рассматриваться не как активность, а как интерактивность.

Рассмотрение интернет-технологий как стабильного объекта педагогических исследований в контексте развития личности средствами сетевого пространства уже фактически означает выделение цифровой информационной культуры как отдельного качества личности. Однако подобный термин в первое десятилетие века ещё не фигурировал, скорее, говорилось об информационной культуре в традиционном понимании с учётом точечного влияния сетевых технологий на её развитие. Так, интернет мыслился именно как средство обучения и развития информационной культуры, а не как пространство.

Нулевые годы стали промежуточным, можно сказать демаркационным этапом между доцифровой и цифровой эпохами, если под цифровизацией понимать не техническое наличие цифровых технологий, а вхождение их во все системы социальных отношений с явными признаками парадигмальной роли. К концу нулевых человек находился уже в условиях информационных потоков, которые приобрели признаки стихии. Эта стихия, тем не менее, ещё сдерживалась последними факторами – стационарностью компьютера и неэргономичностью ноутбука или КПК как мобильного устройства и, напротив, неэргономичностью мобильного телефона как постоянного средства сетевой навигации.

5. Мобильно-цифровой этап. Мы определяем границу проживаемого нами этапа не от формального появления смартфона как основного сопровождающего устройства, определившего облик и стиль существования современного человека в самых разных ипостасях, возможно, на очень долгое время, а всё же с начала 2010-х, поскольку смартфоны как аппараты, открывшие комфортный доступ в цифровой мир всегда и везде, вошли в нашу жизнь не сразу.

Распространение устройств лёгкого и комфортного доступа к цифровой среде шло в унисон с её собственными трансформациями, ещё больше стимулирующими теперь уже не просто потребление и обмен, но и продуцирование информации, в первую очередь – платформизацией.

Если поисковые системы исключили затрату времени на доступ к информации на количественном уровне, то цифровые платформы сделали это на уровне качественном. Если в 2000-х после получения результатов запроса пользователю всё равно приходилось выбирать из релевантных сетевых ресурсов, то теперь он «заранее знает своё любимое место». Цифровая платформа как модель, обеспечивающая взаимодействие производителя и потребителя исключительно, успешно вписалась в систему производства и потребление информации как продукта.

Такие изменения, трансформировавшие взаимодействия человека с информацией, не на количественном (как в прежние эпохи), а на качественном уровне позволяют говорить о цифровой информационной культуре как о новом свойстве.

На рассматриваемом этапе в педагогических исследованиях впервые начинает появляться слово «цифровой». Несмотря на то, что с точки зрения физики это некорректно (не все электронные устройства цифровые), в общезыковом и гуманитарном понимании слова «цифровой» и «электронный» воспринимаются как синонимы. Поэтому введение в педагогический дискурс схожего термина открывает новую парадигму взаимодействия субъектов образовательного процесса с технологиями.

Тем не менее, о культуре как о макропедагогической единице относительно человека в сетевом пространстве по-прежнему в большинстве случаев говорится как об информационной в традиционном методологическом понимании. Однако отметим, что начинают появляться труды по педагогической тематике с именно цифровой культурой в качестве объекта исследования.

Новой также выступает тенденция появления работ, в которых на предметно-исследовательском уровне фигурирует среда (электронная, цифровая, информационная и пр.). Это обусловлено, во-первых, активным внедрением технологий дистанционного обучения и электронных информационно-образовательных сред (ЭИОС) образовательных учреждений; а во-вторых – намечающимся методологическим переходом от понимания цифровой среды как средства развития личности к пространству этого развития.

Следует заметить всё же, что под цифровой средой в фундаментальных педагогических работах пока понимается в первую очередь среда образовательного учреждения. Так, институциональность как основной признак современного образования до сих пор «удерживает свои позиции» в информационно-педагогическом проблемном поле. Мы полагаем, тем не менее, что на сегодняшний момент есть все предпосылки перехода к рассмотрению внеинституциональной цифровой среды и развития человека в её условиях на научно-педагогическом уровне.

Представленный в данном разделе материал демонстрирует, что, несмотря на введение в педагогический дискурс цифровизации как парадигмального параметра и цифровой среды как предмета исследования, к концу 2010-х годов стало назревать противоречие между реальной трансформацией роли цифрового пространства на всех уровнях жизни человека, включая внеинституциональный, и отсутствием сформировавшегося исследовательского вектора в сторону рассмотрения последнего. Современные профессиональные педагогические исследования по-прежнему системно фокусируют внимание в первую очередь на дидактически спроектированную образовательную среду как цифровое пространство развития человека, между тем, оно уже вышло за эти пределы.

Известно, что повседневный опыт тоже является источником образования (информальное образование, самообразование), так, по нашему мнению, существует реальная научная необходимость рассмотрения влияния именно глобальной цифровой среды на развитие личности за пределами институциональной системы.

Природа данного противоречия заключается в нашем понимании в естественной консервативности педагогического знания. Так, рассмотрение информационных качеств в первую очередь в функциональной парадигме берёт свои истоки ещё в прошлом веке, когда информационные технологии проектировались и прогнозировались именно как средство решения ограниченного круга задач, но ни в коем случае не как отдельная жизненная реальность.

Именно такой вектор исследований позволил бы максимально полно раскрыть основную информационную трансформацию последних 10 лет – кастомизацию информационных траекторий и полную пространственно-временную свободу потребления, продуцирования информации и обмена ею.

Перспективным, по нашему мнению, представляется и исследование педагогического влияния платформ как локальных цифровых сред по аналогии с ЭИОС с учётом платформизации как одной из основных реализующихся в 2020-е годы социально-информационных тенденций.

Основные выявленные сущностно-содержательные характеристики рассмотренных нами этапов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные факторы развития представлений об информационной культуре в различные эпохи

Этап	Исторические границы	Новый источник информации	Новое свойство информации	Понимание информационной культуры	Предпосылки для перехода к следующему этапу
1	Зарождение человечества – появление институционального образования	Природа и повседневная реальность	Интенсивность и однородность информационных потоков	На уровне значимости знания для повседневной деятельности	Усложнение социального строя и социальной реальности
2	Институционализация образования – информатизация общества	Педагог и книга	Профессионализация и авторитет	Приравнивание информационной культуры к культуре чтения	Массовость библиотек, газет и журналов, зарождение аудио- и видеотехнологий
3	Информатизация общества – всеобщая доступность интернета	Аудио и видео СМИ	Технологическая диверсификация, резкое увеличение и ускорение информационных потоков, массовая доступность информации	Выделение информационной культуры как отдельного качества личности	Распространение аудио- и видеокассет как первого средства кастомизации информационных траекторий
4	Всеобщая доступность интернета – распространение смартфонов	Глобальная информационная сеть	Кастомизация информационных, снижение содержательного качества информации, уменьшение величины информационных продуктов	Понимание сетевой среды как средства и ресурса развития личности	Развитие эргономики цифровых устройств
5	Распространение смартфонов – н.в.	Цифровые платформы	Депрофессионализация информационной деятельности, доминирование несодержательной, банальной, типизированной и шаблонизированной информации	Понимание информационной среды как пространства развития личности	Возможно развитие систем искусственной рекомендации информации и искусственной генерации текстов

Заключение и выводы исследования

Проведенный историко-педагогический анализ позволил нам прийти к следующим выводам:

1. Педагогическая периодизация этапов представлений о развитии информационной культуры не полностью совпадает с традиционной концепцией «четырех информационных революций» (появление письменности – появление книгопечатания – появление аудиовизуальных технологий – появление компьютеров) – хотя и, безусловно, коррелирует с ней – по причине того, что последняя центрируется вокруг наличия у человечества тех или иных информационных технологий, в то время как для педагогической парадигмы важно ещё и формирование устойчивой системы образовательных отношений с их использованием в условиях массового распространения и доступности последних, в том числе и для обучающихся.

Так, например, вторая и третья информационные революции объединяются нами в один этап, поскольку, хотя аудиовизуальные технологии передачи информации и существовали в конце XIX – начале XX века, для широких масс основным источником информации по-прежнему были книги и газеты. Четвертый этап «концепции информационных революций», напротив, разбит на несколько этапов, потому что хотя с формальной точки зрения мы до сих пор живём в эпоху компьютеров, очевидно, что не представляется возможным сравнивать социально-информационную ситуацию, скажем, 1980-х и 2020-х годов.

2. На развитие представлений об информационной культуре влияет не только информационно-технологический облик мира, но и социально-информационная парадигма, под которой, по нашему мнению, следует понимать роль информации в жизни человека и совокупность его мировоззренческих ориентиров в её отношении как структурную основу для формирования информационной культуры в педагогическом понимании.

3. Понятие информационной культуры выделилось как педагогический объект только в эпоху информатизации. До этого оно было имплицитным и сводилось к культуре чтения и учебной деятельности в целом.

4. Основным противоречием рассмотрения нашей проблематики на современном этапе является доминирование анализа развития информационной культуры как качества, формируемого либо в условиях институциональной образовательной среды, либо для институциональной образовательной среды, в то время как очевидно, что именно неинституциональная навигация в цифровом мире выступает одним из основных способов времяпрепровождения современного человека, в особенности молодёжи.

Список литературы

1. *Белина Е.В.* О развитии понятия «культура чтения» в русской культуре и науке // Человек и образование. – 2014. – № 3. – С. 61–65.
2. *Мелентьева Ю.П.* Чтение: явление, процесс, деятельность. – Москва: РАН, 2010. – 328 с.
3. *Афанасьев С.В.* Информационная культура: типологический анализ // Философская мысль. – 2018. – № 1. – С. 59–70.
4. *Вострокнутов И.Е., Григорьев С.Г., Сураат Л.И.* 35 лет школьной информатике. Как создавался фундамент современной информатики и информатизации образования // Чебышевский сборник. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 502–519.
5. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – Москва: Academia, 2004. – 788 с.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. *Маклюэн М.* Война и мир в глобальной деревне. – Москва: АСТ: Астрель, 2012. – 219 с.
8. *Тоффлер Э.* Третья волна. – Москва: АСТ, 1999. – 776 с.
9. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – Москва: Владос, 1994. – 336 с.
10. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – Москва: Логос, 2000. – 330 с.
11. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 3–23.
12. *Суханов А.П.* Информация и прогресс. – Новосибирск: Наука, 1988. – 192 с.
13. Информатика и культура: сборник научных трудов / отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 231 с.

References

1. *Belina E.V.* O razvitii ponyatiya «kul'tura chteniya» v russkoj kul'ture i nauke // Chelovek i obrazovanie. – 2014. – № 3. – S. 61–65.
2. *Melent'eva Yu.P.* Chtenie: yavlenie, process, deyatel'nost'. – Moskva: RAN, 2010. – 328 s.
3. *Afanas'ev S.V.* Informacionnaya kul'tura: tipologicheskij analiz // Filosofskaya mysl'. – 2018. – № 1. – S. 59–70.
4. *Vostroknutov I.E., Grigor'ev S.G., Surat L.I.* 35 let shkol'noj informatike. Kak sozdavalsya fundament sovremennoj informatiki i informatizacii obrazovaniya // Chebyshevskij sbornik. – 2021. – T. 22, № 1. – S. 502–519.
5. *Bell D.* Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. – Moskva: Academia, 2004. – 788 s.
6. *Kastel's M.* Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. – Moskva: GU VSHE, 2000. – 608 s.
7. *Maklyuen M.* Vojna i mir v global'noj derevne. – Moskva: ACT: Astrel', 2012. – 219 s.
8. *Toffler E.* Tret'ya volna. – Moskva: ACT, 1999. – 776 s.
9. *Abdeev R.F.* Filosofiya informacionnoj civilizacii. – Moskva: Vlados, 1994. – 336 s.
10. *Inozemcev V.L.* Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy. – Moskva: Logos, 2000. – 330 s.

11. *Rakitov A.I.* Civilizaciya, kul'tura, tekhnologiya i ryнок // *Voprosy filosofii*. – 1992. – № 5. – S. 3–23.
12. *Suhanov A.P.* Informaciya i progress. – Novosibirsk: Nauka, 1988. – 192 s.
13. *Informatika i kul'tura: sbornik nauchnyh trudov / otv. red. I.S. Ladenko*. – Novosibirsk: Nauka, Sib. otdnie, 1990. – 231 s.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ № 1 (46)' 2024

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Демиденко В.К.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Переводчик

Грибов В.В.

Электронное издание.

Подписано в тираж 23.04.2024.

Печ. л. 13,25. Усл.-печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 8,9.

Объем 2,7. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 24-0011.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.